

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022 Том 5 № 2

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россоотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2022 г., следующий:

№ 4 2022	Экономические проблемы на постсоветском пространстве	до 01.05.2022 г.
№ 5 2022	Номер не тематический	до 15.05.2022 г.
№ 6 2022	Большое евразийское пространство	до 15.09.2022 г.
№ 7 2022	Номер не тематический	до 15.10.2022 г.
№ 8 2022	Приднестровский конфликт: история и современность	до 01.12.2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2022

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2022 VOLUME 5 No. 2

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambayevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2022 will deal with the following issues:

№ 4 2022	Economic problems in the Post-Soviet space	Until 01.05.2022 r.
№ 5 2022	Non-thematic issue	Until 15.05.2022 r.
№ 6 2022	The Great Eurasian Space	Until 15.09.2022 r.
№ 7 2022	Non-thematic issue	Until 15.10.2022 r.
№ 8 2022	The Transnistrian conflict: history and modernity	Until 01.12.2022 r.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров.....138

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Кирчанов М.В. Роль Президента в «политике памяти» в современном Таджикистане.....147

Parkhitko N.P. Stalingrad Triumph of the Red Army. To the 79-th Anniversary (Пархитко Н.П. Сталинградский триумф РККА. К 79-й годовщине события).....156

ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Дерендяева А.Д. Ключевые концепты государственных гимнов на постсоветском пространстве: историческая преемственность или новая идентичность?.....170

Дуйшеева А.Ж. Межкультурная коммуникация в условиях меняющегося мира?....181

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Романчук Е.С. Государственный долг и экономическое развитие Киргизии: институциональные аспекты.....189

Одибоев К.М., Калмык Д.В. Российские военные объекты на территории Киргизской Республики.....200

Югай Ю. В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию.....206

ПРОБА ПЕРА

Дементьева О.Е., Моргоева Д.Э., Нестеров А.В. Терроризм в Российской Федерации в 2002–2020 гг.....220

Contents

SECURITY PROBLEMS

Borzova A.Yu. Savicheva E.M. Kulumbegova L.T. Security problems in the South Caucasus in the research of foreign think tanks.....138

HISTORICAL MEMORY

Kyrchanoff M.W. The role of the President in the "politics of memory" in modern Tajikistan.....147

Parkhitko N.P. Stalingrad Triumph of the Red Army. To the 79-th Anniversary.....156

IDENTITY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Derendyaeva A.D. Key Concepts of State Anthems in the Post-Soviet Space: Historical Continuity or New Identity?.....170

Duisheeva A.J. Intercultural communication in the conditions of the changing world.....181

CENTRAL ASIA

Romanchuk E.S. Public Debt and Economic Development of Kyrgyzstan: Institutional Aspects.....189

Odiboev K.M., Kalmyk D.V. Russian military objects in Kyrgyz Republic.....200

Yugai J.V. Labor Migration from Central Asian Countries to the Russia.....206

FIRST STEPS

Dementieva O.E., Morgoeva D.E., Nesterov A.V. Terrorism in the Russian Federation in 2002-2020.....220

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ SECURITY PROBLEMS

Научная статья / Research article

Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров

А. Ю. Борзова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9886-797>, e-mail: bau845@mail.ru

Е. М. Савичева

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8617-3508>, e-mail: savicheva@mail.ru

Л. Т. Кулумбегова

*Юго-осетинского государственного университета им. А.А.Тибилова, Цхинвал,
Южная Осетия*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-634X>, e-mail: linakulumbegova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается геополитическая ситуация, сложившаяся на Южном Кавказе после окончания военных действий между Арменией и Азербайджаном, связанных с принадлежностью Нагорного Карабаха, в 2020 г. Отмечается, что сложные внутривнутриполитические процессы в странах региона сопровождаются усилением борьбы за влияние здесь внерегиональных акторов, что осложняет проблему обеспечения региональной безопасности. Признание РФ суверенитета Южной Осетии и Абхазии после войны 2008 г. серьезно повлияло на политическую ситуацию в регионе. Длительный конфликт вокруг Нагорного Карабаха также обостряет проблему безопасности, поскольку затрагивает интересы не только Армении и Азербайджана, но и РФ, Турции, Ирана, США. В статье исследуются публикации ряда зарубежных «мозговых центров», реализующих специальные исследовательские программы по России и Евразии, в которых значительное место отводится анализу причин карабахского конфликта, рассматриваются интересы стран Южного Кавказа, выделены различия в позиции Турции и РФ по обеспечению региональной безопасности. В статье также получила освещение инициатива по переговорному формату «3+3» и ее значение для урегулирования сложившейся ситуации. Эта идея была поддержана Турцией, Азербайджаном, Ираном, Арменией, Россией, но вызвала неприятие со стороны США. Авторы приходят к заключению, что роль РФ в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха фактически игнорируется зарубежными исследователями, однако со снижением напряженности в этом конфликте отмечается рост количества зарубежных исследований, где прогнозируется неминуемое обострение ситуации вокруг Грузии.

Ключевые слова: Южный Кавказ, безопасность, геополитические интересы, аналитические центры, конфликты, США, Турция, РФ, Иран, переговорный формат «3+3».

Для цитирования: Борзова А. Ю., Савичева Е. М., Кулумбегова Л. Т. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров. Постсоветские исследования. 2022;2(5):138-146.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО № 21–514–07001

Security problems in the South Caucasus in the research of foreign think tanks

A. Yu. Borzova

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9886-7977>, e-mail: bau845@mail.ru

E. M. Savicheva

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8617-3508>, e-mail: savicheva@mail.ru

L. T. Kulumbegova

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-634X>, e-mail: linakulumbegova@mail.ru

Abstract. The article focuses on the geopolitical situation in the South Caucasus after the end of hostilities between Armenia and Azerbaijan related to Nagorno-Karabakh in 2020. The authors note that complex internal political processes in the region are accompanied by the increased struggle for influence of non-regional actors, which exacerbates the problem of ensuring regional security. The recognition by the Russian Federation of the sovereignty of South Ossetia and Abkhazia after the 2008 war seriously affected the political situation in the region. The long-term conflict over Nagorno-Karabakh also complicates the security problem, since it affects the interests of not only Armenia and Azerbaijan, but also the Russian Federation, Turkey, Iran, and the United States. The article examines the publications of a number of foreign "think tanks" implementing special research programs on Russia and Eurasia, in which a significant place is given to the analysis of the Karabakh conflict causes, the interests of the South Caucasus countries, differences in the position of Turkey and the Russian Federation on ensuring regional security. The article also covered the initiative on the 3 + 3 negotiation format and its significance for resolving the current situation. This idea was supported by Turkey, Azerbaijan, Iran, Armenia, Russia, but was rejected by the United States. The authors come to the conclusion that the role of the Russian Federation in resolving the conflict over Nagorno-Karabakh is actually ignored by foreign researchers. However, with a decrease in tension in this conflict, there is an increase in the number of foreign studies, where an imminent aggravation of the situation around Georgia is predicted.

Key words: South Caucasus, security, geopolitical interests, analytical centers, conflicts, USA, Turkey, Russia, Iran, negotiation format "3 + 3".

For citation: Alla Yu.Borzova, Elena M.Savicheva, Lina T. Kulumbegova Security problems in the South Caucasus in the research of foreign analytical centers. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;2(5):138-146. (In Russ.)

Funding: the reported study was funded by RFBR, project № 21-514-07001

Южный Кавказ является регионом, в котором наряду со сложными внутривнутриполитическими процессами усиливается борьба за влияние между внешними центрами силы, что приводит порою к непредсказуемому развитию ситуации. «Революция роз» 2003 г. в Грузии, а затем последовавшая война 2008 г., когда Россия в ходе «операции по принуждению к миру» в зоне конфликта на территории Южной Осетии оттеснила грузинские войска, привела к фактическому отделению

от Грузии Южной Осетии и Абхазии, имели серьезные последствия для Южного Кавказа, для России и для политики Запада. Россия объявила о признании государственного суверенитета Южной Осетии и Абхазии, а план мирного урегулирования, разработанный Н. Саркози и Д. Медведевым, остался до конца не выполненным. Разрыв дипломатических отношений РФ и Грузии привел к еще большему отдалению Грузии от России, нарастанию там русофобской кампании и стремлению Тбилиси к

североатлантической и европейской интеграции. В итоге установились две параллельные политико-правовые реальности: одни и те же территории – бывшие автономии Грузинской ССР – существуют, с одной стороны, в качестве провозгласивших независимость полупризнанных государств, с другой – как контролируемые Россией территории независимой Грузии. С тех пор попыток изменения сложившегося порядка с помощью военной силы не предпринимался.¹ Ситуация в Абхазии и Южной Осетии выглядит относительно спокойной. Две частично признанные республики получили военно-политические гарантии и социально-экономическую помощь со стороны России, а Грузия, несмотря на официальную риторику о восстановлении территориальной целостности как важнейшем приоритете, не предпринимает усилий по установлению своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвали. Однако абхазский и югоосетинский выбор упрочил связи Тбилиси с США, НАТО и ЕС.²

Вторым фактором, осложняющим проблему обеспечения безопасности на Южном Кавказе, является имеющий длительную историю конфликт вокруг Нагорного Карабаха, неоднократно

становившегося ареной кровопролитных столкновений. Качественно новый этап конфликта начался в 1988 г., когда Нагорно-Карабахская Автономная область (НКАО) заявила о выходе из состава Азербайджанской ССР, что привело к открытой межнациональной конфронтации между армянами и азербайджанцами, а в 1991 г. Нагорный Карабах провозгласил независимость от Азербайджана, что в итоге в 1991–1994 гг. привело к масштабным военным действиям за контроль над этой территорией. Бишкекский протокол 1994 г. о перемирии и прекращении огня между Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой с одной стороны, и Азербайджаном с другой, был важным шагом в процессе урегулирования конфликта. В 1995г. была создана Минская группа ОБСЕ (сопредседатели Россия и Швеция) для поиска путей мирного урегулирования Карабахского конфликта, однако серьезных подвижек не произошло, поскольку стратегические цели у сторон остались те же: полная победа в карабахском конфликте, а не поиск взаимоприемлемых договоренностей и компромиссов. Этим объясняется и рост расходов на вооружение у стран Южного Кавказа, непосредственно вовлеченных в конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

Таблица 1. Расходы на вооружение Армении и Азербайджана (в млн.долл)³

Страна	1992	1996	2000	2005	2008	2010	2015	2018	2020
Армения	141,2	111	152	227	364	397	461	523	635
Азербайджан	200	78	141	303	1308	1094	2330	1716	2173

Еще в 2000 г. шведский исследователь Сванте Корнелл отмечал, что «карабахский конфликт имеет наибольшее стратегическое и общерегиональное значение», это конфликт, который может нести в себе угрозу «третьей мировой войны», поскольку в него вовлечены два независимых

государства, и он происходит в непосредственной близости от трех заинтересованных международных акторов (России, Турции и Ирана), каждый из которых претендует на роль регионального центра силы и способствует формированию на Кавказе и вокруг него противостоящих друг другу группировок государств.⁴

¹Маркедонов С. Чем закончилась война 08.08.08. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/08/03/777285-voina-080808>

² Маркедонов С. Россия – Турция: от противоречий к конфронтации //Россия в глобальной политике 2016. №5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijsko-tureczkie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-kavkazskogo-regiona/>

³ Military expenditure by country, in constant (2019) US\$ m., 1988-2020 © SIPRI 2021 URL: <https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988-2020%20in%20constant%20%282019%29%20USD%20%28pdf%29.pdf>

⁴ Сванте Корнелл. Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения. URL:

В исследовании, подготовленном в ведущем аналитическом центре мира – Институте Брукингса, отмечается, что Россия и Турция, также как США рассматривают Южный Кавказ как площадку для геополитического соперничества. Российская Федерация, в состав которой входят семь субъектов Северо-Кавказского федерального округа, связывает эту территорию с внутренней повесткой, завязанной, прежде всего, на безопасности. Турция проводит свои далекоидущие интересы, укрепляя взаимодействие с Азербайджаном и Грузией, которая, к тому же, стремится к расширению военно-политических связей с НАТО. Турция поддерживает территориальную целостность Азербайджана и осуждает действия Армении в Нагорном Карабахе, занимается поставкой вооружения и активной подготовкой азербайджанских военных, реализует ряд энергетических проектов с Баку. И, по мнению западных экспертов, турецкая внешнеполитическая стратегия в регионе рассматривается как политика коллективного Запада, вовлеченность которого в региональные проблемы нуждается в усилении.¹ Весьма показательным, что в исследовании российского политолога В. В. Соболяникова² доказано, что Великобритания, Турция и Азербайджан преднамеренно распространяли заведомо ложную информацию про Карабах.

Конфликт вспыхивал неоднократно, а в сентябре 2020 г. на границе Армении и Азербайджана начались военные столкновения, в результате которых значительно окрепшей армии Азербайджана удалось занять ряд территорий в Нагорном Карабахе.

Новый виток вооруженного противостояния в Нагорном Карабахе вызвал

интерес зарубежных аналитических центров к проблеме безопасности в этом регионе. Так, Ян Энтони, директор программы по Европейской безопасности СИПРИ³ в своем экспертном комментарии отмечает, что периодические обострения и периоды относительной стабильности были характерны для этого конфликта, но в этот раз, несмотря на призывы ООН, ОБСЕ к сдержанности, соблюдению режима прекращения огня и конструктивным переговорам, урегулирование оказалось труднодостижимым. Автор указывает, что «в основе нынешнего конфликта лежит неспособность сбалансировать два принципа, присущих европейской системе безопасности: нерушимость границ и национальное самоопределение». Ситуацию усугубляют вопросы религии, культуры и этнической принадлежности, поскольку подавляющее большинство населения Нагорного Карабаха имеет армянское происхождение и христианское вероисповедание, а Азербайджан является конституционно светским государством, но большинство его населения исповедует ислам. Ситуация также осложняется энергетической геополитикой вокруг трубопроводов, «соединяющих» энергоресурсы Каспийского моря с Европой, которые проходят в непосредственной близости от спорной территории. Автор отмечает, что Азербайджан использовал ресурсы, полученные от продажи нефти и газа, для закупки оружия у ряда поставщиков и создания национальной оружейной промышленности, в то время как военная помощь со стороны России позволяла Армении балансировать азербайджанскую военную модернизацию. И в качестве вывода Ян Энтони указывает, что «конфликт стал важным политическим фактором как в Армении, так и в Азербайджане, где защита

https://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_015.htm

¹ Hill F., Kari K., Moffatt A. Retracing the Caucasian Circle - considerations and constraints for U.S., EU and Turkish engagement in the South Caucasus // Policy Paper. 2015. No 6. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/south_caucasus.pdf

² Соболяников В. В. Арцах в дискурсе информационно-психологического противостояния

акторов новой «Большой игры»// Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, No 3. Professional education in the modern world, 2021, vol. 11, No. 3.

³ Ian Anthony. Escalating violence in Nagorno-Karabakh: Local solutions offer the main hope URL: <https://www.sipri.org/commentary/expert-comment/2020/escalating-violence-nagorno-karabakh-local-solutions-offer-main-hope>

жизненно важных национальных интересов использовалась для мобилизации политической поддержки населения».¹

А. Стронелл, эксперт Международного института стратегических исследований (МИСИ) выделяет четыре фактора, характеризующих ситуацию вокруг второго карабахского конфликта: во-первых, эти боевые действия стали самыми интенсивными с 1990-х гг., во-вторых, возобновление операций отмечено значительно возросшим иностранной вовлеченностью, в частности, поддержкой Турции, в-третьих, возобновившиеся столкновения подорвали надежды на урегулирование конфликта, что казалось было близкими к реализации еще в предшествующем году, и в-четвертых, выделяется преднамеренно спланированное азербайджанское наступление, и если говорить о заявлениях президента, то Баку, похоже, полон решимости довести эту операцию до полного завершения.² Автор подчеркивает, что Турция, по всей вероятности, использует данный конфликт, чтобы оказывать влияние на ситуацию в регионе и утвердиться в качестве лидирующей региональной державы. Напротив, Россия, которая официально является союзником Армении и традиционно благосклонно относится к позиции Еревана, склонна видеть себя скорее посредником между двумя бывшими советскими республиками. «В отличие от громкой поддержки Баку Анкарой, Москва выжидала, отказавшись встать на чью-либо сторону, и присоединилась к международному сообществу, призывающему к немедленному прекращению огня и к диалогу». Автор обращает внимание, что «достичь прогресса в направлении окончательного урегулирования будет крайне сложно, поскольку лидеры как Армении, так и Азербайджана рассматривают исход

конфликта как вопрос национального и личного авторитета».³

С началом военного противостояния лидеры России, США и Франции, сопредседателей Минской группы ОБСЕ, курирующей мирное урегулирование карабахского конфликта, 1 октября выпустили совместное заявление. Они призвали стороны к немедленному прекращению огня и возвращению к переговорам без предварительных условий. Благодаря решительной дипломатии России в ночь с 9 на 10 ноября, вскоре после потери армянами контроля над Шушой, президент Азербайджана, премьер-министр Армении и президент России подписали трёхстороннее заявление о прекращении боевых действий, а в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора были развёрнуты российские миротворческие силы.⁴ В течение 2021 г. РФ приложила немало усилий для урегулирования этого вопроса в рамках трехсторонних переговоров.

Как указывает в обзоре Лоуренс Броерс, исследователь Программы по России и Евразии, а в 2019 г. возглавивший программу по Кавказу Королевского института международных отношений (Chatham House) Великобритании, «хотя в прошлом было трудно точно определить, кто нарушил прекращение огня, в данном случае кажется, что со стороны Азербайджана была сильная степень преднамеренности, который чувствует себя достаточно уверенно, чтобы повторить попытку «Четырехдневной войны» 2016 года». Несомненно, самой печальной жертвой боевых действий стал зарождавшийся мирный процесс. Автор указывает, что одним из сложных вопросов будет демаркация границ,⁵ поскольку Азербайджан оказывает максимальное давление на процесс урегулирования до официальной демаркации своей границы с Арменией. Еще больше усложняет ситуацию то, как считает автор, что на армяно-

¹ Op.cit.

² Stronell A. Renewed fighting between Armenia and Azerbaijan: what makes it different this time? URL: <https://www.iiss.org/people/cyber-space-and-future-conflict/alexander-stronell>

³ Op.cit.

⁴Подробнее на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/11/2020/5f7067be9a794753f86fb7b5>

⁵Laurence Broers. New Armenian-Azerbaijani border crisis unfolds URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/05/new-armenian-azerbaijani-border-crisis-unfolds>

азербайджанской границе также есть несколько крошечных анклавов, созданных в советский период в качестве решения земельных споров на местном уровне. В Азербайджане есть один армянский анклав и три азербайджанских анклава в Армении, и все они практически были зачищены от коренных жителей в начале 1990-х гг. Некоторые из бывших азербайджанских анклавов действительно имеют стратегическое значение из-за их расположения недалеко от основных транспортных маршрутов Армении, в частности, это относится к одной из двух магистралей, ведущих в Грузию через Ноемберян, и шоссе, соединяющему Ереван с южной Арменией. Совершенно очевидно, что существует необходимость в деятельности пограничной комиссии для определения окончательной и согласованной демаркации армяно-азербайджанской границы.

Ян Энтони подчеркивает, что мирный процесс в Нагорном Карабахе следует подкреплять обеспечением безопасности населения данного района, развитием инфраструктуры, различными техническими инициативами, что даст надежду на полноценное разрешение конфликта. Автор указывает, что «удержание территорий на протяжении десятилетий не увенчалось успехом в качестве стратегии Армении по получению от Азербайджана уступок в отношении статуса Нагорного Карабаха. Более определенно то, что секьюритизация восточной и южной периферии Армении способствует встраиванию страны в российский режим безопасности».¹

Однако усилиями российского дипломатии удалось добиться определенного консенсуса в позиции Армении и Азербайджана.² Можно с уверенностью сказать, что резкого

размежевания в Кавказском регионе из-за различных подходов России и Турции к решению конфликтной ситуации не произошло.

Лидерами Турции и Азербайджана была выдвинута инициатива создания формата для переговоров «3+3» (три закавказские страны – Армения, Грузия и Азербайджан, а также Россия, Турция и Иран) для обсуждения ситуации в регионе в свете последних событий, обеспечения коллективной безопасности и сотрудничества.³ Эта идея была поддержана Ираном, который заверил в своей готовности содействовать шагам по укреплению мира в регионе, и Москвой. Премьер-министр Армении Никол Пашинян заявлял, что формат интересен Еревану точно так же, как и другие региональные проекты, если он не подменяет собой уже существующие форматы, такие как Минская группа ОБСЕ. Глава МИД Грузии Д. Залкалиани, выступая в парламенте 19 ноября 2021 г., заявил, что Тбилиси не планирует участвовать в формате «3+3». Эта инициатива натолкнулась на неприятие США. Так, глава Пентагона Ллойд Остин, комментируя предложение по созданию формата «3+3» по Закавказью, отметил, что «Россия, которая в настоящее время контролирует 20% территории Грузии, следовало бы уважать условия соглашения 2008 года о прекращении огня, прежде чем говорить о новых платформах».⁴

Люк Коффей, директор Центра Аллисона по внешнеполитическим исследованиям в Фонде «The Heritage», указывает, что этот формат позволит России и дальше подрывать территориальную целостность Грузии, называя его «фальшивым выбором», который вскоре может превратиться в «3+3+2» с присоединением Южной Осетии и Абхазии, а дальше – в «3+3+3», с появлением

¹ Ian Anthony. Escalating violence in Nagorno-Karabakh: Local solutions offer the main hope URL: <https://www.sipri.org/commentary/expert-comment/2020/escalating-violence-nagorno-karabakh-local-solutions-offer-main-hope>

² «В Азербайджане настроены на то, чтобы перевернуть страницу многолетнего противостояния с Арменией, начать этап нормального взаимодействия. Алиев выразил готовность перевернуть «страницу

противостояния» с Арменией. Подробнее на РБК: URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2021/61a118039a79472c1764846a>

³ МИД РФ надеется на скорое решение вопроса по встрече в формате «3+3» по Закавказью. 26.11.2021. URL: <https://tass.ru/politika/13031867>

⁴ Кавказский Узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/369817/>

Нагорного Карабаха в статусе российского протектората.¹

Автор подчеркивает, что предложенный формат усилит позиции России и Ирана в регионе и одновременно с этим, скорее всего, подорвет турецкое влияние на Южном Кавказе, постепенно снизит евроатлантическое влияние и подорвет независимость и суверенитет расположенных здесь трех небольших государств.

И в этом контексте политолог предлагает «дорожную карту» для США, предусматривающую усиление своего политического присутствия, поддержку строительства новой региональной транзитной и энергетической инфраструктуры с включением Армении, содействие реализации проекта Транскаспийского трубопровода, что может «проложить путь» для газопровода Туркменистан-Азербайджан-Армения-Нахчывань-Турция (ТААНаТ). США, по мнению автора, должны расширить свое присутствие и закрепить лидерство в регионе. «Регион отчаянно нуждается в более активном участии США. Пришло время Вашингтону приступить к делу».

Что касается Грузии, то, по мнению Люка Коффея, она должна углублять стратегическое партнерство с Турцией и Азербайджаном, поддерживать минимальный уровень экономического взаимодействия с Россией и Ираном. Грузия может сыграть свою роль в установлении мира между Азербайджаном и Арменией.²

Идея о том, что «грузинская карта» активно разыгрывается Западом на Южном Кавказе получает подтверждение в статье Натии Сескурия³, появившейся на страницах издания Центра стратегических и международных исследований (CSIS). Автор подчеркивает, что «Россия перешла от использования обычных военных средств к

гибридным инструментам, направленным на восстановление влияния Кремля на Грузию более тонким и экономичным способом». Россия ведет активную милитаризацию и использует оккупированные регионы в качестве рычага воздействия на Тбилиси, постепенно захватывает грузинские территории путем «бордеризации» (отодвигая границы). Автор утверждает, что прозападная внешнеполитическая повестка Тбилиси и стремление присоединиться к европейскому и евроатлантическому пространству рассматриваются Кремлем как серьезная угроза национальной безопасности.

Основные цели Кремля, по мнению автора, дискредитировать Запад в глазах грузинской общественности и повернуть вспять европейскую и евроатлантическую повестку дня; ослабить Грузию изнутри с помощью радикальных националистических и прокремлевских группировок; изобразить Грузию как «корзину проблем», которая не может принести никакой пользы Западу.

Исследовательница делает вывод о том, что необходимо провести «красные линии» путем привлечения к ответственности России и ускорения вступления Грузии в НАТО, что принесло бы большую стабильность не только Тбилиси, но и всему Черноморскому региону.⁴

Таким образом, проблема региональной безопасности на Южном Кавказе приобретает все более серьезное значение не только для стран региона, но и для внерегиональных игроков, преследующих здесь свои интересы. И если большинство исследователей зарубежных аналитических центров признают определенный вклад России в процесс мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном, то при этом начинает делаться ставка на разыгрывание «грузинской карты», которая может

¹ Luke Coffey is the director of the Allison Center for Foreign Policy Studies at The Heritage Foundation. URL: <https://www.mei.edu/publications/33-format-south-caucasus-doesnt-add>

² Op.cit.

³ Исследовательница Королевского института объединенных служб (RUSI), консультант в Chatham House, читает лекции по российской политике.

⁴ Natia Seskuria Russia's "Hybrid Aggression" against Georgia: The Use of Local and External Tools. September 21, 202. URL: <https://www.csis.org/analysis/russias-hybrid-aggression-against-georgia-use-local-and-external-tools>

содействовать росту влияния США в регионе, но никак не содействовать миру и стабильности. Именно поэтому западными экспертами не приветствуется возможность работы в формате «3+3», где решать проблему безопасности должны непосредственно заинтересованные в этом стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркедонов С.М.* Россия – Турция: от противоречий к конфронтации // Россия в глобальной политике 2016. №5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijsko-tureczkie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-kavkazskogo-regiona/>
- Корнелл С.* Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения. URL: https://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_015.htm
- Собольников В.В.* Арцах в дискурсе информационно-психологического противоборства акторов новой «Большой игры»// Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, No 3. Professional education in the modern world, 2021, vol. 11, №. 3.
- Anthony I.* Escalating violence in Nagorno-Karabakh: Local solutions offer the main hope URL: <https://www.sipri.org/commentary/expert-comment/2020/escalating-violence-nagorno-karabakh-local-solutions-offer-main-hope>
- Coffey is the director of the Allison Center for Foreign Policy Studies at The Heritage Foundation. URL: <https://www.mei.edu/publications/33-format-south-caucasus-doesnt-add>
- Hill F., Kari K., Moffatt A.* Retracing the Caucasian Circle - considerations and constraints for U.S., EU and Turkish engagement in the South Caucasus // Policy Paper. 2015. No 6.
- Laurence Broers L.* New Armenian-Azerbaijani border crisis unfolds URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/05/new-armenian-azerbaijani-border-crisis-unfolds>
- Seskuria N.* Russia's "Hybrid Aggression" against Georgia: The Use of Local and External Tools September 21, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/russias-hybrid-aggression-against-georgia-use-local-and-external-tools>
- Stronell A.* Renewed fighting between Armenia and Azerbaijan: what makes it different this time? URL: <https://www.iiss.org/people/cyber-space-and-future-conflict/alexander-stronell>

REFERENCES

- Markedonov S.M.* Rossiya – Turkiya: ot protivorechij k konfrontacii // Rossiya v global'noj politike 2016. №5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijsko-tureczkie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-kavkazskogo-regiona/>
- Kornell S.* Konflikt v Nagornom Karabahe: dinamika i perspektivy resheniya. URL: https://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_015.htm
- Sobol'nikov V.V.* Arcah v diskurse informacionno-psihologicheskogo protivoborstva aktorov novoi «Bol'shoi igry»// Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. 2021. T. 11, No 3. Professional education in the modern world, 2021, vol. 11, №. 3.
- Anthony I.* Escalating violence in Nagorno-Karabakh: Local solutions offer the main hope URL: <https://www.sipri.org/commentary/expert-comment/2020/escalating-violence-nagorno-karabakh-local-solutions-offer-main-hope>
- Coffey is the director of the Allison Center for Foreign Policy Studies at The Heritage Foundation. URL: <https://www.mei.edu/publications/33-format-south-caucasus-doesnt-add>
- Hill F., Kari K., Moffatt A.* Retracing the Caucasian Circle - considerations and constraints for U.S., EU and Turkish engagement in the South Caucasus // Policy Paper. 2015. No 6.
- Laurence Broers L.* New Armenian-Azerbaijani border crisis unfolds URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/05/new-armenian-azerbaijani-border-crisis-unfolds>
- Seskuria N.* Russia's "Hybrid Aggression" against Georgia: The Use of Local and External Tools September 21, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/russias-hybrid-aggression-against-georgia-use-local-and-external-tools>
- Stronell A.* Renewed fighting between Armenia and Azerbaijan: what makes it different this time? URL: <https://www.iiss.org/people/cyber-space-and-future-conflict/alexander-stronell>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борзова Алла Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Москва, Россия. (E-mail: bau845@mail.ru)

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Москва, Россия. (E-mail: savicheva@mail.ru)

Колумбегова Лина Темуриевна, ст. преподаватель кафедры политологии и социологии Югоосетинского государственного университета им. А.А. Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия. (E-mail: linakulumbegova@mail.ru)

Alla Y. Borzova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Theory and History of International Relations Department, RUDN University. (E-mail: bau845@mail.ru)

Elena M. Savicheva, Ph.D. in History, Associate Professor of the Theory and History of International Relations Department, RUDN University. (E-mail: savicheva@mail.ru)

Lina T. Kolumbegova, Assistant Professor, Department of Political Science and Sociology, South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia. (E-mail: linakulumbegova@mail.ru)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

HISTORICAL MEMORY

Научная статья / Research article

Роль Президента в «политике памяти» в современном Таджикистане

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Цель этого исследования – анализ исторической политики памяти в современном Таджикистане в контекстах участия президента страны Эмомали Рахмона в формировании канона памяти. Автор анализирует основные векторы и траектории развития исторической политики в формировании политического компромисса и поддержании устойчивости таджикской государственности. В статье проанализированы смыслы, проецируемые на прошлое президентом Таджикистана, который играет ведущую роль в развитии «мемориального канона»; коммеморативные практик и стратегий, реализуемые в современной политике памяти главой государства; направления и особенности исторического воображения и конструирования образов прошлого в официальном историческом воображении Республики Таджикистан. Изучена роль государственных органов как основных участников политики памяти и форматоров мемориального канона. Показано, что центральной фигурой в политике памяти Таджикистана является Президент Эмомали Рахмон. Предполагается, что роль президента в реализации исторической памяти стала следствием особенностей политического режима постсоветского Таджикистана. Результаты исследования позволяют предположить, что в нарративах, формирующих таджикскую историческую политику, преобладает «высокий» стиль; политика памяти в Таджикистане персонифицирована, что превращает образы президента и Таджикистана во взаимозависимые; историческая политика основана на государственных нарративах, маргинализируя этнические.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, Таджикистан, Эмомали Рахмон, мемориальный канон, гражданская идентичность.

Для цитирования: Кирчанов М. В. Роль Президента в «политике памяти» в современном Таджикистане. Постсоветские исследования. 2022;2(5):147-155.

The role of the President in the "politics of memory" in modern Tajikistan

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Voronezh, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to analyze the historical politics of memory in modern Tajikistan in contexts of the participation of President Emomali Rahmon in the formation of the memorial canon. The author analyzes the main vectors and trajectories of the development of historical politics in the formation of a political compromise and maintaining the stability of the Tajik statehood. The article analyzes the meanings projected onto the past by the president of Tajikistan, who plays a leading role in the development of the "memorial canon"; commemorative practices and strategies implemented in the actual politics of memory by the head of state; directions and features of historical imagination and the construction of images of the past in the official historical imagination of the Republic of Tajikistan. The role of state bodies as the main participants in the politics of memory and formators of the memorial canon has been studied in the text. It is shown that the President Emomali Rahmon is the central figure in the politics of memory of Tajikistan. It is assumed that the role of the president in the implementation of historical memory

became the result of the institutionalized peculiarities of the political regime in post-Soviet Tajikistan. The results of the study suggest that the “high” style prevails in the narratives that form the Tajik historical politics; the politics of memory in Tajikistan is personified, which turns the images of the president and Tajikistan into interdependent concepts; the historical policy is based on state narratives, marginalizing ethnic ones.

Keywords: historical politics, politics of memory, Tajikistan, Emomali Rahmon, memorial canon, civic identity.

For citation: Maksym W. Kyrchanoff The role of the President in the "politics of memory" in modern Tajikistan. Security problems in the South Caucasus in the research of foreign analytical centers. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;2(5):147-155. (In Russ.)

Введение. Историческая политика, «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер 2009: 6], применяется в современном мире большинством политических элит. Формы исторической политики могут быть различны, включая ограничение доступа к архивам, предпочтения для лояльных историков, создание специализированных институтов и музеев памяти с идеологическими функциями. В ряде стран её проведение деперсонифицировано, основными акторами политики памяти являются специализированные институты и музеи, формирующие мемориальные каноны. В других странах она, наоборот, персонифицирована, протекает на уровне политических элит, что характерно для России, Беларуси, Туркменистана, где историческая память складывается с учетом оценок событий истории главами государств. Такая версия исторической политики как политики памяти реализуется и в Таджикистане.

Цель и задачи. Целью статьи является анализ политики памяти Таджикистана через призму высказываний и речей президента страны Эмомали Рахмона; задачами – 1) изучение содержания и смыслов, приписываемых прошлому президентом как одним из форматоров политики памяти, 2) анализ коммеморативных практик и стратегий, связанных фигурой главы государства, 3) рассмотрение особенностей исторического

воображения в официальном дискурсе Республики Таджикистан.

Методология. Статья основана на принципах, предложенных в исследованиях, посвященных мемориальному повороту в исторической и политической культурах [Маклюк 2011]. В рамках исследований памяти на уровне методологии изучаются проявления исторической памяти как социального и культурного феномена, различные формы коммеморации прошлого и мемориальные стратегии – от ревизии истории до деконструкции различных групповых и социальных памятей из мемориального канона и их замены новыми версиями прошлого [Кирчанов 2014].

Историография. Исследованиям исторической памяти посвящена значительная историография, в которой особое внимание уделяется общим и частным проблемам исторической памяти [Ефременко, Малинова, Миллер 2018]. В первом случае анализируются механизмы формирования исторической памяти, особенности отбора событий для коммеморации и забывания, социально и политически мотивированные проявления коллективной амнезии, во втором – частные случаи развития исторической памяти в отдельных обществах [Копосов 2010]. Большинство таких работ о политике памяти сосредоточено на изучении стран Европы и Америки [Кирчанов 2017]. Восточные версии исторической политики изучены незначительно [Ким 2021], что указывает на важность и актуальность анализа политики памяти в современном Таджикистане.

Таджикская модель исторической политики. Центральным элементом современного мемориального канона в

Таджикистане, формируемого исторической политикой, является признание ведущей роли президента страны в ее новейшей истории. Подобное восприятие прошлого стимулируется особенностями политического режима. По мнению австрийского историка Р. Линднера, «во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике» [Линднер 1996: 21]. В случае с постсоветским Таджикистаном подобное подчинение заметно в контекстах актуализации сервилитских функций истории не как науки, но как одного из элементов политики памяти, направленной на переосмысление и формирование таких ее интерпретаций, которые вписывались в механизм воспроизводства режима, актуализируя его успехи и достижения.

В связи с 30-летием независимости в марте 2022 г. в информационной справке, размещенной на сайте президента, фигура Эмомали Рахмона позиционировалась в качестве системообразующей в истории страны: «благодаря многовековой мудрости таджикского народа и плодотворной политике руководства государства и Правительства Республики Таджикистан, в частности неустанным усилиям Основателя мира и национального единства – Лидера Нации, Президента Эмомали Рахмона... следует отметить, что патриотически настроенный народ Таджикистана для достойного празднования 30-летия государственной независимости и празднования этого священного национального праздника на высоком политическом и культурном уровне без затрат бюджетных средств построил более 25 тысяч различных производственных и социальных объектов»¹. Подобные нарративы не только превращают фигуру президента в центральный элемент мемориального канона, но и актуализируют одновременно нарративы древней, «славной», истории в современной политике памяти, а также фиксируют структурные элементы современного «высокого» стиля в рамках официального дискурса, которые включают нарративы «древняя мудрость

таджикского народа», «Лидер нации», «Основатель мира и национального единства»² и «патриотический таджикский народ»³.

Среди этих нарративов одним из центральных является «давлати миллии», позволяющий в официальной версии исторической памяти формировать образ Таджикистана как «национального государства»⁴, основанного на идее «национального единства»⁵. Официальная версия исторической памяти воспринимает «независимость» как достижение Эмомали Рахмона, боровшегося против «угрозы разрушения молодого таджикского государства и распада нации»⁶ ради сохранения и укрепления «национального единства таджиков»⁷. Историческое знание в «новых» государствах, которые прошли через гражданские и конфессиональные конфликты, оказывается в большей степени подвержено идеологизации и манипулированию со стороны политических классов.

Если интеллектуалы существуют в «условиях конфликта между интересами исследования и требования текущей политики» [Lindner 1999: 631], то вторая может превалировать. Поэтому история интегрируется в число мобилизационных механизмов режима, что содействует ее

² Иштирок дар тантанаҳои идои ба ифтихори 26 - умин солгарди Истиклолияти давлати Ҷумҳурии Тоҷикистон // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 09.09.17. URL.: <http://www.president.tj/node/16152>

³ Иштирок дар тантанаҳои идои ба ҷашни 30-юмин солгарди Истиклолияти давлати дар “Наврӯзгоҳ” - и пойтахт // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 09.09.21. URL.: <http://www.president.tj/node/26504>

⁴ Паёми шодбошӣ ба ифтихори 29-умин солгарди истиклоли давлати Ҷумҳурии Тоҷикистон // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 08.09.21. URL.: <http://www.president.tj/node/23759>

⁵ Паёми шодбошии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба ифтихори Рӯзи ваҳдати миллии // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 26.06.21. URL.: <http://www.president.tj/node/26032>

⁶ Суханронӣ ба муносибати Рӯзи истиклолияти давлати // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 09.09.17. URL.: <http://www.president.tj/node/16150>

⁷ Суханронӣ дар ҷашни Ваҳдати миллии дар варзишгоҳи навбунёди шаҳри Ваҳдат // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 27.06.17. URL.: <http://www.president.tj/node/15649>

¹ Эмомалӣ Раҳмон ва 30-соли истиклоли давлати // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 23.03.22. URL.: <http://www.president.tj/node/28034>

трансформации из собственно науки в условие для проведения «политики памяти», актуализируя ее роль в распространении сложившейся политической идентичности. Среди основных реципиентов мемориального канона – «славный народ Таджикистана»¹. Политика памяти в большей степени направлена на формирование компромиссного мемориального канона, который конструировал бы память Таджикистана не в этноцентричной, но в гражданской системе координат. Ставка на продвижение в мемориальном каноне образов гражданской нации как политического сообщества призвана минимизировать роль альтернативных версий исторической памяти, которые подверглись маргинализации в результате гражданской войны, ответственность за начало которой возлагается на «лидеров националистической партии, террористической и экстремистской партии, их иностранных хозяев, предателей и врагов таджикского народа и нового независимого таджикского государства»².

Историческая таджикская политика, как политика памяти в других странах, направлена на формирование образа Другого, выдержанного в политической системе координат. Институционализация подобной версии политики памяти связана не только со спецификой политического режима, но и с более ранним опытом национальной исторической науки советского периода, когда в Таджикской ССР доминирующими тенденциями стали «денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого... унифицированность исторического мышления и ограниченность

методологического кругозора» [Усманова 2003: 350], что сделало менее заметным в постсоветских условиях национализацию исторической памяти, которая оказалась под контролем элит, сделавших ставку не на этнический национализм, но на конструирование образа государства как основы идентичности.

Доминирование такого восприятия прошлого превращает «независимость», во многом сходную по идеологическому содержанию с концептами «национальная государственность»³ и «священный национальный праздник»⁴, в более важную категорию чем «этничность». Политика памяти в Таджикистане основана на использовании истории «для легитимации государственности» [Rottier 2004: 470]. Официальный дискурс памяти ставит на первое место именно «государственную независимость» в то время, как восприятие таджиков как «древнего народа»⁵ превращается в ее реципиента, что разрывает концепты «нация» и «государство», воспринимая второе как явно более важное.

Современная историческая политика актуализирует традиционно возникающие «противоречия между академическими и политическими мотивациями в изучении прошлого» в силу того, что в рамках политики памяти эпистемологический потенциал истории значительно сокращается, что ведет к ее растущему использованию «для консолидации политических режимов» [Coakley 2004: 533], которая может осуществляться при помощи как этнической, так и идеологической солидарности. Элиты Таджикистана не делали ставку на

¹ Паёми шодбош ба муносибати фарорасии моҳи шарифи Рамазон // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 01.04.22. URL.: <http://www.president.tj/node/28053>

² Паёми шодбошии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба муносибати Рӯзи Вахдати миллӣ // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 26.06.20. URL.: <http://www.president.tj/node/23276>

³ Паём ба муносибати 27-умин солгарди истиқлолияти давлатӣ // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 09.09.18. URL.: <http://www.president.tj/node/18333>

⁴ Суханронӣ ба муносибати 27-умин солгарди истиқлолияти давлатӣ // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 09.09.18. URL.: <http://www.president.tj/node/18344>

⁵ Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба ифтихори Рӯзи истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 08.09.19. URL.: <http://www.president.tj/node/21268>

этничность как консолидационный ресурс, понимая, что развитие национализма может привести к политизации идентичности, что усложнило бы ее контроль. «Этническое» в исторической политике редуцировано, актуализируясь только в тех случаях, когда напоминания об «арийских» истоках Навруза¹ или о «таджиках-ариях, стоявших в авангарде интеллектуальных революций человеческой цивилизации»² соотносятся с актуальной политической и идеологической конъюнктурой.

Подобная иерархия «политического» и «этнического» в исторической памяти Таджикистана признана минимизировать «угрозу исчезновения таджикского государства с политической карты мира и распада таджикской нации»³. Основным адресатом такой памяти становятся таджики как политическое сообщество, что предопределяет выбор событий для интеграции в мемориальный канон. По мнению немецкого историка С. Цвиклински в подобных обществах могут существовать альтернативные версии памяти, но они в значительной степени маргинальны, так как их «заклучения не могут поколебать силу официального дискурса» [Цвиклински 2003: 364]. Именно поэтому политика памяти основана не на ревизии прошлого и попытках предложить новые интерпретации истории, а на достаточно стабильном «мемориальном каноне», который контролируется элитами и продвигается на государственном уровне.

В Таджикистане понимание истории основано в значительной степени на его восприятии как «конструкции в значительной степени мифической в том смысле, что она являет собой представление

о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем» [Friedman 2001: 42]. Предметом политики памяти становится обретение Таджикистаном независимости, что воспринимается как событие способное содействовать консолидации общества. Наиболее оптимальным событием для превращения в центральный политический миф политики памяти становится появление независимого Таджикистана, что в определенной степени редуцируют официальную версию «мемориального канона» до новейшей политической истории противостояния с «врагами таджикского народа, которые руками предателей и наемников имели план навязать нашему народу чужую культуру и религию, создав в Таджикистане исламское государство»⁴.

Исламская альтернатива в первой половине 1990-х гг. стала возможной в силу незавершенности советского политического проекта. Постсоветское «историческое самосознание представляется фрагментированным, переживающим свою гетерогенность, плутающим в лабиринте взаимоисключающих идей» [Шукуров 2003: 247]. Элиты в качестве выхода из подобной ситуации были склонны видеть консолидацию исторической памяти путем институционализации подконтрольного мемориального канона. Культура исторической памяти, поддерживаемая на государственном уровне, склонна формировать гражданский светский «мемориальный канон», в одинаковой степени основанный на маргинализации этнического и религиозного компонентов в практиках «проработки прошлого», применяемых политическими элитами.

Подобная расстановка приоритетов в современной политике памяти Таджикистана актуализирует проблему ее акторов в контексте официальных нарративов, связанных с фигурой президента страны. Британский социолог Э. Смит в 1992 г. указывал на то, что «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не

¹ Мулоқот бо зиёиёни мамлакат // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 19.03.18. URL.: <http://www.president.tj/node/17312>

² Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар вохӯрӣ бо олимони кишвар // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 18.04.20. URL.: <http://www.president.tj/node/22643>

³ Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба муносибати Рӯзи ваҳдати миллӣ // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 26.06.17. URL.: <http://www.president.tj/node/15631>

⁴ Суханронӣ ба ифтихори Рӯзи Ваҳдати миллӣ дар шаҳри Конибодом // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 27.06.18. URL.: <http://www.president.tj/node/17918>

стала предметом тщательного исследования» [Smith 1992: 64], а превращение прошлого в инструмент политической мобилизации в постсоветских обществах, ее мутация из формы знания в один из методов воздействия на социум через «политику памяти» содействует анонимизации участников исторической политики, направленной на легитимацию самой идеи суверенитета той или иной группы. Несмотря на то, что, по мнению российского историка В.А. Шнирельмана, «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками» [Шнирельман 2003: 15], в Таджикистане в основе политики памяти оказалась не нация, а сама идея государственности. Подобная модель исторической политики не уникальна, актуализируя «воплощение общепринятых сценариев власти» [Ластоўскі 2012: 139] в постсоветских государствах, где элиты и общество развиты неравномерно.

Поэтому идея, что «величайшим политическим достижением в истории нового Таджикистана является обретение государственной независимости»¹ становится ее центральным местом. Независимость в мемориальном каноне воспринимается как «восстановление исторической справедливости»². В транзитных и постсоветских обществах, как подчеркивает украинский исследователь Я. Грыцак, историки не только «оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [Hrytsak 2004: 229], но и были интегрированы в механизмы формирования исторической памяти, которой придавался статус «мемориального канона». Историки актуализировали сервилитские функции исторической политики и принимали непосредственное участие в обслуживании мемориального канона с использованием нарративных и

дискурсивных практик, формируя санкционированные образы прошлого.

При формировании образа независимости в мемориальном каноне преобладает «высокий стиль», что формирует восприятие суверенитета как «величайшего и священнейшего блага, высшего признака национального самосознания, гордости и честью патриотизма, символа существования древней нации и суверенного таджикского государства»³. Официальный мемориальный канон редуцирует историческую политику до нарративов государственной независимости, которые для участников политики памяти оказываются более важными чем ценности этнического национализма. в этой ситуации современная историческая политика Таджикистана актуализирует свои сервилитские функции, так как содействует редукции истории до одного из компонентов в системе «легитимации политических процессов и состояний» [Кушко, Таки 2003: 485], включая идеи политической нации, обладающей государственным суверенитетом. Мемориальный канон, формируемый участниками исторической политики, идеализирует независимость. Историческая политика, формируемая в гражданской, но не этнической системе координат, конструирует образ независимости как основы современного таджикского политического проекта.

Выводы. Важнейшей особенностью исторической политики в Таджикистане является институционализированное участие в формировании национальной памяти главы государства – президента Эмомали Рахмона. Определяющая роль государственного лидера связана с особенностями политического режима. Центральная роль президента в принятии и реализации политических решений переносится и на сферу политики памяти. Речи и выступления, интервью и высказывания президента являются дискурсивным пространством, в рамках

¹ Таърих. URL.:

<http://www.president.tj/taxonomy/term/5/153>

² Суханронӣ ба ифтихори 30-солагии истиқлоли давлатӣ дар Наврӯзгоҳи шаҳри Душанбе // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 09.09.21. URL.: <http://www.president.tj/node/26505>

³ Суханронӣ дар чаласаи ботантана ба муносибати 30 – солагии истиқлоли давлатӣ // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. 08.09.21. URL.: <http://www.president.tj/node/26483>

которого формируются основные модусы восприятия истории, ее интерпретации, консолидируемые на уровне мемориального канона.

Современный мемориальный канон основана на доминировании «высокого» и «парадного» стиля в историческом нарративе, персонификации исторической памяти и выстраивание формирующих ее нарративных конструкций вокруг фигуры президента, взаимозависимости концепта «Таджикистан» с образом главы республики. Доминирующая роль главы страны в формировании исторической памяти консолидирует государственность Таджикистана, а маргинализация альтернативных форм интерпретации прошлого на официальном уровне содействует стабильности современного проекта, реализуемого правящими элитами.

Стабильность мемориального канона, формируемого в рамках государственно направляемой политики памяти, зависит от стабильности режима, его способности реагировать на внутренние вызовы. Радикальные изменения в исторической политике Таджикистана могут проявиться только в случае смены фигуры, вокруг которой выстраивается как политический режим, так и проводимая им историческая политика памяти. Модель реализации исторической политики Таджикистана представляется эффективной, что указывает на необходимость ее дальнейшего изучения в рамках постсоветских неевропейских версий политики памяти и в более широкой сравнительной перспективе с учетом восточного, европейского и других опытов политически мотивированного использования истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И.* Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128-140.
- Ким Н.Н.* Историческая политика правительства Но Мухёна в Южной Корее: в поисках примирения с прошлым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 305-315.
- Кирчанов М.В.* Историческая политика в транзитных обществах (проблемы и противоречия) // Общество: философия, история, культура. 2014. № 3. С. 15-18.
- Кирчанов М.В.* Историческая политика. политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12. С. 63-75.
- Копосов Н.* Мемориальный закон и историческая политика в современной России // *Ab imperio*. 2010. № 2. С. 249-275.
- Кушко А., Таки В.* “Кто мы?” Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *Ab Imperio*, 2003. № 1. С. 485 – 295.
- Ластоўскі А.* Кароткая генеалогія: гістарычнае мінулае ў публічных прамовах беларускіх афіцыйных асобаў // Палітычная сфера. 2012. № 1–2. С. 137 – 155.
- Лінднер Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. №3. С. 20–25.
- Маклюк О.Н.* Історична пам'ять і політика пам'яті в умовах трансформації Центральної та Східної Європи // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. № 30. С. 223-232.
- Миллер А.И.* Россия: Власть и история // *Pro et Contra*. 2009. № 3 – 4. С. 6 – 23.
- Усманова Д.* Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. No 3. С. 337 – 360.
- Цвиклински С.* Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии // *Ab Imperio*. 2003. No 2. С. 361 – 390.
- Шнирельман В.А.* Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.
- Шукуров Р.* Таджикистан: муки воспоминания // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.), Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 228 – 254.

- Coakley J.* Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No 4. P. 531 – 560.
- Friedman J.* History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No 1. P. 41 – 62.
- Hrytsak Y.* On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // *Ab Imperio*. 2004. No 1. P. 229 – 254.
- Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No 4. P. 631 – 647.
- Rottier P.* Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // *Ab Imperio*. 2004. No 1. P. 467 – 487.
- Smith A.D.* Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No 1 – 2. P. 58 – 80.

REFERENCES

- Efremenko D.V., Malinova O.Yu., Miller A.I.* Politika pamyati i istoricheskaya nauka // *Rossiyskaya istoriya*. 2018. № 5. S. 128-140.
- Kim N.N.* Istoricheskaya politika pravitel'stva No Mukhona v Yuzhnoy Koreye: v poiskakh primireniya s proshlym // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 2021. T. 23. № 2. S. 305-315.
- Kirchanov M.V.* Istoricheskaya politika v tranzitnykh obshchestvakh (problemy i protivorechiya) // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2014. № 3. S. 15-18.
- Kirchanov M.V.* Istoricheskaya politika. politika pamyati i voyna s pamyatnikami v SShA // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2017. № 12. S. 63-75.
- Koposov N.* Memorial'nyy zakon i istoricheskaya politika v sovremennoy Rossii // *Ab imperio*. 2010. № 2. S. 249-275.
- Kushko A., Taki V.* “Kto my?” Istoriograficheskiy vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost' // *Ab Imperio*, 2003. № 1. С. 485 – 295.
- Lastoŭski A.* Karotkaja hieniealohija: historyčnaje minulaje ũ publičnykh pramovach bielaruskich aficyjnykh asobaŭ // *Palityčnaja sfera*. 2012. № 1–2. S. 137 – 155.
- Lindnier R.* Niazmiennasć i zmieny ũ postsavieckaj historyjahrafii Bielarusi // *Kantakty i dyjalohi*. 1996. №3. S. 20–25.
- Maklyuk O.N.* Istorychna pam'yat' i polityka pam'yati v umovakh transformatsiyi Tsentral'noyi ta Skhidnoyi Yevropy // *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho natsional'noho universytetu*. 2011. № 30. S. 223-232.
- Miller A.I.* Rossiya: Vlast' i istoriya // *Pro et Contra*. 2009. № 3 – 4. S. 6 – 23.
- Usmanova D.* Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskiye i intellektual'nyye debaty na rubezhe vekov // *Ab Imperio*. 2003. No 3. S. 337 – 360.
- Tsviklinski S.* Tatarizm vs bulgarizm: «pervyy spor» v tatarskoy istoriografii // *Ab Imperio*. 2003. No 2. S. 361 – 390.
- Shnirel'man V.A.* Voyny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'ye. M.: Akademkniga, 2003. 592 s.
- Shukurov R.* Tadzhikistan: muki vospominaniya // *Aymermacher K., Bordyugov G.* (red.), *Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh*. M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-KHKH, 2003. S. 228 – 254.
- Coakley J.* Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No 4. P. 531 – 560.
- Friedman J.* History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No 1. P. 41 – 62.
- Hrytsak Y.* On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // *Ab Imperio*. 2004. No 1. P. 229 – 254.
- Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No 4. P. 631 – 647.

Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // *Ab Imperio*. 2004. No 1. P. 467 – 487.

Smith A.D. Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No 1 – 2. P. 58 – 80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений и Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического Факультета Воронежского государственного университета, E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Maksym W. Kyrchanoff – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies (Faculty of International Relations) and the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies (Faculty of History), Voronezh State University, E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Stalingrad Triumph of the Red Army. To the 79-th Anniversary

N. P. Parkhitko

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7678-5735, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Abstract. The Great Patriotic War is one of the state-forming spiritual bonds of our multinational people, the relevance of whose unity is indisputable today. Just as the battle on Kulikovo Field in the distant 1380 served as the final chord in the formation of the Russian people, the Great Patriotic War is an illustrative embodiment of unparalleled courage, selfless perseverance and selfless pursuit of justice, consistently demonstrated by our people throughout its great history. The Battle of Stalingrad, according to the author, can be considered as a kind of "general exam" for the right to preserve not only their statehood, but also national and spiritual identity. Simply put - the exam for the right to live! And this test was passed with honor by our country and its people. The triumph won by Soviet troops on the Stalingrad and Don fronts in the winter of 1942-1943 was not the first Victory won by the Red Army over Nazi Germany and its satellites. The palm of the championship here will forever remain with the Hero City of Moscow, where in the winter of 1941-1942 the enemy suffered the first major defeat in World War II. Stalingrad also withstood not the longest siege: the main period of the 200 days of the battle for the city falls on assault operations and street battles, unlike the hero City of Leningrad, which avoided street battles, but withstood an unprecedented 900-day siege by any historical and human standards in the conditions of the use by the enemy of all the military-technical instruments of genocide of the civilian population that existed at that time. Stalingrad, on the other hand, is a unique example in military history of operational and tactical art demonstrated by the Soviet high military command. Moreover, the mastery of this art was absolute: from conducting an operational retreat with the avoidance of boilers and encirclements (which had such a disastrous effect on the course of the military campaign up to December 1941), to a general counteroffensive on several fronts with successful encirclement and subsequent defeat of the most combat-ready enemy grouping! It was these circumstances that caused a radical change not only in the Great Patriotic War, but also in the entire Second World War. The Stalingrad triumph of the Red Army, therefore, is a symbol of the inevitability and inevitability of the collapse of any aggressive practice against our country and its peoples.

Key words: Stalingrad, USSR, Germany, Army Group South, Stalingrad Front, counteroffensive, encirclement, Chuikov, Paulus.

For citation: Nikolay P. Parkhitko Stalingrad Triumph of the Red Army. To the 79-th Anniversary. *Postsovetskie issledovaniya* = Post-Soviet Studies. 2022;2(5):156-169. (In Russ.)

Сталинградский триумф РККА. К 79-й годовщине события

Н. П. Пархитко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7678-5735, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Аннотация. Великая Отечественная война – одна из государствообразующих духовных скреп нашего многонационального народа, актуальность единства которого сегодня неоспорима. Подобно тому, как битва на Куликовом поле в далеком 1380 году послужила финальным аккордом в формировании русского народа¹, Великая Отечественная война являет собой иллюстративное воплощение беспримерного мужества, самоотверженной стойкости и беззаветного стремления к справедливости, последовательно

---

¹ «Русь родилась на Куликовом поле» (В. Ключевский); «На Куликово поле пришли москвичи, владимирцы и так далее, в том числе и литовцы, а вернулись с Куликова поля русские» (Л. Гумилёв).

демонстрировавшие нашим народом на протяжении всей его великой истории. Сталинградское сражение, по мнению автора, можно рассматривать как некий «генеральный экзамен» на право сохранить не только свою государственность, но также национальную и духовную идентичность. Проще говоря – экзамен на право жить! И это испытание было с честью выдержано нашей страной и ее народом. Триумф, одержанный советскими войсками на Сталинградском и Донском фронтах зимой 1942–1943 гг., не был первой Победой, завоеванной РККА в войне с нацистской Германией и ее сателлитами. Пальма первенства здесь навсегда останется у Города-героя Москвы, где зимой 1941–1942 гг. противник потерпел первое крупное поражение во Второй мировой войне. Сталинград также выдержал не самую длительную осаду: основной период из 200 дней сражения за город приходится на штурмовые действия и уличные бои, в отличие от Города-героя Ленинграда, избежавшего уличных боев, но выдержавшего беспрецедентную по любым историческим и человеческим меркам 900-дневную осаду в условиях применения противником всех существовавших на тот момент военно-технических инструментов геноцида гражданского населения. Сталинград же является уникальным в военной истории примером оперативно-тактического искусства, продемонстрированного советским высшим военным командованием. Причем, освоение этого искусства было абсолютным: от ведения оперативного отступления с избеганием котлов и окружений (столь катастрофически сказавшихся на ходе военной кампании вплоть до декабря 1941 г.), до общего контрнаступления на нескольких фронтах с успешным окружением и последующим разгромом наиболее боеспособной группировки противника! Именно эти обстоятельства и обусловили коренной перелом не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне. Сталинградский триумф РККА, таким образом, – символ неотвратимости и неизбежности краха любой завоевательной практики в отношении нашей страны и ее народов.

Ключевые слова: Сталинград, СССР, Германия, группа армий Юг, Сталинградский фронт, контрнаступление, окружение, Чуйков, Паулюс.

Для цитирования: Пархитко Н. П. Сталинградский триумф РККА. К 79-й годовщине события. Постсоветские исследования. 2022;2(5):156-169.

Introduction

By the beginning of the spring-summer campaign of 1942, the world was still under the impression of the outstanding victory of the Workers' and Peasants' Red Army (Red Army) near Moscow: on the main front of the Second World War, the hitherto "invincible" Wehrmacht suffered its first major defeat. Here, where a fierce battle between the Soviet Union and the main forces of Nazi Germany took place for ten months, the Red Army blocked the path of the aggressor, thwarted the notorious "blitzkrieg" plan, finally buried the blitzkrieg doctrine, on which German politicians and strategists made the main bet in achieving their aggressive goals.

The first war spring did not bring a noticeable respite on the Soviet-German front. In some areas, fighting was still continuing according to the plans of the winter campaign, in others, new operations were being prepared by both sides, which unfolded in late April-

early May. This opened a new stage of the war, which lasted until the autumn of 1942.

During this stage, the troops of the Axis Powers managed to go on the offensive again in all theaters of military operations and initially achieved some success. Battlefield events, especially on the Soviet-German front, developed rapidly. The period between the victory at Moscow and the beginning of the crushing defeat of the Nazi troops at Stalingrad was extremely difficult and dramatic for the Soviet Union. Initially, in the spring and early summer of 1942, both sides fought to preserve or seize the strategic initiative.

By the end of June this struggle, for a number of reasons, ended not in favor of the Red Army. During the summer and autumn of 1942, the Red Army troops were forced to withdraw to the Volga and the foothills of the Caucasus under the pressure of a numerically superior enemy. For the second time during the Great Patriotic War, they conducted an active strategic defense, during which the enemy was

drained of blood and stopped, without achieving their main military and political goal – to withdraw the USSR from the war in 1942 and transfer military operations to other parts of the world. Having finally blocked the path of the Nazi aggressor on the Volga and Caucasian borders, the Soviet Armed Forces created the necessary conditions for the transition to a decisive counteroffensive at Stalingrad.

The ratio of Soviet and German military forces and means on June 28th, 1942

As a result of the heavy defeats suffered by the Red Army in May-June 1942 in the Kharkov area, the situation on the Soviet-German front changed in favor of the enemy. The Germans managed to significantly improve the tactical position of their troops and create favorable conditions for conducting the "main operation" on the Eastern Front. The German command began preparing a general offensive on the southern wing of the Soviet-German front, having developed Operation Blau (which was planned to be carried out in the Voronezh direction. Since June 30, the operation has been renamed "Braunschweig") and "Klausowitz" (offensive from the Kharkov and Mius bridgeheads in order to capture the Donbass, Rostov and further on the Kantemirov direction)¹.

On the eve of the summer offensive, the Wehrmacht command changed the command structure of the troops on the Eastern Front. In particular, Army Group "South" on July 10 was divided into Army Group "B" (under the command of Field Marshal Weichs) as part of the 4th Tank, 2nd and 6th field German and 2nd Hungarian armies and Army Group "A" (Field Marshal V. List) as part of the 1st tank, 17th and 11th German field armies and the 8th Italian Army, as well as Slovak mountain rifle units (while the 11th German Army operated in the Crimea until July 4, and after the capture of Sevastopol was transferred to the Leningrad Front). Also the 3rd and 4th Romanian armies were in reserve, which were used mainly as flank cover for the advancing German troops in order to free up the latter as much as possible to

maintain a high pace of attack. As the further development of events showed, this tactical scheme had the saddest consequences both for Germany's axis allies themselves and, in particular, for the Wehrmacht. Thus, the largest grouping of forces was deployed by the enemy on the southern wing of the Eastern Front – army groups "A" and "B" together accounted for 37% of infantry and cavalry and 53% of tank and motorized formations of the Wehrmacht. These army groups included 76 infantry, 10 tank-, 8 motorized and 3 cavalry divisions (900 thousand people, 1.2 thousand tanks and assault guns, more than 17 thousand guns and mortars supported by 1,640 combat aircraft). [Popov 2007: 6].

In the summer of 1942, the Soviet military command mistakenly believed that a general offensive of German troops should be expected again in the Moscow direction, where the enemy concentrated up to 70 divisions. Therefore, large forces were concentrated in the Western direction, which included the Kalinin and Western fronts, as well as the Moscow defense zone, whose transfer to other sectors of the front was hampered by the current operational and tactical situation. The South-Western direction (which included the Bryansk, South-Western and Southern Fronts), thus, was assigned, if not a secondary, then at least a mediocre role in ensuring active strategic defense, to which the Soviet command was forced to move after the failed spring offensive on the Kerch, and especially the Kharkov directions.

According to the data of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (hereinafter – TsAMO), the Bryansk Front occupied the defense in a 350-km strip from Belev to the upper reaches of the Seim River, covering the Tula-Moscow direction with the right wing, and the Voronezh direction with the left. The troops of the South-Western Front after the withdrawal beyond the river Oskol organized a defense at the 350-km boundary from the upper reaches of the Sejm river to Krasny Liman. The Southern Front gained a foothold on the 250-km section of the front from the Red Estuary to Taganrog, covering two important directions – Voroshilovgrad and Rostov.

¹ Directive of the Supreme High Command of the German Armed Forces to prepare for the summer campaign of 1942 // The Battle of Stalingrad. Chronicle, facts, people: in 2 books - M., 2002. – Book 1. – pp. 136-140.

As of June 28, 1942, the troops of these fronts had a total of 81 rifle and 12 cavalry divisions, 38 motorized rifle and rifle brigades, 9 fortified areas, 62 tank brigades – a total of 1715 thousand people, 2.3 thousand tanks, 16.5 thousand guns and mortars, 758 aircrafts¹.

Thus, the grouping of German troops prepared for the offensive was inferior to the opposing Red Army troops in the number of personnel and tanks by almost 2 times, with approximate equality in artillery. Only in aviation did the Germans have a twofold superiority. Nevertheless, as it has happened before, the Germans managed to achieve multiple superiority in forces in the directions of the main strikes, achieved due to the rational distribution of forces and means and increased concentration of troops in strategic directions.

The beginning of the German offensive and the advance of German troops to Stalingrad

On June 28, the Wehrmacht offensive in the southern sector of the Eastern Front began. At the initial stage, it developed exactly according to plan: the Soviet front was quickly broken through, and German troops began to pursue the retreating Red Army units. Already on July 5, the advanced units of the German 2nd Army were fighting street battles in Voronezh. However, an attempt by the enemy to immediately seize a bridgehead on the left bank of the Don failed due to the strong resistance of the Soviet troops. Only by July 10, the troops of the enemy's 6th field and 4th tank armies reached the Don to the south and captured several small bridgeheads on its left bank. However, the enemy failed to encircle the forces of the Southwestern Front due to the timely withdrawal of the latter's troops. The German shock groups, having united in the Kantemirovka-Millerovo area, closed an empty space into a ring.

A detailed analysis of the German army Group "A" actions in the battle do not refer to the goals of this work. It should only be mentioned that this army group captured Rostov on July 23 and continued to advance in the Caucasian direction, developing a fan-

shaped offensive on Novorossiysk, Maykop and Grozny.

On the night of July 12, German troops invaded the Stalingrad region, and on July 14, martial law was imposed in the region by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. The Headquarters of the Supreme High Command urgently moved the 62nd, 63rd and 64th armies from the Stavka reserve to the big bend of the Don. In addition, on the basis of the management of the Southwestern Front, the Stalingrad Front was created, which included, in addition to the aforementioned armies, the 21st Army and the 8th Air Army. In the second half of July, the 28th, 38th and 57th armies, as well as the Volga Flotilla, were included in the Stalingrad Front. Marshal S.K. Timoshenko was appointed commander of the front (he was replaced by Lieutenant General V.N. Gordov on July 23), and N.S. Khrushchev was a member of the military council.

The front had to operate in a very complicated situation: the enemy came close to the Don, where it was planned to stop him, and the command of the Stalingrad Front had very limited forces. So, of the 38 rifle divisions of the Stalingrad Front, only 18 were manned, 6 numbered from 2.5 to 4 thousand people, and 14 were actually listed only on paper, because they had from 300 to a thousand personnel. The 22nd, 23rd and 13th tank corps, which were placed at the disposal of the commander, had 65-90 serviceable vehicles in the ranks, which is why they were immediately taken to the rear for manning and materiel.

Thus, only 12 divisions of the 62nd and 64th armies were actually deployed on the 530-km sector of the front, i.e. about 160 thousand people, 2.2 thousand guns and mortars and only 400 tanks (including damaged ones that could only be used as fixed firing points). The 8th Air Army had only 337 serviceable aircraft in its composition, moreover, a significant part of them were obsolete I-15, I-16, and I-153 machines, as well as about a hundred U-2 night bombers.

As for the German troops, by July 17 (i.e., by the beginning of the fighting on the distant approaches to the city), 14 divisions of the 6th German Field Army were advancing in the Stalingrad direction, in which there were about 270 thousand people, 3 thousand guns and

¹ Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. – F. 500. – Op. 12462. – D. 246.

mortars, about 500 tanks with the support of the 4th Air Fleet The Luftwaffe consists of 1,200 combat aircraft. The enemy outnumbered the Soviet troops in personnel by 1.3 times, in aircraft – by more than 3.5 times.

On July 17, the vanguards of the German 6th Army met with the advanced detachments of the Soviet 62nd and 64th armies at the turn of the Chir and Tsimla rivers. With fierce battles ensued – the Battle of Stalingrad began.

Fighting on the outskirts of Stalingrad July 17-September 12

As K. von Tippelskirch, who held the position of quartermaster general of the Wehrmacht during the war, notes, "the idea of the operation of the 6th army was simple: to deliver sweeping strikes on the flanks of the Soviet troops defending in the big bend of the Don, to close the 62nd and 64th armies in a ring, to go to the Kalach area and from there, having crossed the Don, breakthrough in the shortest direction to Stalingrad. To fulfill this task, on July 19, the 14th Tank Corps, previously intended for an offensive in the Caucasus direction, was included in the 6th Army. On July 20, the 51st Army Corps was returned to the army, transferred six days before to the 4th Tank Army, also aimed at the Caucasus" [Tippelskirch K.von 1999: 182]. However, on August 1, it was again transferred to the Stalingrad direction.

Having launched the offensive on July 23, by the end of July 26, the enemy managed to cover parts of the 62nd army from the south and from the north, as well as to reach Kalach, threatening to immediately force the Don and completely encircle the Soviet troops in the big bend. And only the timely withdrawal of the main forces of the 62nd and 64th armies again prevented the enemy from carrying out his plan. Throughout the first week of August, the enemy was forced to regroup their forces to launch a new strike from the Kalach area to Kotelnikovskoye, which the Germans managed to capture only on August 9. In result, after the subsequent counterattack of the Soviet 13th tank corps, the enemy was stopped 30 km from Stalingrad. In the city itself, meanwhile, intensive construction of external and internal defensive contours was underway, which number reached four by mid-August, taking

into account fortifications erected directly on the outskirts of the city.

The period from August 5 to August 10 was, perhaps, one of the most intense during the defensive battle. The German troops managed to reach the outer defensive perimeter and liquidate the bridgehead of the Soviet troops on the right bank of the Don in the Kalach area. At Abganerovo on August 6, the enemy broke through the outer perimeter and advanced to a depth of 12-15 km. On August 9-10, three rifle divisions and a tank corps of the 64th Army launched a counterattack on it. As a result, the intervening enemy was defeated, and the lost position was restored. The Nazi troops in this sector of the front went on the defensive and subsequently did not take active actions here for a whole week.

The situation in the 62nd Army band was difficult. On August 7-9, the enemy pushed her troops across the Don River, and surrounded four divisions west of Kalach. Three divisions of the 1st Guards Army (Major General K. S. Moskalenko, since September 28 – Major General I. M. Chistyakov), who came up from the Stavka Reserve, counterattacked the enemy troops and stopped their further advance to the city, turned into a fortress.

Thus, the enemy's plan – to break through to Stalingrad with a swift blow on the move – was thwarted by the stubborn resistance of the Soviet troops in the big bend of the Don and their active defense on the southwestern approaches to the city. During the three weeks of the offensive, the enemy was able to advance only 60-80 km. Based on the assessment of the situation, the German command made significant adjustments to its plan. It decided to reach the Volga and capture Stalingrad by striking converging directions from the area of Trekhostrovskaya, Vertyachy to the east by the forces of the 6th army and from the area of Abganerovo to the north by the forces of the 4th Tank Army. Having regrouped and advanced reserves, the enemy began to fight for the capture of bridgeheads in the small bend of the Don.

On August 19, the German troops resumed the offensive, striking in the general direction of Stalingrad. On August 22, the 6th German Army crossed the Don and captured a 45 km wide bridgehead on its eastern shore, in the area

of Peskovatka, where six divisions were concentrated. On August 23, the enemy's 14th tank Corps broke through to the Volga north of Stalingrad, near the village of Rynok, and cut off the 62nd army from the rest of the forces of the Stalingrad Front [Khazanov 2009: 12-15]. On the same day, enemy aircraft delivered a massive blow to Stalingrad from the air, making about 2 thousand sorties. The city was bombed by 600 planes. In air battles over the city until August 29, Soviet pilots and anti-aircraft artillery shot down 120 German aircraft. However, they failed to protect Stalingrad from enemy air attacks. As a result, the city was subjected to terrible destruction – entire neighborhoods were turned into ruins or simply burned, given that up to 40% of city buildings (especially on the outskirts) were wooden.

On August 20-28, the troops of the 63rd, 21st, 1st Guards and 4th Tank armies launched counterattacks from the north into the flank of the 6th German Army, captured and expanded a number of bridgeheads on the right bank of the Don. And although they failed to eliminate the enemy's breakthrough to the Volga, the position of the defenders of Stalingrad was somewhat facilitated. The enemy had to re-target large forces to repel the attacks of the main forces of the Stalingrad Front from the north. Therefore, he had to suspend his offensive on Stalingrad, limiting himself to going to the north-western outskirts of the city.

The German 4th Tank Army on August 23 wedged into the defense of the Southeastern Front to a depth of 25 km. However, the counterattacks of the reserves of the 57th and 64th armies stopped the further advance of the enemy. After regrouping, the German-Fascist troops resumed the offensive and on August 29 broke through the front of the 64th Army northwest of Abganerovo, creating a threat to the rear of the 64th and 62nd armies. By order of the front commander, the 64th and 62nd armies were withdrawn to the inner circle on September 2. Fierce fighting on this line continued until September 12.

To assist the troops of the Stalingrad Front, the VGK Headquarters transferred the 24th (Major General D. T. Kozlov, from October 1 – Major General I. V. Galanin) and the 66th (Lieutenant General R. Ya.

Malinovsky, from October 14 – Major General A. S. Zhadov) to its composition from its Reserve the armies that, together with the 1st Guards Army, launched a series of counterattacks against the enemy who broke through to the Volga in early September. The commander of the 6th German Army was forced to allocate significant forces to repel these attacks, significantly weakening his group attacking the city. This allowed the 62nd Army to detain the enemy on the inner bypass until September 12. The withdrawal of the troops of the 62nd and 64th armies to the city bypass ended the defensive operation of the Soviet troops on the approaches to Stalingrad. The enemy's plan to seize the city on the move by delivering simultaneous strikes by the forces of the 6th Field and 4th Tank armies was thwarted.

Defensive stage of the battle September 12-November 19, 1942

Since September 12, when the enemy came close to the city, its defense was entrusted to the 62nd and 64th armies. Superiority in forces and means was on the side of the enemy. It was especially significant in the 40-km defense zone of the 62nd Army from the village of Rynok to Kuporosny, where the enemy had almost twice the superiority in men and artillery and almost six fold in tanks. The distance of the front edge of the Soviet troops from the Volga did not exceed 10-12 km, which significantly limited their ability to maneuver. On September 13, the enemy went on the offensive along the entire front, trying to capture Stalingrad by storm. The Soviet troops failed to contain his powerful onslaught. They were forced to retreat to the city, in the streets of which fierce fighting ensued. From September 13 to September 26, a stubborn struggle took place mainly in the central part of the city. On September 14, the Germans broke through to the railway station, and in the area of Kuporosnoye (the southern outskirts of the city) reached the Volga. The 62nd Army was cut off from the 64th Army. At this critical moment, the 13th Guards Rifle Division (Major General A. I. Rodimtsev) was transferred from the left bank of the Volga to Stalingrad, arriving to reinforce the 62nd Army from the Reserve of the VGK Headquarters. After crossing the Volga, she immediately counterattacked the

enemy and knocked him out of the city center, and on September 16 from Mamayev Kurgan. Until September 27, there was a fierce struggle for the station, which changed hands 13 times. At the cost of heavy losses, the enemy managed to push the troops of the 62nd army somewhat in a section up to 10 km wide. Having received reinforcements, the German troops on September 27 began the second assault on Stalingrad, which lasted until October 8. This time, the main blow of the enemy was directed against the troops of the 62nd army defending the factory settlements "Red October" and "Barricades" [Chuikov 1985: 232-233].

Early October, the Germans managed to retake Mamayev Kurgan, factory settlements and eliminate the front projection in the north-western part of the city, facing in their direction. Great help to the defenders of Stalingrad during this period was provided by the counter-attacks of the 1st Guards, 24th and 66th armies north of the city, which almost did not stop throughout September. Significant enemy forces were held down by the troops of the 51st and 57th armies, who launched a local offensive operation 25 kilometers south of Stalingrad at the end of September.

On September 28, the Stalingrad Front was renamed the Don Front (Lieutenant General K. K. Rokossovsky), and the Southeastern Front was renamed the Stalingrad Front (Colonel General A. I. Eremenko). This corresponded to the tasks of the upcoming counteroffensive of the Red Army at Stalingrad, for which the Headquarters of the VGK had been preparing since mid-September 1942. To support the troops defending in the city, a front-line artillery group consisting of 250 guns and mortars was formed on the eastern bank of the Volga. From the very beginning of the battle, Deputy Supreme Commander General of the Army G. K. Zhukov and Chief of the General Staff of the Red Army Colonel-General A.M. Vasilevsky headed the general direction of the fighting of the Soviet troops in the Stalingrad direction on behalf of the Headquarters of the Supreme Command.

The resistance of the Soviet troops in the Stalingrad area continued to increase. In 12 days the Germans advanced only 400-600 meters in the area of factory settlements. But

the enemy, preparing for the general assault, also continued to build up its forces. In October, Hitler's command sent 200,000 reinforcements to the Stalingrad area, up to 30 artillery divisions (over 1,000 guns) and about 40 engineering assault battalions specially trained for combat operations in the city. By mid-October, the Nazis had created superiority over the 62nd army in men and artillery by 1.7 times, in tanks – by almost 4 and in airplanes – by more than 5 times, and for the third time threw their troops to storm Stalingrad (October 14). They were ordered to destroy the Soviet troops in Stalingrad and completely seize the city, or rather, its ruins, since Stalingrad as a city had practically ceased to exist by this time, it was completely destroyed and could hardly be identified as a city.

This time, the enemy's main attack was aimed at the Tractor factories, "Barricades" and "Red October". German aviation made more than 3 thousand sorties only on the first day of the assault. The enemy managed to capture a Tractor plant and break through to the Volga on a 2.5-km section. The situation of the troops of the 62nd Army has become extremely complicated. Part of the army forces were cut off to the north of the Tractor Plant. There were fights for every block, house, basement, for every meter of land. Snipers were widely used by both combating sides.

In order to assist the defenders of Stalingrad, the troops of the Don Front went on the offensive on October 19. To repel it, the enemy had to withdraw significant forces from the assault on the city. At the same time, the 64th Army launched a counterattack from the south in the area of Kuporosny. The offensive of the Don Front and the counterattack of the 64th Army significantly eased the situation of the 62nd army and did not allow the enemy to complete the capture of the city.

On November 11, the German troops made the last, fourth attempt to storm Stalingrad. On this day, they managed to capture the southern part of the territory of the Barricade plant and break through to the Volga in a narrow area. The 62nd Army was split into three parts. Its main forces firmly defended the territory of the Red October plant and the narrow coastal part of the city. Thus, by the end of the defensive period of the Battle of Stalingrad, the 62nd

Army mostly held its positions in Stalingrad. The front line by this time passed north of the Tractor Plant, through the "Barricades" plant and further through the northeastern quarters of the central part of the city. The 64th Army steadfastly defended the approaches to the southern part of Stalingrad.

The enemy did not achieve his goal. In the fierce battles on the outskirts of Stalingrad and in the city itself, its offensive capabilities were completely exhausted. The troops of the Stalingrad, Southeastern and Don fronts accomplished their task, restraining the enemy's powerful offensive in the Stalingrad direction and creating the necessary conditions for its subsequent defeat. However, this success was achieved at a high price. During the fierce battles on the banks of the Don and Volga, they lost about 644 thousand people (including about 324 thousand irretrievable losses), 12,137 guns and mortars, 1,426 tanks and 2,063 aircraft (including bombers, dive bombers, fighters and attack aircraft).

The defensive period of the Battle of Stalingrad lasted four months. During fierce battles Soviet troops under the powerful pressure of superior enemy forces were forced to withdraw to a depth of 150 km. At the cost of a huge effort, the defenders of the city on the Volga not only repelled all the assaults of the enemy, but also inflicted such huge losses on him that fundamentally undermined his offensive potential. During the struggle for Stalingrad in the summer and autumn of 1942, the German troops lost about 700 thousand people killed and wounded, more than 2,000 guns and mortars, more than 1,000 tanks and assault guns, more than 1,400 aircraft. The plan of the German command, designed for a quick exit to the Volga in the Stalingrad area and the capture of this city, completely failed, as did the plan for the entire summer-autumn campaign of 1942.

The Soviet troops, having shown indomitable will and steadfastness in defense, high military skill and mass heroism, exhausted and drained the main enemy group operating in the Stalingrad direction. Having repelled all the enemy's blows, the Soviet troops created favorable conditions for launching a counteroffensive near Stalingrad. As N.A. Narochnikskaya notes, "The historical

significance of the military feat of the defenders of Stalingrad is that on the banks of the Volga they finally put a limit to the victorious march of the German Wehrmacht, which they began back in September 1939" [Narochnikskaya 2013: 212].

Operations "Uranus", "Ring" and the defeat of the 6th Army

In November 1942, Nazi troops and their allies (Romanians, Hungarians, Italians), who were part of Army Group B, operated in the Stalingrad direction. The most combat-ready of them – the 6th Field and 4th Panzer German armies, which had an operational density of 7 km per division, continued to conduct combat operations in the city. The flanks of the main enemy grouping were covered by the 3rd and 4th Romanian armies, which had a density of 17 km per division, as well as the 8th Italian army. The operational formation of Army Group "B" and the armies that were part of it was one-echelon. In the reserve of the army group there were only three divisions (2 tank and 1 motorized), located 30-50 km from the front edge. The troops were supported by the Don Air group and part of the forces of the 4th Air Fleet – up to 1,200 aircraft in total.

The enemy's defenses on the Middle Don and south of Stalingrad had a relatively shallow depth. From an engineering point of view, only the tactical defense zone (depth 5-8 km) was equipped, consisting of the main strip, which had two positions. They were based on individual strongholds. The approaches to them were covered with engineering barriers and fire of all kinds. In the operational depth, there were separate resistance nodes equipped at the most important road junctions.

The Soviet troops at Stalingrad were united into three fronts: the South-Western (Lieutenant-General, from December 7, 1942 – Colonel-General N. F. Vatutin), the Don (Lieutenant-General, from January 15, 1943 – Colonel-General K. K. Rokossovsky) and Stalingrad (Colonel-General A. I. Eremenko). The troops of these three fronts had 1 million 135 thousand people, over 14.9 thousand guns and mortars (including 115 divisions of rocket artillery), 1560 tanks and 1916 aircraft. They were opposed by more than 1 million people, about 10.3 thousand guns and mortars, 675 tanks and assault guns and 1,216 aircraft.

Consequently, the Soviet troops outnumbered the enemy in men by 1.1 times, in guns and mortars – by 1.4, in tanks – by 2.3 and in airplanes – by 1.6 times [Kumanev 1998: 62-66]. Such a balance of forces and means could ensure a breakthrough of defense and an offensive in the nearest operational depth of the enemy. For the development of success to a greater depth, the use of strategic reserves of the second echelon was required.

The plan of the counteroffensive at Stalingrad was developed by the Headquarters of the Supreme Command on the basis of proposals and calculations of the General Staff, as well as the military councils of the fronts during the defensive operation. The leading role in its development was played by representatives of the General Staff of the Supreme Command on the fronts of the Stalingrad direction, Generals G. K. Zhukov and A.M. Vasilevsky. The decision on the counteroffensive at Stalingrad (the code name of the operation is "Uranus") was made by the Supreme Commander-in-Chief on September 13, 1942. The plan of the counteroffensive was to defeat the troops covering the flanks of the enemy's strike group with strikes from the bridgeheads on the Don in the Serafimovich and Kletskaya areas and from the Sarpin Lakes area south of Stalingrad, and, developing an offensive in converging directions on the city of Kalach, Sovetsky farm, surround and destroy its main forces operating in the interfluves of the Volga and Don.

The Southwestern Front (5th Tank- and 21st Combined Arms armies) was tasked with delivering the main blow from the bridgeheads in the Serafimovich and Kletskaya areas, defeating the troops of the 3rd Romanian Army, by the end of the third day of the operation to reach the Kalach area and connect with the troops of the Stalingrad Front, closing the encirclement ring around the 6th armies. At the same time, the 1st Guards Army was to strike in a south-westerly direction, reach the boundary of the Krivaya and Chir rivers and create an external encirclement front. The support of the front's troops from the air was assigned to the 17th Air Army (Aviation Lieutenant General S. A. Krasovsky) and part of the forces of the 2nd Air Army of the Voronezh Front.

The Stalingrad Front (51, 57, 64th armies) was to deliver the main blow from the Sarpin Lakes region, defeat the 4th Romanian army and, developing an offensive in the direction of the Soviet, Kalach, connect there with the troops of the Southwestern Front. Part of the forces of the front received the task to advance in the direction of Abganerovo, Kotelnikovskiy and form an external encirclement front at this turn. Cover and air support of the front's troops were assigned to the 8th Air Army.

The Don Front struck from the bridgehead in the Kletskaya area (65th Army) and from the Kachalinskaya area (24th Army) in converging directions to the Vertyachy with the task of encircling and destroying enemy troops defending in the small bend of the Don. Subsequently, together with the troops of the Southwestern and Stalingrad fronts, he was to take part in the destruction of the main group of Nazi troops surrounded in the Stalingrad area. The troops of the Don Front were to be supported by the 16th Air Army (Aviation Lieutenant General S. I. Rudenko).

The timing of the transition to the counteroffensive was as follows: for the Southwestern and Don fronts – November 19, for the Stalingrad front – November 20. This was due to the need for simultaneous withdrawal of shock groups of fronts to the Kalach, Soviet area. The main attention in the decisions of the front commanders was paid to the breakthrough of the enemy's defense at a high pace and ensuring the development of a rapid offensive in operational depth. To this end, forces and means were concentrated on the directions of the main strikes, and almost all tank, mechanized and cavalry corps were attached to the armies for reinforcement. From 50 to 66% of all rifle divisions, about 85% of artillery, and over 90% of tanks were concentrated on the breakthrough areas of the Southwestern and Stalingrad fronts, which made up 9% of the total length of the front line. As a result, superiority over the enemy in people by 2-2.5 times, in artillery and tanks – by 4-5 times was achieved in the breakthrough areas¹.

¹ The plan of the offensive operation of the troops of the Southwestern Front as part of the plan of the counteroffensive of the Soviet troops at Stalingrad "Uranus". TSAMO: F. 232. Op. 590. d. 137. l. 39-58.

At 8:50 a.m. on November 19, after 80 minutes of artillery preparation, the troops of the Southwestern and Don fronts went on the offensive. The rifle divisions of the 5th Tank (Lieutenant General P. L. Romanenko) and the 21st armies completed the breakthrough of the first position of the enemy's main defense line by 12 o'clock. From 12 o'clock, the 1st (Major General V. V. Butkov) and 26th (Major General A. G. Rodin) tank corps of the 5th Tank Army, as well as the 4th tank Corps (Major General A. G. Kravchenko) of the 21st Army were introduced into the battle. They attacked the enemy on the move, together with rifle formations quickly broke his resistance and, having completed the breakthrough of the enemy's defense, rushed to the south. In the afternoon, the 3rd Guards (Major General I. A. Pliiev) and the 8th (Major General M. D. Borisov) were introduced into the breakthrough cavalry corps. By the end of the first day of the offensive, the rifle divisions had advanced 10-19 km, and the tank corps had advanced 25-30 km. In the area of the Don Front offensive, the troops of the 65th Army (Lieutenant General P. I. Batov), having met very strong enemy resistance, were able to advance only 3-5 km, breaking through the main strip of tactical defense in some areas.

On November 20 the troops of the Stalingrad Front began their offensive. The troops of the 51st, 57th armies and the left flank formations of the 64th Army broke through the enemy defenses on the first day of the offensive. At 15-16 hours, at a depth of 8-10 km, the 13th Tank corps (Major General T. I. Tanaschishin), the 4th mechanized Corps (Major General V. T. Volsky) and the 4th Cavalry Corps (Lieutenant General T. T. Shapkin) were introduced into the breakthrough. By the end of the day, they had advanced to a depth of 20 km. As a result of the two days of the offensive, the Soviet troops achieved major successes: the 3rd and 4th Romanian armies suffered a heavy defeat; the deep coverage of the grouping of Romanian troops in the Raspopinskaya area was marked.

Tank, mechanized and cavalry corps were able to develop an offensive in the operational depth of the enemy. Using it, the 26th Tank Corps was rapidly approaching Kalach, the main rear base of the 6th German Army.

On the evening of November 21, the 19th Tank Brigade broke through to the bridge with a fight. The capture of the bridge at Kalach ensured that the Don was overcome by the formations of the 26th and then the 4th tank corps that came up. On November 23, the 26th Tank Corps occupied Kalach, capturing large trophies in it. At 16 o'clock on November 23, the 4th Tank and 4th mechanized corps met in the area of the Sovetsky farm. The 45th Tank Brigade of the 4th Tank Corps of the Southwestern Front and the 36th Mechanized Brigade of the 4th Mechanized Corps of the Stalingrad Front were the first to join here.

With the release of mobile formations of the Southwestern and Stalingrad fronts in the Kalach, Sovetsky, Marinovka area, the operational encirclement of the 6th field and part of the forces of the 4th tank armies of the enemy (a total of 22 divisions and more than 160 separate units totaling over 300 thousand people) was completed. By the end of the day on November 23, the Raspopin group of Romanian troops (27 thousand people), surrounded by Soviet troops, capitulated. At the same time, the troops of the 57th Army surrounded and destroyed two Romanian divisions in the Oak Ravine area. At the same time, cavalry corps and rifle formations of the 5th Tank, 1st Guards and 51st armies, developing an offensive in the southern and south-western directions, created an external front of encirclement of the enemy's Stalingrad grouping. By November 30, its creation was completed. The length of the outer encirclement front, which ran along the line of the Krivaya, Chir and Don, Kotelnikovsky rivers, was almost 500 km. With the improvement of the weather, the ground troops began to be assisted by aviation, which made about 6 thousand sorties in six days. On November 24-30, the troops of all three fronts continued their successful offensive. Overcoming the stubborn resistance of the enemy, they tightened the encirclement ring. By November 30, the territory occupied by the encircled enemy group had more than halved. At the same time, most of it was in the zone of fire damage of Soviet artillery¹.

¹ Report on the combat operations of the artillery of the Don Front for November 1942 (with appendices). TSAMO: F. 206. Op. 278. d. 9. l. 1-69.

In the current situation, the German-Fascist command attempted to unblock its encircled group. For this purpose, at the end of November, the army Group "Don" (Field Marshal E. von Manstein) was urgently created. It included the remnants of the defeated, but escaped encirclement of German and Romanian formations, newly arrived divisions in the Stalingrad direction and the encircled 6th Army (44 divisions in total). Initially, Manstein planned to strike from two directions - from the areas of Tormosin and Kotelnikovskiy. However, the lack of forces for the simultaneous creation of two strike groups, as well as the activity of Soviet troops on the outer front of the encirclement did not allow this plan to be carried out. Then the commander of the army group "Don" decided to begin actions to unblock the forces of only the Kotelnikovskiy grouping (13 divisions and a number of separate units), which was to strike along the Kotelnikovskiy-Stalingrad railway to break through to the encircled grouping and unblock it (Operation Winter Storm). The flanks of the strike group were again provided by Romanian troops. The beginning of the counterattack of the German troops was scheduled for the early morning of December 12.

At that time, the Stalingrad fronts were preparing to solve three tasks simultaneously: the defeat of the enemy on the Middle Don, the elimination of the encircled group in the Stalingrad area and the reflection of a possible enemy counterattack in the Kotelnikovskiy area. By the time the German troops went on the offensive, the 51st and the 5th shock (Lieutenant General M. M. Popov, since December 26, 1942 – Lieutenant General V. D. Tsvetaev) armies, which arrived from the Reserve of the VGK Headquarters to the Stalingrad Front, numbered 115 thousand people, about 330 tanks, over 1100 guns and mortars. From the air they were supported by up to 220 aircraft. Against them, the enemy concentrated 124 thousand people, up to 650 tanks, about 900 guns and mortars and up to 500 aircraft. At the same time, he directed his main efforts against the 51st army (6 divisions, a total of 34 thousand people, 319 guns and mortars, 105 tanks), where the army group "Hoth" (9 divisions, a total of 35 thousand

people, up to 300 tanks, 800 guns and mortars) deployed [Zaitsev, Runov 2013: 57-61].

On December 12, the German troops went on the offensive. Enemy tank divisions broke through the 51st Army's defenses in the center and advanced to a depth of 40 km by the end of the day. But the stubborn resistance of the units and formations of the 51st Army on the flanks of the breakthrough forced the enemy to send significant forces of tanks to fight them and thereby weaken the impact force in the main direction, along the railway line. Rifle divisions shackled the enemy's strike group from the front, and mobile troops counterattacked it on the flank. Thus, the 4th Mechanized and 13th Tank Corps of the Stalingrad Front forced Manstein to disperse his forces on a wide front and sharply reduce the pace of the offensive. Therefore, over the next 10 days, despite all efforts, the army group "Hoth" was able to advance only 20-25 km.

Having reached the Myshkov River, the enemy's shock tank group attacked the Soviet troops defending here for four days to no avail. From this line, about 40 km remained to the encircled group. But here, the 2nd Guards Army (Lieutenant General R. Ya. Malinovsky), which arrived from the Reserve of the VGK Headquarters, stood in the way of the German tank divisions as an insurmountable barrier. It was a powerful, fully equipped with personnel and military equipment combined arms association (122 thousand people, more than 2 thousand guns and mortars, 469 tanks). Initially, the VGK Headquarters planned to use the 2nd Guards Army to eliminate the enemy group surrounded in the Stalingrad area and transferred it to the Don Front, but due to the sharp deterioration of the situation on the outer front of the encirclement, it moved it to the Myshkov River line and included it in the Stalingrad Front. In a fierce battle on the banks of the Myshkov River between the 2nd Guards Army and the Goth army group, the enemy suffered heavy damage and completely exhausted its offensive capabilities. By the end of the day on December 23, he was forced to stop attacking and go on the defensive.

The next day, the troops of the Stalingrad Front went on the offensive. The enemy's resistance was quickly broken, and he began a hasty retreat, pursued by Soviet troops.

On December 29, the 7th Tank Corps (Major General P. A. Rotmistrov) freed Kotelnikovskiy. On December 31, Tormosin was released. The remnants of the completely defeated enemy troops were pushed back beyond the Manych and Sal rivers. The army group "Hoth" no longer existed.

A significant Soviet victory on the Middle Don and the troop's withdrawal of the Southwestern Front to the rear of the army Group "Don" dramatically changed the situation in the Stalingrad direction. The enemy, under the threat of encirclement, was forced to finally abandon plans to strike at Stalingrad in order to unblock its encircled group. Thus, by the end of December 1942, the troops of the Southwestern and Stalingrad fronts, having defeated the opposing enemy, advanced to a depth of 150-200 km. This created favorable conditions for the liquidation of the encircled group of Nazi troops near Stalingrad.

Elimination of the encircled enemy group

Early January 1943 the outer encirclement front near Stalingrad was pushed far to the west and passed 200-250 km from the city. The number of the encircled enemy group was reduced to 250 thousand people. But it still had more than 4.1 thousand guns and mortars and up to 300 tanks. The task of eliminating the encircled enemy group was assigned by the VGK Headquarters to the Don Front, which included 66, 24, 65, 21, 57, 64, 62-nd Combined arms and the 16th Air Army. He outnumbered the enemy in artillery by 1.7 times, in aircraft by 3 times, but was inferior to him in men and tanks by 1.2 times. The general management of the operation (conditional name "Ring") was headed by the representative of the Headquarters of the Supreme Command, Colonel-General of Artillery N. N. Voronov.

During the preparation of the operation, Soviet troops carried out an air blockade of the encircled group. During the entire time of the air blockade, since the beginning of December 1942, 1,160 enemy combat and transport aircraft were destroyed. As a result of the air blockade of the encircled enemy group, all attempts by the German command to organize the supply of the 6th army by air (to create a so-

called air bridge) completely failed. They were thwarted by Soviet air forces and air defense.

On January 8, 1943, in order to avoid unnecessary bloodshed, an ultimatum was presented to the encircled enemy troops. They were asked to stop senseless resistance and capitulate. But the ultimatum was rejected by the command of the 6th Army, which carried out Hitler's order to "stand to the end." On the morning of January 10, the troops of the Don Front, after a powerful artillery preparation, went on the offensive, starting to eliminate the encircled enemy. Despite the stubborn resistance of the enemy, the troops of the shock group of the front managed to wedge into its defense for 3-5 km. In the areas of the other armies, the advance was small. Developing the offensive, the troops of the Don Front reached the Rossoshka River by the end of the day on January 12, eliminating the so-called Marinovsky salient. Up to three enemy divisions were destroyed here. The second line of the enemy's defense passed along the Rossoshka River. Its breakthrough was assigned to the 21st army, in the band of which the Don Front transferred its main efforts.

Resuming the offensive on January 15, the front's troops reached the Voroponovo, Bolshaya Rossoshka area by January 17, where they again met fierce enemy resistance. In the stubborn battles of January 22-25, the resistance of the German troops at this line was broken. On the evening of January 26, the troops of the 21st Army joined the 62nd Army near the village of Krasny Oktyabr. The enemy group was split into two parts. However, despite the hopelessness of the situation, the enemy stubbornly resisted. But his end was inexorably approaching. Under the powerful blows of the Soviet troops, he lost one position after another. Soon, the front of the struggle in the city, where the remnants of the German troops were driven, broke up into several isolated from each other centers of resistance. The surrender of enemy troops began. On the morning of January 31, the southern group of troops of the 6th Army, led by Field Marshal F. Paulus, stopped resisting. On February 2, the northern group, led by General K. Strecker, also capitulated. On the same day, N. N. Voronov and K. K. Rokossovsky reported to the Supreme Commander-in-Chief I. V. Stalin

on the completion of Operation Ring. The next day, February 3, 1943 The corresponding appeal of the Sovinformburo was published in the newspaper Pravda. The Battle of Stalingrad ended with a complete triumph of Soviet military art. From January 10 to February 2, 1943, the troops of the Don Front captured 91 thousand people, including over 2.5 thousand officers and 24 generals led by Paulus. About 140 thousand German soldiers and officers were killed during the battle.

The significance of the Battle of Stalingrad

As a result of the Soviet counteroffensive near Stalingrad, the 4th German Panzer-, 3rd and 4th Romanian and 8th Italian armies and several operational groups were completely defeated, and the 6th German field Army was completely destroyed. The Nazi troops and their allies were driven far to the west of the Volga.

The Battle of Stalingrad is one of the largest battles of the Second World War. It lasted 200 days. As the German military historian and journalist P. Karel noted in his research, the Axis countries "lost a total of about 1.5 million soldiers and officers during the Battle for Stalingrad, i.e. 25% of all their forces operating on the Soviet-German front, up to 2 thousand tanks and assault guns, more than 10 thousand guns and mortars, about 3 thousand combat and transport aircraft, over 70 thousand vehicles and a huge number of other military equipment and weapons. The Wehrmacht and its allies completely lost 32 divisions and 3 brigades, and 16 more divisions were defeated, losing more than 50% of their personnel and were subsequently disbanded" [Karel 2005: 321].

The victorious outcome of the Battle of Stalingrad was of great military and political

importance. It made a decisive contribution to achieving a radical turning point not only in the Great Patriotic War, but also in the entire Second World War, was the most important stage on the way to victory over the fascist bloc. Conditions were created for the deployment of a general offensive of the Red Army and the mass expulsion of the Nazi invaders from the occupied territories of the Soviet Union. As a result of the Battle of Stalingrad, the Soviet Armed Forces wrested the strategic initiative from the enemy and held it until the end of the war. The victory at Stalingrad raised the international prestige of the Soviet Union and its Armed Forces even higher and was a decisive factor in further strengthening the anti-Hitler coalition. The peoples of Europe enslaved by Germany believed in the imminent liberation from Nazi tyranny and rose to a more active struggle against the Nazi occupiers. The crushing defeat at Stalingrad was a severe moral and political shock for Nazi Germany and its satellites. It radically shook the foreign policy positions of the Third Reich, depressed its ruling circles, and undermined the trust of its allies. Japan was forced to finally abandon plans to attack the USSR. In the ruling circles of Turkey, despite strong pressure from Germany, the desire to refrain from entering the war on the side of the fascist alliance and maintain neutrality prevailed.

The victory won at Stalingrad was the victory of the entire Soviet people, the result of the indomitable fortitude, courage and heroism of Soviet soldiers. The name "Stalingrad" in golden letters is forever inscribed in the history of our Motherland! And we have no moral right to forget about this Feat, no matter how many years separate us from it.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Энциклопедия в 12 томах. Председатель главной редакционной комиссии генерал армии С. К. Шойгу. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. – 864 с.
- Зайцев Л.И., Рунов В.А. Горячий снег Сталинграда. М.: Яуза, Эксмо, 2013. С. 5.
- Карель П. Сталинград. Крах операции «Блау». М.: Изд-во Эксмо, 2005. 352 с.
- Куманев Г.А. Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 книгах / редкол.: В. И. Фесенко (гл. ред.), Г. А. Куманёв (науч. рук.) и др. РАН; МО РФ. – М.: Наука, 1998. Т. 2: Перелом. 502 с.

- Нарочницкая Н.А.* Сталинград. Величайший провал Гитлера. 1942—1943. Сталинградская битва глазами американских и британских журналистов / под ред. Н. А. Нарочницкой. М.: Вече, 2013. 232 с.
- Попов В.Н.* Новая и новейшая история: Сталинградская битва: по новейшим исследованиям. N. 2/2007 с. 3-32.
- Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999., 451 с.
- Хазанов Д.Б.* 23 августа 1942 года. // Военно-исторический журнал. – 2009. - № 12, с. 12–15.
- Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М.: Сов. Россия, 1985. – 704 с.

REFERENCES

- Velikaja Otechestvennaja vojna 1941-1945 godov. Jenciklopedija v 12 tomah. Predsedatel' glavnoj redakcionnoj komissii general armii S. K. Shojgu. T. 3. Bitvy i srazhenija, izmenivšie hod vojny. M.: Kuchkovo pole, 2012. – 864 s.
- Zajcev L.I., Runov V.A.* Gorjachij sneg Stalingrada. – Moskva: Jauza, Jeksmo, 2013. S. 5.
- Karel P.* Stalingrad. Kraх operacii «Blau». M.: Izdvo Jeksmo, 2005. 352 s.
- Kumanev G.A.* Velikaja Otechestvennaja vojna. 1941-1945: Voенno-istoricheskie oчерki: v 4 knigah / redkol.: V. I. Fesenko (gl. red.), G. A. Kumanjov (nauch. ruk.) i dr. RAN; MO RF. M.: Nauka, 1998. T. 2: Perelom. 502 s.
- Narochnickaja N.A.* Stalingrad. Velichajshij proval Gitlera. 1942—1943. Stalingradskaja bitva glazami amerikanskih i britanskih zhurnalistov / pod red. N. A. Narochnickoj. M.: Veche, 2013. 232 s.
- Popov V.N.* Novaja i novejšaja istorija: Stalingradskaja bitva: po novejšim issledovanijam. N. 2/2007 s. 3-32.
- Tippelskirch K.* Istorija Vtoroj mirovoj vojny. SPb.: Poligon; M.: AST, 1999., 451 s.
- Hazanov D.B.* 23 avgusta 1942 goda. // Voенno-istoricheskij zhurnal. 2009. № 12, s. 12-15.
- Chujkov V.I.* Ot Stalingrada do Berlina. M.: Sov. Rossija, 1985. 704 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пархитько Николай Петрович, Nickolay P. Parkhitko, PhD in History, кандидат исторических наук, доцент Associate Professor of the RUDN University. кафедры Теории и истории журналистики Moscow, Russia. E-mail: scharnchorst@mail.ru РУДН. Москва, Россия. E-mail: scharnchorst@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

IDENTITY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Научная статья / Research article

Ключевые концепты государственных гимнов на постсоветском пространстве: историческая преемственность или новая идентичность?

А. Д. Дерендяева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Аннотация. В статье изучаются основные концепты, которые стали ключевыми при конструировании текстов гимнов в постсоветских республиках. После распада СССР во многих республиках неоднородное по этническому и религиозному составу общество стало ареной внутренних размежеваний. Поэтому проводимая органами власти политика идентичности, должна была учитывать интересы как малых, так и больших социальных групп. Символическое пространство, формируемое в данной ситуации, стало полем отражения различных концептов идентичности. Среди основных символических индикаторов выступила официальная государственная символика, принявшая на себя роль консолидирующего инструмента. В условиях ограниченности времени (а зачастую и недостатка практического опыта) конструирование гимнов оказалось непростой задачей. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать текст гимнов в постсоветских республиках, а также провести их компаративный анализ с последующим выделением ключевых концептов. В исследовании учитываются подходы теории социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукманна, в рамках которой гербы и флаги рассматриваются как «изобретенные традиции» (Э. Хобсбаум), то есть специально сконструированные сверху элементы символического пространства. Эмпирические методы исследования представлены в работе компаративным анализом текста гимнов. В результате проведенной работы, отмечается, что некоторые страны отображают в своих музыкальных композициях постулаты советского наследия (Беларусь, Таджикистан, Узбекистан). Вместе с тем, выделяются государства, в гимнах которых присутствует «коллективная травма» (Азербайджан, Армения, Украина). Автор называет и те страны, которые в текстах официальных символов акцентируют внимание на своих отличительных аспектах – природных, религиозных, этнических (Грузия, Казахстан, Туркменистан). Выделены те постсоветские республики, которые до сих пор находятся в состоянии неопределенности и, отображая аспекты «макрополитической» идентичности в своих гимнах, на самом деле до сих пор не могут сконструировать ключевые направления проводимой политики идентичности (Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Эстония). В символике отразились те направления развития государств, которые представлялись в конкретно-исторической обстановке 1990-х гг. приоритетными для новых элит.

Ключевые слова: постсоветское пространство, официальная символика, государственный гимн, идентичность.

Для цитирования: Дерендяева А. Д. Ключевые концепты государственных гимнов на постсоветском пространстве: историческая преемственность или новая идентичность? Постсоветские исследования. 2022;2(5):170-180.

Key Concepts of State Anthems in the Post-Soviet Space: Historical Continuity or New Identity?

Anna D. Derendyaeva

Altai State University, Barnaul, Russian Federation
e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Abstract. The paper considers the main concepts that are now the key ones in the construction of anthem texts in the post-Soviet republics. After the collapse of the USSR, a society heterogeneous in terms of ethnic and religious composition became the scene of internal dissociations in many republics. That is why the identity policy pursued by the authorities had to accommodate the interests of both small and large social groups. The symbolic space formed in this situation became a field of reflection for various identity concepts. Among the main symbolic indicators were the official state symbols, which assumed the role of a consolidating instrument. However, under conditions of time limitation (and often of scant practical experience), the design of anthems turned out to be a difficult task. The study attempts to summarize the experience of designing of anthems in the post-Soviet republics, as well as to conduct their comparative analysis followed by identification key concepts. In the study, the approaches of the social constructivism theory by P. Berger and T. Luckmann is taken into account, in which the anthems are considered as «invented traditions» (E. Hobsbawm), that is, elements of symbolic space specially constructed from above. The empirical research methods are presented in the work by a comparative analysis of texts anthems. As a result of this work, it is noted that some countries reflect the postulates of the Soviet legacy in their musical compositions (Belarus, Tajikistan, and Uzbekistan). At the same time, some states are identified, in the anthems of which a «collective trauma» is present (Armenia, Azerbaijan, and Ukraine). The author also specifies those countries that emphasize their distinctive aspects (natural, religious, and ethnic) in the texts of their official symbols (Georgia, Kazakhstan, and Turkmenistan). Those post-Soviet republics have been also distinguished, which are still in a state of uncertainty and actually unable to construct the key directions of their identity policies while showing some aspects of «macropolitical» identity in their anthems (Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Moldova, and Estonia). The symbols reflected those directions of the development of the states, which seemed to be of top priority for the new elites under the concrete historical setting of the 1990s.

Keywords: post-Soviet space, official symbols, national anthem, identity policy.

For citation: Anna D. Derendyaeva Key Concepts of State Anthems in the Post-Soviet Space: Historical Continuity or New Identity?. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;2(5):170-180. (In Russ.)

Новая политическая реальность 1991 г. оказалась совершенно неожиданной для большинства граждан бывших союзных республик СССР. Распад Советского Союза привел к «болезненным» экономической и социально-культурной трансформациям. В первую очередь эти страны не были однородными в этнокультурном смысле и не имели длительной традиции собственной государственности. В такой ситуации от новых политических элит требовалось проведение новой политики нациестроительства, влияющей в первую очередь на создание устойчивой идентичности и лояльного отношения к власти в обществе.

Среди прочих практик, таких как «удревнение истории», «политика памяти», «свой-чужой», мемориальная политика важным оказывается создание новой государственной символики, а именно гимна как торжественной песни, исполняющейся

во время различных официальных мероприятий. Государственный гимн выступает как особый формат ценностного позиционирования страны, как во внутреннем, так и во внешнем проявлениях. В связи с этим основной целью исследования является выявление и сравнение основных смысловых концептов в текстах гимнов постсоветских республик, которые закладывались на момент становления данных государств. Такое исследование поможет лучше понять траектории развития стран, определить ключевые нарративы, вокруг которых либо сохраняется историческая преемственность (советского периода), либо конструируется новая идентичность общества.

Говоря о степени изученности поставленной проблемы, стоит отметить, что тексты гимнов как правило рассматриваются в филологическом ракурсе [Воркачев 2019; Зотеева 2013; Ощепкова 2018]. В то же время

нельзя отрицать наличие историко-политологических работ, посвященных исследованию музыкальных композиций [Мизякина 2020; Соболева 2005; Типиухова 2014]. Теоретико-методологической основой исследования прежде всего выступает теория социального конструктивизма Л. Бергера и Т. Лукмана, в рамках которой гимны рассматриваются как социально конструируемые элементы реальности [Berger, Luckmann 1966]. Кроме того, для подробного анализа текстового содержания музыкальных композиций стоит также опираться на «анкету» речевого жанра Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 1990: 24].

Терминологический аппарат исследования прежде всего связан с категорией «постсоветское пространство». Так, исследователь А.В. Петров предлагает ранжировать бывшие советские республики по пяти группам: 1) Восточноевропейские страны, 2) Центральноазиатские государства, 3) Закавказье, 4) Прибалтийские страны. В отдельную, пятую категорию выделяется Россия, как «доминирующий» актор изучаемого региона [Петров 2012: 16].

Восточноевропейские государства Беларусь

Государственный гимн «Мы, белорусы» был принят в качестве официального символа лишь в 2002 г., причем музыка композиции сохранялась от предыдущей гимнодии, существовавшей еще в советский период.

В качестве образа автора и адресата выступает местоимение «мы», а также словосочетание «...белорусы – мирные люди...». К данным образам добавляются категории «братский союз», «народ», что еще больше подчеркивает патриотический дискурс композиции. Кроме того, через концепты «...в работающей вольной семье...», «...мирные люди...» можно увидеть основные ценностные постулаты белорусского общества: «труд», «семья» и «мир».

Образ прошлого в тексте гимна раскрывается через положительные исторические события, поскольку отмечается «героическое прошлое» белорусов, которые вместе с «...братьями храбро веками...» (под ними очевидно

понимаются народы республик советского периода) сумели сохранить свою страну от врагов. В таком контексте можно говорить о наличии в музыкальной композиции концепта «свой-чужой».

Аксиологический блок гимнодии находит своё выражение в категориях «родина», «любимая мама-Отчизна», «родная земля», тем самым формируются чувства гордости, восхищения своей страной (отчасти Родина выступает и адресатом гимна). Кроме того, важной ценностью в тексте гимна становится интеграция общества, формируемая через такие концепты, как «дружба народов», «сила народов».

Особенным символом в третьем куплете гимна выступает категория «путь», обозначенная терминами «...наш заповедный, солнечный путь...». Данное словосочетание формирует образ будущего, показывает ключевую цель развития государства: «...вечно живи и цвети, Беларусь!...».

Таким образом, данные концепты («братский союз», «труд», «мир», «дружба народов» и т.д.) и сохранение мелодии гимна Белорусской ССР в основе современного официального символа прежде всего говорят о попытках страны сконструировать идентичность на основе сохранения общих советских ценностей, придавая им новые контуры развития. Такую модель можно обозначать, как «неосоветская» [Казаринова, Думалиян 2022: 74] или как идентичность, объединяющая дискурсы советской и национально-белорусской истории. Важно отметить, что и на других официальных символах Республики Беларусь – гербе и флаге сохраняются мотивы советского наследия. Кроме того, Беларусь – это единственная постсоветская страна, которая фактически полностью восстановила флаг Белорусской ССР (если не говорить о Приднестровье, которое считается непризнанной республикой).

Украина

Государственный гимн Украины «Не погибла ещё Украина» был утвержден в 1992 г. 6 марта 2003 г. Верховная Рада приняла закон, в котором символ был видоизменен и

ограничивался первым куплетом и припевом песни.

В современной музыкальной композиции в качестве образов автора и адресата выступают следующие концепты: «братья молодые», «братья, казацкого рода» и местоимение «мы». Стоит отметить, что в неофициальной обстановке вместо «братья молодые» часто исполняется иная категория: «братья-украинцы», что еще больше подчеркивает этническую идентичность.

Важно отметить, что в музыкальной композиции более ранней версии (от 1992 г.) четко обозначалось историческое прошлое, выраженное через события, связанные с именами казаков-борцов за свободу украинского народа. К таковым относились: Северин Наливайко, Максим Железняк, Тарас Трясило, а в припеве гимна ключевой фигурой выступал Богдан (прим. Богдан Хмельницкий). Обозначая последнего «славным гетманом», его вместе с тем в тексте музыкальной композиции подвергали критике за то, что он «...отдал Украину Москалям поганым...».

Новая версия гимна избегает таких отрицательных концептов, кроме того, в ней отсутствуют исторические фигуры. Вместе с тем, даже по первому куплету современного символа можно понять, что образ прошлого украинцев выражен в негативной коннотации. Кроме того, в тексте гимна сохраняется и образ врага – «вороженьки», то есть тех, которые очевидно забрали свободу у украинского народа (возможно под ними понимается Российская империя, СССР или Речь Посполитая).

Также важным аксиологическим концептом музыкальной композиции выступает «свобода», а одна из строк гимна звучит так: «...душу и тело мы положим за нашу свободу...». В таком контексте можно увидеть агональность и жертвенность народа в борьбе за «...свой край...».

Образ будущего выступает в положительной коннотации, подчеркивается, что украинцам ещё «...улыбнется судьба...», что они «...восторжествуют в своем краю...».

В целом можно говорить о том, что современный гимн Украины содержит в себе

концепты, отражающие суть оппозиции «свой-чужие» и формирующие на их основе «коллективную травму». Вместе с тем, в роли идентификатора выступает и этнический аспект, поскольку обозначается, что украинцы «...братья, казацкого рода...». Таким образом, можно говорить о формировании в Украине модели антиимперской или постколониальной идентичности и вместе с тем, национальной, этнической.

Молдова

В качестве официального гимна Молдавии выступает музыкальная композиция «Наш язык», написанная на стихи священника и поэта А.М Матеевича. Символ был утверждён в 1994 г. в измененном варианте: в него вошли только 5 строк из всего стихотворения. Образы автора и адресата здесь имеют необычное выражение, в качестве основного концепта выступает сам «язык». Очевидно, что он выполняет идентификационную функцию, тем более что язык «синонимичен» народу: «язык – народ, земля с одноплеменным населением своим, с одинаковой речью» [Воркачев 2019: 99]. Кроме того, в качестве адресата выступает местоимение «мы», предложенной в тексте музыкальной композиции в разных формах (именительного, дательного падежа и т.д.).

Образ прошлого формируется с помощью таких концептов, как «...тихий говор дедов наших...», «...отцовский край...», тем самым подчеркивается ценность поколений, важность сохранения исторической памяти. Концепт образа будущего представлен в положительном аспекте, поскольку подчеркивается, что «...роптать не придётся...» (имеется в виду, что язык наполнится новыми словами, «расцветёт», а вместе с ним «расцветёт» и народ).

В тексте гимна также представлены географические символы, отражающие природный ландшафт страны: «...Кодры, шорох листопада...», «...плёс Днестра, в котором ясно...».

Определить, какая идентичность (молдавская или румынская) конструируется в данной стране, только на основе

официального гимна, представляется сложным. И это неслучайно: из всех народов бывших советских республик молдаване обладают самым противоречивым самосознанием, а борьба за конструирование идентичности в обществе сохраняется до сих пор.

Страны Центральной Азии Казахстан

Гимн Республики Казахстан принимался дважды: в 1992 и в 2006 гг. Современная версия текста композиции в качестве образа автора и адресата находит своё отражение через концепты: «...мой казахский народ!..», «...О, мой народ!..» и личное местоимение: «я». В то же время добавляется и другая категория – «страна», упомянутая в припеве гимна: «...О, моя страна!..».

Образ прошлого отражается прежде всего в таких исторических событиях, которые связаны с древним периодом, так называемым «золотым веком» Казахстана: «...в седой древности родилась наша слава...». В положительной коннотации выступает и образ будущего «...открывающая путь будущим поколениям...», закладывающий одновременно такой концепт, как «путь». Данный символ даёт надежду на светлое будущее, что подтверждают строки второго куплета музыкальной композиции «...наша страна счастливая!..». Важно отметить и то, что ярким концептом становится образ «солнца». Без него не будет освящён путь, а значит и не будет будущего.

В качестве природных символов выступают концепты «золотое солнце», «золотое зерно», «небо», «степь», показывающие основные географические ценности. Кроме того, золотой оттенок, упоминаемый в тексте гимна, является одним из ключевых в тинктуре герба и флага Республики Казахстан.

В музыкальной композиции используются и приемы масштабной визуализации: «...широкая необъятная земля есть у меня...», что формирует чувство гордости за просторы своей страны.

Аксиологический блок находит своё выражение в таких концептах, как «независимость» и вместе с тем «дружба». Эти категории подтверждают модели

идентичности, выбранные первым президентом Н.А. Назарбаевым – казахская (этническая) и многонациональная (евразийская).

Кыргызстан

Гимн Республики Кыргызстан был утвержден в 1992 г. и первоначально содержал три куплета и припев, однако в 2012 г. второй куплет был исключён постановлением Жогорку Кенеша.

В тексте музыкальной композиции в качестве образа автора и адресата выступает концепт «киргизский народ». Текст гимна отображает историческую преемственность через такие категории, как: «отцы», «мечты отцов сбылись», «наследье отцов», «потомки», тем самым показывается «славный» образ прошлого.

Кроме того, в официальной композиции встречаются природные символы: «...высокие горы, долины, поля...», «Ала-Тоо», подчеркивающие тем самым географические достопримечательности государства.

Важным аксиологическим концептом выступает «свобода», отражающая в строках «...вперед, киргизский народ, путём свободы вперёд!» не только ценностный, но и побудительный характер.

Образ будущего в музыкальной композиции также, как и во многих других странах, представлен в положительных категориях: «...взрастай, народ, расцветай...», тем самым подчеркивается некое «плодородие» государства.

В целом, можно говорить о формировании многосоставной (модель баланса между государственной, этнической и религиозной [Казаринова, Думалиян 2022: 74.]) или макрополитической идентичностями в данной республике [Дерендяева, Чернышов 2021: 122]. Такую модель идентичности можно объяснить до сих пор не до конца определившимся курсом политического развития государства, что подтверждает и иная символика Кыргызстана: герб и флаг страны отображают разные по своим основаниям, ценностные постулаты.

Таджикистан

Принятый в 1994 г. гимн Таджикистана также, как и символ Белоруссии, в качестве

основной музыки использует мелодию гимна Таджикской ССР. Изучая структуру музыкальной композиции, в качестве образа автора можно выделить концепт, предложенный в виде местоимения «мы». Образ адресата представлен самой страной и находит своё отображение в следующих словосочетаниях: «...наша любимая страна...», «...моя Родина...», «...мой свободный Таджикистан...», что подчеркивает патриотическую составляющую официального символа.

Образ прошлого заключается в таких концептах, как: «...шли к этому дню с древних времен...», «...наши предки...». Вместе с тем, как и во многих других постсоветских гимнах образ будущего формируется в положительной коннотации, через категории «счастье», «надежда», «мир любит нас», «свободный Таджикистан». На основании этого можно увидеть аксиологическую составляющую гимна. Важно отметить, что музыкальная композиция наполнена положительным дискурсом, в ней нет никаких отрицательных концептов: «врагов», оппозиции «свои-чужой» или «коллективной травмы».

В целом, можно говорить о том, что в Таджикистане конструируется макрополитическая модель идентичности, которая в первую очередь отражает этнический характер. Вместе с тем, есть и историческая преемственность в виде советского наследия («неосоветская идентичность»), что кстати можно увидеть и на других символах государства – на гербе и на флаге страны.

Туркменистан

Национальный гимн Туркменистана был утверждён в 1996 г. До этого времени в качестве официальной композиции в период с 1992 по 1996 гг. выступал гимн Туркменской ССР, причем в версии без словесного содержания. Однако и принятый гимн поддавался корректировке: в 2008 г. появилась новая версия символа, а из прежней композиции были убраны мотивы, связанные с «культом личности» первого президента страны – С.А. Туркменбаши. Вместо фамилии лидера в текстовое содержание гимна был введен концепт

«народ». В новой версии (от 2008 г.) в качестве основных образов автора и адресата выступают местоимение «я», а также термин «народ».

Текстовая часть гимна содержит в себе отсылку к образам прошлого, подчеркивается историческая преемственность: «...духом предков отважные славны сыны...», «...по жилам племён...», «...течёт предков кровь...», что говорит о сохранении традиционного типа общества (Туркменистан принято называть «нацией племен»).

Важно отметить, что музыкальная композиция носит сакральный характер, поскольку в ней подчеркивается «святость» государства, выраженная в концептах: «...земля моя свята...», «...Туркменистан – светоч (прим. божественное существо) ...». Кроме того, аксиологический блок музыкальной композиции представляет собою совокупность следующих категорий: «единство», «дружба народа», что подтверждает словосочетание из третьего куплета: «...един мой народ...».

В тексте гимна, аналогично иным символам постсоветского пространства, говорится о «светлом» будущем, причем эти концепты чередуются с неким наставлением своему народу: «...сохраним и умножим славу и честь...», «...во веки веков ты живи, процветай!...».

Говоря об идентичности Туркменистана, можно также сказать, что она носит «макрополитический» характер, вместе с тем в данной модели преобладает религиозный аспект (исламские традиции), а до 2008 г. доминировал персонифицированный фактор (роль лидера).

Узбекистан

Гимн Республики Узбекистан, принятый в 1992 г., также, как и гимны Беларуси и Таджикистана, использует в качестве основной мелодии композицию советского периода. Образ автора и адресата представлен в тексте в виде самой страны, что можно увидеть в таких концептах, как «...светлый край...», «...ты спасительный друг и спутник...», «...родной мой Узбекистан...», «...независимый край...», «...родина моя...» и т.д. Подчеркивается

историческая преемственность, прошлое формируется с помощью таких категорий: «...дух великих людей...», «...предков мощь...».

Аксиологическая часть музыкальная композиции находит свое отображение через концепты «...независимость...», «...мудрости оплот...», «...щедрый мой народ...». Отличительные признаки природного ландшафта выражены через категорию: «...золотые эти долины...».

Важно отметить, что данный гимн содержательно похож на гимн Таджикистана, аналогичным образом пытается сохранить советское наследие. И этот аспект, так же, как и на гербах Беларуси и Таджикистана, встречается на официальном символе Узбекистана («неосоветская» идентичность). С другой стороны, можно увидеть конструирование макрополитической идентичности, поскольку присутствует и исторический, и природный, и иные факторы, отражающие специфику страны.

Страны Закавказья

Азербайджан

Гимн «Марш Азербайджана» был написан в 1919 г., официально принят его удалось лишь с восстановлением независимости, в 1992 г. В качестве образа автора в данной композиции выступает сам народ, представленный в виде местоимения «мы». Страна выступает в качестве образа адресата и находит свое отображение через концепты: «...колыбель святая...», «...Отчизна...». В используемых категориях «...от истока нашей жизни...», «...колыбель святая...», «...край наш древний...» можно увидеть не только образ прошлого и «длинную» историю азербайджанского народа, но и сакральный характер гимна.

Вместе с тем, диктумная составляющая гимна повествует о трагических событиях общества: «...тысячи нас, павших в бою, защищавших землю свою...». С одной стороны, данный концепт конструирует коллективную травму, на основе которой формируется идентичность общества. С другой стороны, здесь можно увидеть агональный и жертвенный характер народа: «...в час роковой встанем стеной...».

Несмотря на «мрачное прошлое», образ будущего находит свое выражение в достаточно положительных концептах. Так в строках гимна «...пусть цветут сады, твои...», «...созидай, мечтай, твори...», «...сердце, полное любви...» можно увидеть аксиологический блок гимнодии, где главной ценностью выступает «любовь».

Важно отметить, что для Азербайджана так же, как и для многих других постсоветских республик, до сих пор актуален конфликт идентичностей, представленный в виде дилеммы между несколькими ценностными основаниями. В данном случае мы можем говорить о противостоянии иранской и тюркской идентичностей, однако в тексте музыкальной композиции его сложно увидеть.

Армения

Гимн Армении «Наша Родина» был официально утвержден в 1991 г. Однако уже в период 1918–1920 гг. текст композиции в несколько ином варианте также считался официальным символом. Интерес в структуре гимна представляет образа автора, выраженный в концепте самой страны. Образ адресата также любопытен, поскольку он представлен категорией – «брат». Данный концепт имеет особое значение для армянского народа, поскольку в обществе сохраняется устойчивое представление о нерасторжимости терминов: народ – нация – этнос [Семененко, 2017: 65].

Образ прошлого закладывается в словосочетании «...веками жила...», что также показывает «богатую» историю. В тексте музыкальной композиции присутствует концепт «свой-чужой» представленный строкой «...пусть блистает перед врагами...». Аналогичным образом отмечается агональный и жертвенный образ армянского народа: «...блажен тот, кто погибает за свободу своего народа...». Образ счастливого будущего находит свое отражение в предложении: «...пусть всегда будет Армения!..», что показывает нам «вечность», «незыблемость» данного государства. Кроме того, аксиологический блок гимна представлен в виде следующих ценностей: «свобода», «независимость». Также в качестве важно концепта выступает

другой официальный символ – «флаг», отмечается его «священный» характер.

Вместе с тем, отмечается, что в Армении отсутствует запрос на конструировании гражданской нации, поскольку идентичность данному народу и так обеспечена.

Грузия

Гораздо позднее, чем в других постсоветских странах, в 2004 г. был принят государственный гимн Грузии – «Свобода». С самого начала музыкальная композиция несёт в себе сакральный характер, а образ адресата выражен в следующих концептах: «...моя икона – родина...», «...иконостас – весь мир...», «...Бог...» и т.д. Кроме того, подчеркивается «священный» характер и природной символики: «...освященные горы, долины, брошенные жребием у Бога...».

Вместе с тем, музыкальная композиция небольшая по своему содержанию и образ прошлого в данном гимне отсутствует. Зато в побудительной форме конструируется образ будущего: «...будущему поёт славу», «звезда...воссияет».

Аксиологическая составляющая гимна находит свое выражение в таких концептах, как «слава» и «свобода». Данные категории представлены в последней строке официальной композиции: «...Слава свободе, Свободе слава!...».

Несмотря на свою лаконичность, гимн Грузии позволяет определить ключевые ценностные постулаты общества, увидеть значимость религиозных аспектов, формируемых порою «сверху». Таким образом, вера в грузинском контексте становится важным идентификатором, а её символическое отображение можно увидеть даже в официальном гимне страны.

Страны Прибалтики

Латвия

Благодаря Верховному Совету Латвийской ССР в 1990 г. в качестве официального гимна был возвращен символ, использовавшийся ранее, в 1920 г. Гимн Латвии «Боже, благослови Латвию!» имеет небольшое текстовое содержание. Вместе с тем, в нем четко отображается образ адресата, им является сама страна, выраженная в концептах: «Латвия», а также «...наше дорогое отечество...».

Важно отметить, что композиция несет в себе ритуальный характер, напоминает некую молитву, поскольку в её тексте содержатся такие строки: «...Боже, благослови Латвию...», «...Ах, благослови её!...». Вместе с тем, данные концепты вызывают порою в обществе недовольство: «противники» гимна подчеркивают светский характер Латвии и утверждают, что официальный гимн – «устарел» и не соответствует настоящему политическому дискурсу.

Образ прошлого отсутствует в национальной песне, имеет место быть лишь образ будущего, который также наполнен положительными событиями. Они отображаются с помощью следующих словосочетаний: «...где цветут дочери...», «...где поют сыновья...», «...там в счастье танцевать...».

Литва

Государственный гимн Литвы «Национальная песнь» также, как и символ Латвии, имеет достаточно длинную историю: впервые он был опубликован в журнале «Varpas», в 1898 г. Уже в 1988 г., до провозглашения своей независимости, музыкальная композиция была возвращена в качестве гимна Литовской ССР, а затем и гимна Литовской Республики в 1992 г.

В качестве образа адресата выступает сама страна, находящая свое выражение в таких концептах: «...Литва (Летува), Родина наша...», «...Ты – земля героев...».

Образ прошлого в структуре гимна носит «славный» характер, поскольку в одной строк отмечается, что «...из твоего прошлого могущество черпаем...». Аксиологический блок музыкальной композиции выражается в таких концептах, как: «единение», «любовь», «право», «слава», «правда» и т.д. В третьем куплете важную роль играет концепт «солнца», подчеркивается, что оно может «...мрак ночной развеять...», «...путь наш озарить...».

Эстония

Официальный гимн был создан в 1920 г., однако в советское время песня «Отчизна моя, моё счастье и радость» была запрещена. В 1991 г. гимн вновь стал музыкальной композицией государства.

В качестве образа адресата также, как и в других странах Прибалтики выступает сама страна. В данном тексте она находит свое выражение через такие концепты, как: «мой край», «Отчизна моя».

Кроме того, гимн Эстонии, так же, как и гимн Латвии, носит ритуальный характер, о чем говорят строки третьего куплета: «...Благословит Господь Святой тебя, мой край родной...». Вместе с тем, присутствует и жертвенный аспект, выраженный в концептах: «...до смерти верность – мой завет...», «...над всем другим поставлю я тебя, страна моя!...».

Говоря о прибалтийских странах, можно отметить, что тексты гимнов показывают наличие определенных проблем с конструированием идентичности в Литве, Латвии и Эстонии. Такая ситуация подтверждается существующим дискурсом: с одной стороны, данные государства стремятся сохранить свой суверенитет, а с другой стороны в их политике нацистроительства видится стремление к евроинтеграции (европейской идентичности).

Заключение

Изучая опыт конструирования официальной символики, а именно гимнов в постсоветских странах, важно отметить, что их смысловое содержание зачастую соотносится с тем политическим дискурсом, который существовал на момент принятия музыкальной композиции. Изменения в международном политическом пространстве порой приводили к изменению текста гимнов (например, в Казахстане, Украине, Туркменистане). Кроме того, содержательная часть музыкальных композиций зависела от тех стратегий и практик, которые считала основополагающими государственная власть, в рамках политики нацистроительства.

Так, фактически для всех постсоветских гимнов характерно отсутствие конкретизации исторического нарратива, что объяснимо различными подходами в интерпретации прошлого. Вместе с тем в музыкальных композициях есть общие обращения к истории и предкам: 1) восхваляющие своё «древнее», «славное»,

«героическое прошлое» (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Литва, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) 2) акцентирующие внимание на «коллективных травмах» своего народа (Азербайджан, Армения, Украина), а также те символы, в которых 3) отсутствует хронотоп (Грузия, Латвия, Эстония).

В текстах многих гимнов в качестве образа адресата выступает сам «народ» (Беларусь, Казахстан, Туркменистан, Украина и др.) или «государство» (Грузия, Латвия, Таджикистан, Эстония и др.). На этом фоне выделяется гимн Молдовы, для которого адресатом является «язык».

Аксиологический блок музыкальных композиций представлен в виде совокупности различных ценностей, среди которых наиболее популярными являются: 1) «дружба» (Беларусь, Казахстан, Туркменистан), 2) «мир» (Беларусь), 3) «труд» (Беларусь), 4) «независимость» (Армения, Казахстан, Узбекистан), 5) «свобода» (Армения, Грузия, Кыргызстан, Таджикистан) 6) «щедрость» (Узбекистан) и даже 7) любовь (Азербайджан, Литва) и т.д.

Кроме того, в гимнах содержатся: 1) этнические (Казахстан, Украина), 2) религиозные (Грузия, Латвия, Туркменистан, Эстония) и 3) природные (Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Узбекистан) символы, отображающие специфику изучаемых государств. В ранее принятых гимнах (которые затем были отредактированы) также содержались и 4) знаковые фигуры (например, гимн Туркменистана и Украины). Также в некоторых музыкальных композициях встречаются такие символы, как «солнце» (Казахстан, Литва), «путь» (Беларусь, Казахстан, Литва) и т.д.

Говоря о преобладающих моделях идентичности, можно отметить, что некоторые страны отображают в своих гимнах ценности советского прошлого (Беларусь, Таджикистан, Узбекистан), что позволяет судить о конструировании «неосоветской» модели идентичности. Вместе с тем, выделяются государства, в гимнах которых присутствует антиимперская, постколониальная политика (Азербайджан, Армения, Украина).

Некоторые страны, акцентирующие внимание на своих отличительных аспектах, тем самым формируют новую модель идентичности на основе этнических (Казахстан), религиозных (Грузия, Туркменистан) и иных аспектов. Вместе с тем, выделяются и те государства, в которых до сих пор нет единых стратегий и практик в проведении политики идентичности, и это

приводит к формированию так называемой «макрополитической модели» (многосоставной, гибридной) (Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Эстония).

Важно отметить и то, что образ будущего фактически во всех постсоветских гимнах выступает в положительной коннотации, что подчеркивает надежду государств на благоприятные траектории своего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. New York, 1966. 125 p.
- Воркачев С.Г.* Патриотический дискурс: гимнодия Республик Бывшего СССР // Язык. Текст. Дискурс. 2019. №17. С. 97–104.
- Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г.* Принятие государственной символики в странах Центральной Азии в начале 1990-х гг.: основные маркеры идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 115–124.
- Зотеева Т.С.* Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика 1(43). 2013. С. 133–143.
- Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А.* Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. 2022. № 1. С. 52–79.
- Мизякина С.Н.* Гимны восточно-славянских государств: сравнительный анализ ценностно-смысловой структуры // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2020. № 4. С. 104–113.
- Ощепкова Л.А.* Жанрово-стилистические особенности гимнов социалистических стран // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 115–124.
- Петров А.В.* Страны постсоветского пространства. Иркутск, 2012. 173 с.
- Семененко И.С., Лапкин В.В.* Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.
- Соболева Н.А.* Из истории отечественных государственных гимнов // Отечественная история. 2005. № 1. С. 3–21.
- Тупиухова И.П.* Интерпретация гимнов в социуме // Среднерусский вестник общественных наук. Философия и проблемы гуманитарного знания. 2014. № 3 (33). С. 45–52.
- Шмелева Т.В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. 1990. № 2. С. 20–32.

REFERENCES

- Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. New York, 1966. 125 p.
- Vorkachev S.G.* Patrioticheskij diskurs: gimnodiya Respublik Byvshego SSSR // Yazyk. Tekst. Diskurs. 2019. №17. S. 97-104.
- Derendyaeva A.D., Chernyshov Yu.G.* Prinyatie gosudarstvennoj simvoliki v stranah Central'noj Azii v nachale 1990-h gg.: osnovnye markery identichnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2021. № 74. S. 115-124.
- Zoteeva T.S.* Gosudarstvennyj gimn kak zhanr politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika 1(43). 2013. S. 133-143.
- Kazarinova D.B., Dunamalyan N.A.* Traektorii razvitiya postsovetskih identichnostej: podhody, modeli, tendencii // Politicheskaya nauka. 2022. № 1. S. 52-79.
- Mizyakina S.N.* Gimny vostochno-slavyanskikh gosudarstv: sravnitel'nyj analiz cennostno-smyslovoj struktury // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2020. № 4. S. 104-113.

- Oshchepkova L.A. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti gimnov socialisticheskikh stran // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. T. 17, № 9. S. 115-124.
- Petrov A.V. Strany postsovetskogo prostranstva. Irkutsk, 2012. 173 s.
- Semenenko I.S., Lapkin V.V. Mezhdru gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 5. С. 54-78.
- Soboleva N.A. Iz istorii otechestvennyh gosudarstvennyh gimnov // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 1. S. 3-21.
- Tipiuhova I.P. Interpretaciya gimnov v sociume // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. Filosofiya i problemy gumanitarnogo znaniya. 2014. № 3 (33). S. 45-52.
- Shmeleva T.V. Rechevoj zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka // Russistik. Rusistika. Nauchnyj zhurnal aktual'nyh problem prepodavaniya russkogo yazyka. 1990. № 2. S. 20-32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дерендяева Анна Дмитриевна, Anna D. Derendyaeva, postgraduate аспирант кафедры всеобщей истории и student of the Department of World History and международных отношений ИИМО АлтГУ, International Relations of Altai State University Алтайский государственный университет, (ASU), Altai State University, Barnaul, Russian Барнаул, Россия. E-mail: Federation. E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru a.derendyaewa@yandex.ru

Межкультурная коммуникация в условиях меняющегося мира

А. Ж. Дуйшеева

*Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан
e-mail: aikon2487@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению факторов, определяющих особенности межкультурной коммуникации в условиях меняющегося мира и организации процесса обучения с применением дистанционной формы обучения. Дистанционная форма обучения дает сегодня возможность создания систем массового непрерывного самообучения, всеобщего обмена информацией, независимо от временных и пространственных рамок. Основной особенностью данной технологии является осуществление процесса обучения с сохранением определенной дистанции или расстояния. Коммуникация и общение являются важнейшей частью человеческой жизни, а значит, и частью культуры. Обучения иностранным языкам, как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Необходимо не только обучить человека иностранному языку, но и научить его уважать и ценить культуру данного народа. Осознание принадлежности к единому мировому пространству требует достижения понимания между носителями различных культур. Безусловно, основная роль должна отводиться образованию, которое в настоящее время становится более интернациональным, многоязычным и поликультурным. Изучение языка в аспекте его связей с культурой и миром конкретного народа, носителя этого языка, особенно важно и в практике преподавания иностранных языков. Если в более ранние времена при изучении языков внимание было главным образом сосредоточено на освоении грамматики и словаря, то для современного человека, говорящего на языке, условием эффективной коммуникации является понимание и наличие всего запаса знаний о мире, лежащем за тем или иным конкретным языком. Современная цель обучения иностранному языку формулируется как подготовка к реальной межкультурной коммуникации. Именно такая постановка цели обучения соответствует потребностям, предъявляемым к иностранным языкам на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, дистанционное обучение, интернет-технологии, культура, информация.

Для цитирования: Дуйшеева А. Ж. Межкультурная коммуникация в условиях меняющегося мира 2022; 2(5):181-188.

Intercultural communication in the conditions of the changing world

Akylai J. Duisheeva

*Kyrgyz National University named after Jh. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
e-mail: aikon2487@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the factors that determine the features of intercultural communication in a changing world and the organization of the learning process using distance learning. Distance learning today makes it possible to create systems of mass continuous self-learning, general exchange of information, regardless of time and space. The main feature of this technology is the implementation of the learning process while maintaining a certain distance or distance. Communication and communication are an essential part of human life, and therefore a part of culture. Learning foreign languages as a means of communication between representatives of different peoples and cultures is that languages should be studied in inseparable unity with the world and culture of the peoples who speak these languages. It is necessary not only to teach a person a foreign language, but also to teach him to respect and value the culture of a given nation. Awareness

of belonging to a single global space requires the achievement of understanding between the bearers of different cultures. Of course, the main role should be given to education, which is now becoming more international, multilingual and multicultural. The study of a language in terms of its links with the culture and world of a particular people, a native speaker of this language, is especially important in the practice of teaching foreign languages. If in earlier times, when learning languages, attention was mainly focused on mastering grammar and vocabulary, then for a modern person who speaks a language, the condition for effective communication is understanding and having the entire stock of knowledge about the world behind a particular language. The modern goal of teaching a foreign language is formulated as preparation for real intercultural communication. It is this setting of the goal of learning that meets the needs of foreign languages at the present stage of development of society.

Key words: intercultural communication, distance learning, Internet technologies, culture, information.

For citation: Akylai J. Duisheeva Intercultural communication in the conditions of the changing world. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;2(5):181-188. (In Russ.).

Межкультурная коммуникация, как отрасль научного знания и учебная дисциплина прошла длительную историю становления и развития, но до сих пор не имеет однозначного понимания, как в терминологическом, так и в дисциплинарном аспекте. Это объясняется ее многогранностью и междисциплинарным характером. Термин «межкультурная коммуникация» состоит из двух понятий – «межкультурная» и «коммуникация». Как правило, термин «межкультурный» рассматривается применительно к интеракции (общению), в которую вступают представители разных культур. Это могут быть индивиды, группы, которые осознают свою принадлежность к другой («чужой») культуре. Под культурой в данном случае понимают именно национально-этнические общности со свойственными их носителям мышлением, традициями, ценностями, моделями поведения и конечно язык. Термин «коммуникация» происходит от лат. «communicatio» – соединение, передача, сообщение; или от лат. «communicare» – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать. Трактовка может быть разной вследствие этимологии термина и исходить из целей и принципов коммуникации [Абраева, Бакирова 2014: 8]. Человек – это существо общественное. Человек живет в обществе и, следовательно, может, должен и необходимо общаться с другими членами этого общества. Ведь слова общество, общение, коммуникация имеют общий корень, и обозначают общий. Итак,

слова связывают и объединяют людей через общение. Без общения нет общества, без общества нет человека социального, культурного, разумного. Как писал Е. Пассов [Пассов 1991], «Любая культура в изоляции погибает и лишь в диалоге, и в контакте с культурами других народов она обогащается и обновляется».

Согласно определению Т.Б. Фрик [Фрик 2013], «Межкультурная коммуникация – это общение людей, которые представляют разные культуры».

Межкультурная коммуникация – это одно из новых и менее изученных направлений поликультурного образования учащихся средствами родного и иностранного языков. Разумеется, это один из многочисленных подходов, направленных на повышение качества образования, повышению мотиваций, эффективность обучения иностранным языкам, межкультурную коммуникацию и диалог культур. Именно поэтому на сегодняшний день важно не только обсуждение данного вопроса, но и внедрение в практику.

Концепция модернизации образования означает переход на новую парадигму образования и воспитания. Во-первых, поменялись ценностные ориентации в обществе, во-вторых, изменился социальный заказ общества, и образовательные учреждения на современном этапе выполняют данный заказ – воспитывают, развивают и обучают такую модель выпускника, который способен жить и творить в условиях меняющегося мира,

способен быть конкурентоспособным, влиться в сообщество мира. В связи с этим меняется роль и методика обучения.

Основное место в реформировании образования будущего также отводится иностранным языкам, оно рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений современного образования. В качестве целей при изучении иностранного языка в настоящее время должно выступать образование личности. В этом случае в качестве содержания выступает культура, под которой понимаются личностно-освоенные в деятельности духовные ценности, в которых происходит социализация личности.

Как сказал Е.И. Пассов [Пассов 1991], эта переориентация образования при усвоении иностранного языка со «знания центрального на культурнообразное» сделает человека не только образованным, но и культурным, научит не мыслям, а мыслить, не готовым знаниям и их применению, а креативности.

Лингвистический подход к определению основ межкультурной коммуникации оперирует дефинициями, в которых подчеркивается первостепенное значение языка в процессах межкультурного общения.

Практическое применение английского языка в жизни, в условиях межкультурной коммуникации – основная задача, которую перед нами ставит общество. Мы переживаем эволюционные изменения в сфере образования. Исследования ученых и сама жизнь доказывают, что через несколько лет без знания иностранного языка, без свободного владения им невозможно будет иметь доступ к национальным, иноязычным культурам. Следовательно, основной путь усвоения иностранного языка по данной концепции может быть отображен так называемой в формуле: культура через язык и язык через культуру [Samovar, Porter 1996]. На пути к модернизации, в связи с гуманитаризацией и демократизацией образования большое внимание уделяется поиску наиболее эффективных методов и форм работы с учащимися. Старыми методами нового человека воспитать и обучить невозможно. Специфика предмета «Иностранный язык» предполагает на

современном этапе обязательное привлечение культуроведческого компонента, без него обучение иностранному языку в полной мере невозможно. Поэтому одним из ведущих принципов обновленного процесса воспитания в современной сфере образования становится принцип культуросообразности. Это означает, что воспитание и обучение основывается на общечеловеческих ценностях, строится в соответствии с традиционной культурой нации. Как показывает практика, в последнее время в отечественную методику прочно вошел термин «проект». Мы, преподаватели иностранных языков, достаточно часто используем его в учебном процессе, побуждаем учащихся работать самостоятельно с разными источниками, что позволяет им интегрировать эти знания, применять их на практике, генерируя новые идеи. Проектная деятельность учащихся реализуется не только внутри учебного процесса, но и выходит за рамки учебной деятельности. Учебный проект продолжает свою жизнь и реализуется в презентации, в разных контингентах проектов иностранного языка. Необходимость проектной методики наглядна. Она помогает формировать личность, способную к межкультурной коммуникации, при которой учащиеся должны уметь читать и перерабатывать информацию, брать интервью, работать со справочным материалом, пользоваться компьютером, планировать свою деятельность, принимать решения, вести дискуссию, уметь аргументированно отстаивать свою позицию, вести поиск необходимой информации, исследовать, оформлять и документировать результаты. Проектная методика преследует цели развития всех видов речевой деятельности иностранного языка: аудирование, говорение, чтение, письмо.

На сегодняшний день нужно помнить, что исключительно быстрый процесс развития информационно-вычислительной и телекоммуникационной техники неизбежно ведет к информатизации высшего образования, а это в свою очередь непременно будет способствовать

рационализации интеллектуальной деятельности, повышению качества подготовки специалистов с новым типом мышления и культуры, соответствующих требованиям современного информационного общества и в мире.

В связи с интенсивным проникновением компьютерной техники и новых информационных технологий в сферу образования все чаще приходится сталкиваться с сугубо информационным подходом к пониманию самой сущности процесса образования. При этом предполагается, что образовательный процесс — это своего рода канал передачи информации от преподавателя или даже заменяющего его автоматизированного комплекса, выступающего в качестве источников образовательной информации к обучающемуся, который является потребителем этой информации [Абраева, Бакирова 2014]. Отсюда достаточно прочно в современной теории образования и в педагогической практике утверждается словосочетание «информационная педагогическая технология».

Как мы уже знаем, что международная глобальная сеть — это неиссякаемый источник разнообразной информации: справочной, деловой, финансовой, технической, научной, культурной и т.д. На страницах (сайтах) Интернета можно найти компьютерные энциклопедии, справочники и словари, методы обучения; профессионально ориентированные экспертные системы, помогающие специалисту принять решения в условиях неопределенности; электронные версии изданий специальной литературы или

периодики. Часто очень полезным для профессионального роста специалиста является участие в научных конференциях, проектах, обмен опытом с коллегами через Интернет [Майер, Моор 2014].

Говоря о межкультурной коммуникации, хотелось бы остановиться на вопросе использования Интернет-ресурсов в практике обучения. Чтобы выяснить степень доверия к такой технологии дистанционного обучения был проведен опрос, в котором приняли участие 153 человека в возрасте от 18 до 40 лет. По результатам опроса удалось выяснить, что 41% опрошенных пока не используют Интернет-технологии в качестве источника образования, 16% опрошенных просматривают видео-уроки и онлайн-лекции, 21% регулярно пользуется образовательными Интернет-порталами, а оставшиеся 10% скачивают обучающие компьютерные программы. На вопрос о цели использования компьютера и Интернета для обучения наиболее популярным оказался ответ «для личного развития и самообразования» (59%); для получения дополнительного образования использовали Интернет-ресурсы 25% опрошенных, и 16% дали ответ «в качестве помощника в получении высшего образования».

Выбор образовательного ресурса у респондентов в наибольшей степени зависел от следующих критериев: содержательная часть материала (26%), репутация тренера или преподавателя (20%), возможность получить документ об образовании, а также получение образования бесплатно или за небольшую оплату (29%), рис. 1.

Рис. 1. Использование Интернет-ресурсов.

Наше общество начало свой путь освоения новых информационных технологий. Решить все задачи овладения иноязычной речевой деятельностью только с помощью компьютера, даже если иметь в виду интенсивное общение в Интернете с носителями языка, достаточно трудно, ведь речевая деятельность предполагает живое общение, окрашенное эмоциональностью, доверительностью отношений. С другой стороны, использование информационных технологий, услуг Интернета могут оказать неоценимую услугу в интенсификации учебного процесса, развитии таких видов речевой деятельности как аудирование, чтение, письмо, формирование лексических и грамматических навыков учащихся.

В своей работе мы используем следующие материалы сети Интернет:

1. Для формирования и совершенствования студентам грамматических и лексических навыков можно обратиться на один из сайтов электронной почты:

- a) <http://www.study.ru/gramma>
- b) <http://www.Englishplus.com/grammar>
- c) <http://www.edufind.com/English/gramma>

2. Интересную подборку идиоматических выражений, весьма полезных для работы над проектами в ролевых играх можно найти на сайте <http://www.culturglobe.com/idioms>

3. Газета «Washington Post» представляет собой комбинацию рекламных афиш и содержания. Имеет 5 основных рубрик: стиль жизни, новости, спорт, рекламные объявления и новости рынка. Работа с онлайн-газетой представляет уникальные возможности межкультурной коммуникации. Учащиеся получают возможность ознакомиться с текущими событиями, сравнить и обсудить разные точки зрения и установить связь с издательством.

Сайт госдепартамента США предлагает обширный материал практически для любой категории читателей. Изучающие английский язык на разных уровнях могут получить свежую информацию по следующим рубрикам:

- Департамент США
- Пресса и связь с общественностью

- Путешествия и жизнь за рубежом
- Страны и регионы
- Международные дела
- Образование, культура, история

<http://usinfo.state.gov>

4. Контакты с носителями языка. Интернет предоставляет уникальную возможность связаться со сверстниками по обсуждению различных вопросов, которые волнуют в наше время молодежь:

- a) <http://www.talkcity.com>
- b) <http://www.forum.entertainment.ie>
- c) <http://www.news.bbc.co.uk>

5. Интернет позволяет попробовать свои силы не только в дискуссиях, но и предложить свою статью, мнение, репортаж для публикаций и обсуждения на сайте The Young Voices of the World или Global Young Voices. Это открытый форум, представляющий собой некое издательство, где все желающие могут опубликовать свои работы. Все работы сопровождаются электронным адресом автора, что позволяет осуществить обратную связь для дискуссий:

- a) Tesl-12 listserv@cunyym.cuny.edu
- b) <http://www.iecc.org>
- c) <http://www.stolaf.edu/network/iecc>

6. Для обучения письму используются многочисленные предложения по организации переписки. Чтобы найти партнеров по переписке необходимо обратиться с соответствующим запросом на сайт <http://www.iecc.org>; <http://www.stolaf.edu/network/iecc>

При использовании информационных технологий нельзя забывать о тщательной методической проработке материала, применении современных педагогических технологий, отвечающих принципам личностно-ориентированного подхода и проблемной направленности всего процесса обучения.

Пользование международной глобальной сетью позволяет не только получить новейшую информацию, но и приобрести знания. Учитывая, эпидемиологическую ситуацию мира благодаря интернету стала возможной организация учебного процесса дистанционно. Термин «дистанционное обучение» означает такую организацию учебного процесса, при котором главным

компонентом этого процесса становится самостоятельное обучение студента или специалиста с использованием современных информационных технологий. Дистанционное образование отмечает, сложность становления в первое время проблемы были в основном со стороны профессорско-преподавательского состава, так как студенты хорошо разбираются в цифровой технологии. Это побудило открыть курсы повышения квалификации по направлению «Преподаватель дистанционного образования, как кибер педагог». На сегодня студенты самостоятельно проходят обучение, тестирование, получают консультации у преподавателей, сдают экзамены и зачеты в интерактивном режиме онлайн в уникальной электронной среде университета. Благодаря использованию новых информационных технологий создается эффект непосредственного общения между преподавателями и обучаемыми независимо от того, на каком физическом расстоянии они находятся друг от друга. Особенностью дистанционного обучения является возможность обучения в любом университете, колледже или школе входящем в систему дистанционного образования. Дистанционное обучение предполагает тщательное и детальное планирование деятельности обучаемого, ее организации, четкую постановку задач и целей обучения, доставку необходимых учебных материалов, которые должны обеспечивать интерактивность между обучаемым и преподавателем, обратную связь между обучаемым и учебным материалом, предоставлять возможность группового обучения [Епишева 2010]. Наличие эффективной обратной связи позволяет студенту получать информацию о правильности своего продвижения по пути от незнания к знанию [Майер, Моор 2014].

Мотивация – также важнейший элемент любого курса дистанционного обучения.

К достоинствам дистанционного обучения относится работа на своем рабочем месте или дома, комфортная атмосфера, привычное окружение, стимулирующие процесс обучения в любое время и в любом месте, где имеется компьютер,

подключенный к сети Интернет. Вся информация передается средствами телекоммуникаций, предусмотрено консультирование через разные программы. Посредством компьютерного дистанционного обучения можно пройти заочные курсы профессиональной подготовки, изучить основы рыночной экономики и английский язык, информатику, культурно-научные традиции западных стран и многое другое [Полат, Петров 1999]. Становление и последующее развитие дистанционного образования непременно приводит к созданию так называемых электронных библиотек и университетов распределенного типа, которые заложат реальную основу формирования единого образовательного пространства для всего мирового сообщества, в том числе для тех его членов, которые по тем или иным причинам лишены свободного доступа к образованию.

Таким образом, телекоммуникационные сети и, в первую очередь, Интернет создают такую коммуникационную среду общения, которая предоставляет новые возможности интеллектуального и духовного развития каждому человеку, совершенствует социальный уровень его информационной культуры. Они являются действенным средством, позволяющим воплотить в жизнь идею непрерывного образования и осуществить наполненные высоким звучанием девизы, провозглашенные ЮНЕСКО: «Образование для всех», «Образование через всю жизнь», «Образование без границ».

Можно констатировать, что, превратившись в мощный источник информации и телекоммуникации, Интернет является очень действенным средством формирования и развития информационной культуры личности, предоставляя возможность полного удовлетворения образовательных, культурных, социальных, политических и прочих потребностей человека независимо от местонахождения. Интернет помогает преодолеть чувство отчуждения и изолированности в мире, способствует восприятию мира во всей целостности и полноте. Подводя итог вышесказанному, при использовании информационных технологий нельзя

забывать о тщательной методической проработке материала, применении современных педагогических технологий, отвечающих принципам личностно-ориентированного подхода и проблемной направленности всего процесса обучения.

Урок иностранного языка в конкретном случае имеет интегрированную модель с дистанционным обучением устной практике и при этом нельзя забывать о развитии всех видов речевой деятельности на уроке иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Samovar L.A.* Communication between Cultures / L. A. Samovar, R. E. Porter // Communication Between Cultures. N.Y.: Wadsworth Publishing Co, 1995.
- Абраева А.Т., Бакирова А.Б.* Технология работы с территориальными пунктами доступа ЦДО Тюм. ГНГУ // Информационно-коммуникационные технологии в реальном и виртуальном образовательном пространстве. Материалы Международной научно-практической видеоконференции (г. Тюмень, 21 ноября 2014 г.). Тюмень, 2015. С. 8.
- Епишева О.Б.* Технологические проблемы современной дидактики. Тюмень, 2010. 160 с.
- Майер В.В., Моор С.М.* Некоторые вопросы организации электронного образования // Тенденции и перспективы развития электронного образования. Международной научно-практической видеоконференции (г. Тюмень, 22 ноября 2013 г.). Тюмень, 2014. С. 46–51.
- Майер В.В., Моор С.М.* Электронное образование: инновационная обучающая модель Тюменского государственного нефтегазового университета // Информационно-коммуникационные технологии в реальном и виртуальном образовательном пространства. Материалы Международной научно-практической видеоконференции (г. Тюмень, 21 ноября 2014 г.). Тюмень, 2015. – С. 53–55.
- Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1991. 223 с.
- Полат Е.С.* Дистанционное обучение: каким ему быть? // Педагогика, 1999. № 7. С. 29-34.
- Фрик Т.Б.* Основы теории межкультурной коммуникации. Томск, 2013. 624 с.
- Фурманова В.П.* Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1994.

REFERENCES

- Samovar L.A.* Communication between Cultures / L. A. Samovar, R. E. Porter // Communication Between Cultures. N.Y.: Wadsworth Publishing So, 1995.
- Abraeva A.T., Bakirova A.B.* Tekhnologiya raboty s territorial'nymi punktami dostupa CDO Tyum. GNGU // Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii v real'nom i virtual'nom obrazovatel'nom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy videokonferencii (g. Tyumen', 21 noyabrya 2014 g.). Tyumen', 2015. S. 8.
- Episheva O.B.* Tekhnologicheskie problemy sovremennoj didaktiki. Tyumen', 2010. 160 s.
- Majer V.V., Moor S.M.* Nekotorye voprosy organizacii elektronno go obrazovaniya // Tendencii i perspektivy razvitiya elektronno go obrazovaniya. Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy videokonferencii (g. Tyumen', 22 noyabrya 2013 g.). Tyumen', 2014. S. 46–51.
- Majer V.V., Moor S.M.* Elektronnoe obrazovanie: innovacionnaya obuchayushchaya model' Tyumenskogo gosudarstvennogo neftegazovogo universiteta // Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii v real'nom i virtual'nom obrazovatel'nom prostranstva. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy videokonferencii (g. Tyumen', 21 noyabrya 2014 g.). Tyumen', 2015. – S. 53–55.
- Passov E.I.* Kommunikativnyj metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu. M., 1991. 223 s.
- Polat E.S.* Distancionnoe obuchenie: kakim emu byt'? // Pedagogika, 1999. № 7. S. 29-34.
- Frik T.B.* Osnovy teorii mezhkul'turnoj kommunikacii. Tomsk, 2013. 624 s.
- Furmanova V.P.* Mezhkul'turnaya kommunikaciya i kul'turno-yazykovaya pragmatika v teorii i praktike prepodavaniya inostrannyh yazykov: dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дуйшеева Акылай Жаныбековна, Akylai J. Duisheeva, Kyrgyz National
Кыргызский Национальный Университет University named after Jh. Balasagyn, Bishkek,
им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Kyrgyz Republic. E-mail:
республика. E-mail: aikon2487@gmail.com aikon2487@gmail.com

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

CENTRAL ASIA

Научная статья / Research article

Государственный долг и экономическое развитие Киргизии: институциональные аспекты

Е. С. Романчук

Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7218-8290, e-mail: kate.romanchuk@ya.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19, затронувшая различные сферы экономики Киргизии, обнажила проблемы долговой нагрузки республики и устойчивости ее экономики. Наблюдаемые в конце 1990-х годов высокие показатели государственного долга к валовому внутреннему продукту страны, хотя и были снижены в последующие годы, повлияли на экономический рост Киргизии в начале XXI в. Текущая ситуация с размером государственного долга республики и возрастающей с каждым годом платой за его обслуживание представляется более комплексной, чем в первое десятилетие после обретения республикой независимости, в том числе и по причине ожидаемого ужесточения условий на финансовых рынках. Поэтому руководству Киргизии так необходима помощь со стороны международных финансовых организаций, в частности, Азиатского банка развития, готовых выделять грантовые средства на оплату работ по улучшению качества управления государственным долгом республики. Помимо вопросов государственного долга, ограничивающих пространство для маневра в фискальной сфере, Правительство Киргизской Республики вынуждено решать проблемы с низким уровнем жизни населения страны. Несмотря на то, что членство Киргизии в ЕАЭС и связанная с ним финансовая помощь РФ должны были способствовать снижению остроты указанной проблемы за счет таких инструментов, как Российско-Кыргызский Фонд развития, по прошествии нескольких лет функционирования ЕАЭС проявились негативные эффекты для киргизской экономики. Международные эксперты сходятся во мнении, что ключевая проблема Киргизии заключается в низком качестве государственного управления по причине «маркетизации» государственной гражданской службы. Между тем, понимая, что ухудшение финансово-экономического состояния республики приведет к возникновению больших перекосов и дисбалансов в развитии ЕАЭС, именно страны-члены союза должны разработать практические меры по преодолению описанных сложностей, с которыми сталкивается Киргизия.

Ключевые слова: Киргизия, государственный долг, Российско-Кыргызский фонд развития, ЕАЭС.

Для цитирования: Романчук Е. С. Государственный долг и экономическое развитие Киргизии: институциональные аспекты. Постсоветские исследования. 2022;2(5):189-199.

Public Debt and Economic Development of Kyrgyzstan: Institutional Aspects

Ekaterina S. Romanchuk

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7218-8290, e-mail: kate.romanchuk@ya.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic affected various sectors of the Kyrgyz economy has exposed the problems of the republic's debt burden and the sustainability of its economy. The high ratio of public debt to the gross domestic product of the country in the late 1990s caused slow economic growth of Kyrgyzstan economy at the beginning of the XXI century. The current situation with the amount of Kyrgyzstan's public debt and the increasing charges for servicing it every year seems to be more complex than in the first decade after the republic gained independence, including due to the

expected tightening of conditions in the financial markets. Therefore, the leadership of Kyrgyzstan needs help from international financial organizations, in particular, the Asian Development Bank, which are ready to allocate grant funds to pay for work to improve the quality of public debt management of the republic. In addition to the issues of public debt, which limit the space for maneuver in the fiscal sphere, the Government of the Kyrgyz Republic is forced to solve problems with the low standard of living of the population of the country. Despite the fact that Kyrgyzstan's membership in the EAEU and the financial assistance of the Russia associated with it were supposed to help reduce the severity of this problem through such instruments as the Russian-Kyrgyz Development Fund, after several years of functioning of the EAEU, negative effects for the Kyrgyz economy appeared. International experts agree that the key problem of Kyrgyzstan is the low quality of public administration due to the "marketization" of the civil service. Meanwhile, realizing that the deterioration of the financial and economic condition of the republic will lead to the emergence of large distortions and imbalances in the development of the EAEU, it is the member states of the union that should develop practical measures to overcome the described difficulties faced by Kyrgyzstan.

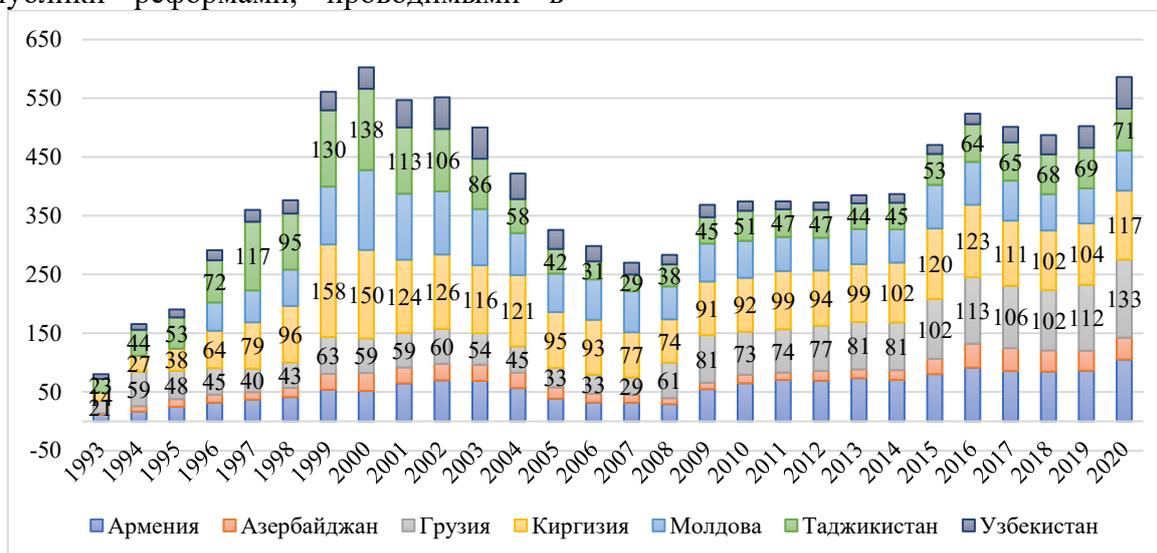
Keywords: Kyrgyzstan, public debt, Russian-Kyrgyz Development Fund, EAEU.

For citation: Ekaterina S. Romanchuk. Public Debt and Economic Development of Kyrgyzstan: Institutional Aspects. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;2(5):189-199. (In Russ.)

В конце первого десятилетия после распада Советского Союза новые независимые государства с небольшим доходом на душу населения – Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия, Таджикистан и Узбекистан – столкнулись с множеством проблем. Одной из них стало резкое увеличение долговой нагрузки. В 1999 году после падения курса национальной валюты Киргизии показатель отношения внешнего долга к валовому национальному доходу страны достиг рекордных значений в 158%. В то время специалисты Международного валютного фонда (далее – МВФ) отнесли к этому явлению как к временному, обосновывая рост долгового бремени республики реформами, проводимыми в

период перехода от плановой экономики к рыночной, а также внешними шоками, возникшими вследствие Азиатского финансового кризиса [Helbling et al., 2004].

В последующие годы, пройдя пиковые значения, ситуация с государственным долгом в указанных странах стабилизировалась. Однако во время пандемии COVID-19 руководства постсоветских государств были вынуждены нивелировать кризисные явления в экономике посредством увеличения фискальных стимулов и роста затрат на социальную поддержку населения, что вновь привело к росту долга перед иностранными кредиторами (см. рис. 1).

Рис. 1. Объем внешнего долга постсоветских государств с наименьшим уровнем дохода на душу населения (% от ВНД)

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DECT.GN.ZS> (дата обращения: 27.01.2022).

В этой связи проблемы влияния внутреннего и внешнего государственного долга страны на ее экономическое развитие и вопросы эффективности управления государственным долгом выходят на первый план и становятся как никогда актуальными.

Управление государственным долгом: опыт Киргизии

Ученые, исследовавшие связь государственного долга с другими экономическими показателями, уверены, что долговая нагрузка на государственный бюджет «негативно и сильно» влияет на экономический рост страны. Последствия такого влияния помогают смягчить хорошие институты, высококачественная внутренняя политика и политика, ориентированная на внешний мир [Calderón, Fuentes, 2013]. Но, как правило, чем беднее страна, тем сильнее негативное влияние государственного долга на ее развитие [Ahlborn, Schweickert, 2016]. Между тем, в среднем по странам: увеличение первоначального соотношения долга к ВВП на 10 п.п. связано с замедлением ежегодного роста реального ВВП на душу населения примерно на 0,2 п.п. в год, главным образом происходящего из-за сокращения инвестиций и сдерживания роста основного капитала [Kumar, Woo, 2010].

Показатели Киргизии иллюстрируют вышеприведенные результаты исследований. Высокая долговая нагрузка – в 1998 году государственный долг превышал 83% от валового внутреннего продукта страны (далее – ВВП) – негативно сказалась на экономическом росте республики в XXI

веке. В 2020 году ВВП Киргизии на душу населения составил 1 173,6 долл. США¹, что в 3,6 раза меньше показателя Армении и в 8,6 раза меньше показателя России.

По последним официальным данным на начало 2021 года государственный долг страны составлял 4,954 млрд долл. США, из которых доля внутреннего долга была равна 14,8% от всех заимствований, остальное приходилось на обязательства перед иностранными кредиторами². Долгосрочный внешний государственный и гарантированный государством долг республики на конец 2020 года составлял 3,837 млрд долл. США. Из них: 40% – это обязательства перед многосторонними институтами (преимущественно Азиатским банком развития и Международной ассоциацией развития) и около 60% – долги иностранным государствам и их институтам. Крупнейший кредитор Киргизии – КНР – в период с 2011 по 2017 год выдал правительству республики через Экспортно-Импортный банк Китая^{3,4} займов на общую сумму 1,766 млрд долл. США, что составляло 46% всего внешнего долгосрочного долга страны. Соглашение по последней крупной сделке Киргизии с этим банком было подписано в 2014 году⁵.

МВФ прогнозирует, что к 2026 году уровень государственного долга Киргизии к ВВП страны снизится с 68% до 61,6%⁶, но при этом отмечает, что, с одной стороны, этого будет сложно достичь без бюджетной консолидации, а с другой стороны, любые финансовые ограничения могут привести к снижению темпов роста киргизской

¹ Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 27.01.2022).

² Государственный долг / Сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/34/>, (дата обращения: 27.01.2022).

³ http://www.minfin.kg/userfiles/ufiles/undefined/otchet_o_gosdolge_zh_yanvar_2021.pdf

⁴ На сайте Всемирного банка имеются данные с 2012 года. В среднем до 2017 года включительно в страну поступало кредитов (за вычетом текущих выплат по внешним обязательствам) на сумму 187 млн. долл. США в год.

⁵ Dirk van der Kley. COVID and the new debt dynamics of Kyrgyzstan and Tajikistan / Eurasianet. Oct 2, 2020. URL: <https://eurasianet.org/covid-and-the-new-debt-dynamics-of-kyrgyzstan-and-tajikistan> (дата обращения: 27.01.2022).

⁶ International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2021.

экономики в среднесрочной перспективе¹. В текущих условиях, при сохранении дефицита бюджета на уровне не более 3% ВВП, республика подвержена умеренному риску долгового кризиса с некоторым пространством для маневра².

У международных экспертов вызывает большие опасения не только размер государственного долга Киргизии, но и возрастающая плата за пользование кредитами. Стоит отметить, что за последние 10 лет сумма, направляемая на обслуживание государственного долга, возросла в 4 раза.

Если в 2010 году более половины суммы всех выплат приходилось на обслуживание тела внутреннего долга, то в 2020 году соотношение выплат по внутреннему и внешнему долгу было практически одинаковым. Сложности с обслуживанием международных обязательств республики удалось свести к минимуму благодаря проводимой правительством Киргизской Республики работы по реструктуризации долгов со странами-участницами Парижского клуба³, а также с Китаем⁴.

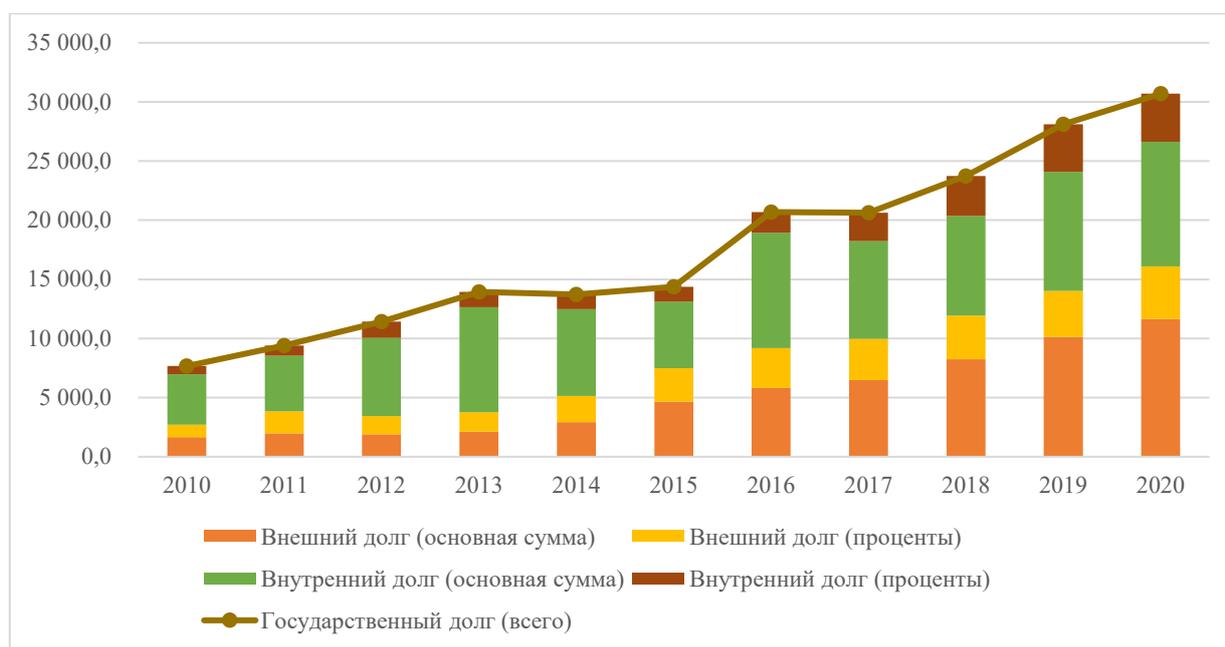

Рис. 2. Средства, направляемые из республиканского бюджета Кыргызской Республики на обслуживание государственного долга (млн сом).

Источник: составлено автором на основании данных Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики. URL: <http://mineconom.gov.kg/ru/post/6931/> (дата обращения: 27.01.2022).

Необходимо упомянуть два принципиально важных фактора, связанных

с управлением государственным долгом, которые могут негативно повлиять на

¹ Kyrgyz Republic: 2021 Article IV Consultation-Press Release; and Staff Report / IMF, August 2, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2021/07/30/Kyrgyz-Republic-2021-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-463121> (дата обращения: 27.01.2022).

² Kyrgyz Republic: Request for Purchase Under the Rapid Financing Instrument and Disbursement Under the Rapid Credit Facility-Press Release; Staff Report; Informational Annex; and Debt Sustainability Analysis / IMF, August 2, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/03/27/Kyrgyz-Republic-Request-for-Purchase-Under-the->

Rapid-Financing-Instrument-and-Disbursement-49296 (дата обращения: 27.01.2022).

³ Кыргызстан ведет переговоры с G20 о пролонгации внешнего долга / Акчабар, 29.05.2020. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/pik-pogasheniya-vneshnego-dolga-kr-budet-v-2023-24-gody/>(дата обращения: 27.01.2022).

⁴ Кудрявцева Т. Минфин просит время на переговоры по реструктуризации госдолга Кыргызстана / ИА «24.kg», 23.06.2020. URL: https://24.kg/ekonomika/157078_minfin_prosit_vremyiz_stana_naperegovoryi_porestrukturizatsii_g/(дата обращения: 27.01.2022).

долговую устойчивость Киргизии и экономический рост страны в дальнейшем. Первый из них – ужесточение условий на финансовых рынках, проявляющееся пока преимущественно на рынках суверенного финансирования, особенно в национальной валюте¹, но в дальнейшем способного затронуть все рынки долгового финансирования. В конечном итоге большинство прогнозов сводится к тому, что в будущем заимствовать станет дороже и, как следствие, проведение реструктуризации текущих обязательств будет сложнее.

Второй фактор – это негативный эффект для национальной экономики Киргизии от проведения реструктуризации государственного долга. Американские экономисты Глен Биглайзер, Рональд Дж. Макгауван, в частности, отмечали, что страны, которым одобрена реструктуризация долга, как правило, используют свою недавно приобретенную экономическую гибкость для снижения налогов и уменьшения социальных расходов, усугубляя тем самым неравенство доходов населения [Biglaiser, McGavran, 2021].

Как отмечает известный американский финансист Рэй Далио, проблемы государственного долга связаны не с самими долгами, а с «неспособностью политиков принимать правильные решения из-за недостатка знаний и/или отсутствия полномочий» [Dalio, 20118; P. 64]. Поэтому ключевым вопросом в части управления государственным долгом является эффективное использование привлеченных денежных средств, а также иных возможностей, предоставленных Киргизии иностранными кредиторами. Для помощи Центрально-Азиатской республике и другим

государствам, сталкивающимся со схожими проблемами – а именно, Пакистану, Таджикистану и Узбекистану – в конце 2021 года Азиатский банк развития (далее – АБР) выделил 3,13 млн долл. США. Одним из результатов работ, проводимых в рамках указанного бюджета, станет развитие внутренних долговых рынков перечисленных стран, предусматривающее расширение доступа правительства к фондированию, увеличение сроков погашения облигаций и расширение базы инвесторов².

Годом ранее АБР выделил 225 тыс. долл. США из средств Специального фонда технического содействия на укрепление институционального потенциала Правительства Киргизской Республики для управления государственным долгом, а также для укрепления потенциала по учету, мониторингу и отчетности по всем финансовым обязательствам³. Указанные средства предоставили возможность правительству Киргизии приступить к реализации Стратегии управления государственным долгом на 2020–2023 годы⁴. До 2023 года банк планирует запустить две программы стимулирования экономической диверсификации в республике и начать программу совершенствования фискального управления⁵.

Проблема бедности киргизского населения и финансовая помощь России

Последний доклад о состоянии киргизской экономики эксперты МВФ начали с замечания о том, что «неравенство [в стране] относительно невелико, но

¹ BIS Quarterly Review. International banking and financial market developments 6 December 2021. PP. 17–19. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2112.pdf (дата обращения: 27.01.2022).

² Supporting Debt Management and Transparency / Официальный сайт АБР. November 2021. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/54442/54442-001-tar-en.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

³ Материалы по проекту «Kyrgyz Republic: Support to Public Debt Management» / Официальный сайт АБР, 2021. URL: <https://www.adb.org/projects/54161-001/main> (дата обращения: 27.01.2022).

⁴ Proposed Policy-Based Loan and Grant for Subprogram 2 Kyrgyz Republic: Promoting Economic Diversification Program) / Официальный сайт АБР. August 2021. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/52225/52225-003-rrp-en.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

⁵ Kyrgyz Republic: Country Operations Business Plan (2021-2023) / Официальный сайт АБР, December 2020. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/664226/cobp-kgz-2021-2023.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

бедность широко распространена»¹. По данным Всемирного банка на конец 2020 года доля населения Киргизии, живущая за национальной чертой бедности, составляла 25,3%. Значительная часть населения находится чуть выше черты бедности, с высоким риском впасть в нищету из-за потрясений и недостатков функционирования системы социальной защиты². К этому стоит добавить социальное неравенство и ограниченный доступ различных слоев общества к муниципальной инфраструктуре. Так, около 40% сельского населения не имеет доступа к безопасной питьевой воде³.

Помимо увеличения уровня насилия в обществе и снижения показателей здоровья населения бедность провоцирует появление у людей социальных, ментальных и физических проблем [Weyer, 2017. P. 86]. Бедность опасна тем, что может спровоцировать процессы, при которых семьи, однажды оказавшиеся в положении нуждающихся, не смогут выбраться из него без вмешательства и помощи извне.

К обострению проблем в киргизской экономике может привести участие страны в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз), если внутри Союза не будет проводиться политика, направленная на сглаживание диспропорций между государствами-участниками Союза. Как показал Виньину Гаммадигбе на примере стран Африканского континента, региональные торговые соглашения хотя и способствуют экономическому росту государств-участников, но приводят к расхождению в доходах, отражая

распределение выгод от региональной интеграции в пользу более развитых экономик континента [Gammadigbe, 2019]. Более того, стоит учитывать, что региональное неравенство может быть устойчивым и самоподдерживающимся, порождая феномен регионов, «оставленных позади» [Cörvers, Mayhew, 2021], и «мест, которые не имеют значения» (анг. «places that don't matter») [Rodríguez-Pose, 2018].

Для того, чтобы интеграция реально состоялась, российские ученые советовали увеличивать финансовые вложения в «деградировавшую киргизскую экономику» [Дегусарова и др., 2017], и Россия стала «спонсором» интеграционного объединения [Зиядуллаев, 2015. С. 8], согласившись профинансировать реализацию мероприятий, связанных с присоединением республики к ЕАЭС, на сумму 200 млн долл., а также инвестировать 500 млн долл. в Российско-Кыргызский Фонд развития (далее – РКФР) и предоставить фонду кредит на ту же сумму на льготных условиях⁴.

В процессе реализации указанных выше договоренностей выяснилось, что вложения носят несистематический характер [Морозкина, 2019] и предоставление финансовой помощи не способно решить внутренние проблемы страны и стимулировать экономическое развитие, что стало очевидным на примере РКФР. Уроки, которые Россия может извлечь из данного опыта, сводятся к следующему.

Во-первых, выбранная модальность инструмента содействия развитию – РКФР – для того, чтобы быть эффективной, должна учитывать масштабы финансовой системы

¹ Kyrgyz Republic: 2021 Article IV Consultation-Press Release; and Staff Report / IMF, August 2, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2021/07/30/Kyrgyz-Republic-2021-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-463121> (дата обращения: 27.01.2022).

² Emergency Support for Micro, Small, and Medium Enterprises Project (Kyrgyz Republic) / Официальный сайт ВБ. July 17, 2020. P. 7. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/191461596420159566/pdf/Kyrgyz-Republic-Emergency-Support-for-Micro-Small-and-Medium-Enterprises-Project.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

³ Country Partnership Strategy. Kyrgyz Republic, 2018–2022 —Supporting Sustainable Growth, Inclusion, and Regional Cooperation / Официальный сайт АБР. September 2018. PP. 2-5. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/455921/cps-kgz-2018-2022.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

⁴ Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Российской Федерации о развитии экономического сотрудничества в условиях евразийской экономической интеграции / Официальный сайт РКФР. URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/normativnye_dokumenty (дата обращения: 27.01.2022).

государства-реципиента. Так, в 2014 году российская сторона внесла обещанные 500 млн долл. США в уставный капитал фонда. За 6 лет с учетом полученной прибыли капитал РКФР составил 534,9 млн долл., что практически эквивалентно капиталу всей банковской системы Киргизии. В то же

время активы РКФР в соотношении с активами киргизской банковской системы не превышают 17%¹. Иными словами, в случае функционирования РКФР не происходит ожидаемое мультиплицирование капитала.

Рис. 3. Структура баланса РКФР (млн долл. США)

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности РКФР за 2020 год.
 URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/otchety/finansovaya_otchetnost (дата обращения: 27.01.2022).

Во-вторых, в случае неразвитости внутреннего финансового рынка свободные денежные средства, как правило, размещаются в наименее рискованных и наиболее доходных финансовых инструментах, что и происходит в РКФР. Согласно данным финансовой отчетности фонда за 2020 год, доля инвестиционных ценных бумаг в активах РКФР превышает 57%. При этом совокупные активы фонда вложены в инвестиционные ценные бумаги российских эмитентов (ПАО «Сбербанк», АО «Газпромбанк» и ВЭБ РФ) и облигации, выпущенные правительством Кыргызской Республики.

Средства фонда, находящиеся на счетах кредитных организаций, составили 88 млн долл. США (15% активов), а кредиты клиентам – 104 млн долл. США (18%)². Стоит отметить, что, согласно Инвестиционной политике фонда, минимальная сумма кредита, выдаваемая им одному заемщику, может составлять от 1 до 25 млн долл. США при учете того, что максимальный срок окупаемости проекта – 7 лет³. По-видимому, либо указанные лимиты в условиях небольшого и неразвитого финансового рынка Киргизии не позволяют РКФР в полном объеме использовать имеющиеся у него средства для кредитования хозяйствующих субъектов,

¹ Место Российско-Кыргызского Фонда развития на финансовом рынке и основные финансовые результаты в 2020 году / Официальный сайт РКФР. URL: https://rkdf.org/ru/analitika/informacionno_analiticheskie_materialy_fonda/mesto_rossiysko_kyrgyzskogo_fonda_razvitiya_na_finansovom_rynke_i_osnovnye_finansovy_e_rezultaty_v_2020_godu (дата обращения: 27.01.2022).

² Рассчитано автором на основе данных Финансовой отчетности РКФР за 2020 год. URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/otchety/finansovaya_otchetnost (дата обращения: 27.01.2022).

³ Инвестиционная политика Российско-Кыргызского Фонда развития / Официальный сайт РКФР. URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/normativnye_dokumenty (дата обращения: 27.01.2022).

либо экономика Киргизии не может абсорбировать такой объем капитала, приходящий извне.

И, наконец, использование институциональной формы международной организации со свойственными ей привилегиями и неподотчетностью национальным органам банковского надзора и контроля требует тщательной проработки на предмет ее целесообразности и приемлемости в данном конкретном случае. Мнения относительно деятельности РКФР в международном профессиональном сообществе неоднозначны. Будучи освобожденным от всех видов налогов, собираемых на территории Киргизской Республики¹, и имея субсидированные источники фондирования, РКФР вносит диспропорции в киргизский финансовый рынок². Специалисты МВФ обращают внимание на то, что квазифискальные операции Национального банка Кыргызской Республики (далее – НБ РК) с РКФР являются контрпродуктивными для развития банковского сектора³. Дело в том, что по Генеральному соглашению о предоставлении кредитов международным организациям, создаваемым Кыргызской Республикой совместно с другими государствами в рамках ЕАЭС, НБРК выдает РКФР кредиты под 4% годовых сроком на 6 месяцев с возможностью продления срока. Эти средства фонд использует для кредитования малого и среднего бизнеса под процентную ставку, не превышающую 10% годовых. Взамен РКФР размещает средства на депозите в НБРК. По состоянию на конец 2020 года фондом получены кредиты в сумме эквивалентной 33,281 млн долл. США, а размещена на депозите в банке сумма в

размере 43,355 млн долл. США⁴. Анализируя структуру баланса РКФР, приходится констатировать, что с учетом большого объема свободного капитала целесообразность данных операций в целом вызывает сомнения.

Институциональные аспекты

Продуктивность реализуемых донорами программ помощи, как известно, во многом предопределяется работой государственного аппарата реципиента.

Эксперты МВФ считают, что правительство Кыргызской Республики не всегда полностью выполняет данные ему рекомендации и предпринимает недостаточно усилий для улучшения показателей экономики страны. Обращает на себя внимание то, что среди стандартных мер консолидации государственного бюджета, как, например, сокращение субсидий на электроэнергию, увеличение налоговых поступлений, оптимизация расходов на товары и услуги, в отчетах МВФ первым пунктом в перечне рекомендаций значится сокращение расходов на заработную плату в государственном секторе, которая составляет около 30% государственных расходов или почти 13% от ВВП и является одной из самых высоких в регионе и среди стран СНГ⁵.

Объяснение данному выше феномену можно найти в диссертации Й. Энгвалл, в которой автор, в качестве аналитической основы для интерпретации политики и бюрократии в Киргизии, предложил концепцию «Государства как инвестиционного рынка» (англ. State as Investment Market). Базовой категорией этой концепции стала «маркетингизация» государства, когда «политические и

¹ Статья 18 устава Российско-Кыргызского Фонда развития / Официальный сайт РКФР. URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/normativnye_dokumenty (дата обращения: 27.01.2022).

² 2021 Investment Climate Statements: Kyrgyzstan / An official website of the United States Government. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/kyrgyz-republic> (дата обращения: 27.01.2022).

³ Kyrgyz Republic: 2019 Article IV Consultation-Press Release; and Staff Report / IMF. July 3, 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/07/>

02/Kyrgyz-Republic-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-47085 (дата обращения: 27.01.2022).

⁴ Финансовая отчетность РКФР за 2020 год. URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/otchety/finansovaya_otchetnost (дата обращения: 27.01.2022).

⁵ Kyrgyz Republic: 2021 Article IV Consultation-Press Release; and Staff Report / IMF, August 2, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2021/07/30/Kyrgyz-Republic-2021-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-463121> (дата обращения: 27.01.2022).

административные должности, ресурсы и услуги [...] превращаются в рыночные товары» [Engvall, 2011. P. 24]. В Киргизии в основной объект инвестиций были превращены государственные должности. Как результат, в республике наблюдается повсеместная коррупция, особенно в таможенных органах. Описываемые в средствах массовой информации схемы осуществления контрабанды из Китая в РФ, Узбекистан и Казахстан и незаконного вывоза капитала¹ высвечивают лишь отдельные фрагменты из того, что реально происходит в бюрократическом аппарате республики. Об этом частично свидетельствует участие в контрабандной деятельности высших должностных лиц, в чьи компетенции входит борьба с такими нарушениями [Kuratadze, 2010. P. 82].

Одновременно под эгидой широкой антикоррупционной кампании нередко происходят задержания и агрессивная тактика в отношении частного бизнеса, что вызывает серьезную озабоченность у иностранных инвесторов по поводу безопасности их инвестиций. Как результат, несмотря на относительно открытый режим прямых иностранных инвестиций, общий объем инвестиций, не связанных с добычей полезных ископаемых, остается небольшим, а ключевыми инвесторами выступают Китай (на долю которого приходится 35,8% накопленных прямых иностранных инвестиций в 2012–2019 годах), Россия (17%) и Канада (14,3%)².

Во внешней торговле с другими государствами Киргизия не в полном объеме использует предоставляемые ей

возможности. Так, в 2019 году коэффициент использования Киргизией системы преференциального доступа на рынки стран Европейского союза GSP+ не достиг и 60%, тогда как коэффициенты использования у Армении и Филиппин составили 97,9% и 72,6% соответственно³.

Эксперты Всемирной торговой организации солидарны с коллегами из других международных институтов в части определения в качестве основного препятствия для развития экономики плохое управление. Они также подчеркивают, что даже в сравнении с другими государствами с низким уровнем дохода на душу населения Киргизия отстает от средних показателей по верховенству закона, борьбе с коррупцией и политической стабильности⁴.

В Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года отмечается, что государства понимают важность дальнейшего развития интеграции и расширения сотрудничества в различных областях для «сближения уровня экономического развития» стран Союза⁵. Без решения проблем, связанных с качеством государственного управления в Киргизии, углубление интеграции в рамках ЕАЭС будет создавать все большие перекосы и дисбалансы в развитии Союза. Как было показано, экономические проблемы республики – уровень долговой нагрузки и бедность – во многом являются лишь следствием укоренившейся практики «маркетизации» государства.

При этом помощь в виде прямых финансовых вложений, даже в существенных объемах, не приносит

¹ Former deputy head of Kyrgyz customs service Matraimov detained over corruption / Interfax. 20 Oct 2020. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/70168/> (дата обращения: 27.01.2022).

² Kyrgyz Republic. Trade Policy Review. (Report By The Secretariat) / World Trade Organization, 15 July 2021. PP. 23-24. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?file_name=q:WT/TPR/S411R1.pdf&Open=True (дата обращения: 27.01.2022).

³ European Commission, GPS Statistics. December 1, 2020. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/february/tradoc_158640.pdf (дата обращения: 27.01.2022).

⁴ Kyrgyz Republic. Trade Policy Review. (Report By The Secretariat) / World Trade Organization, 15 July 2021. P. 28. URL:

https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?file_name=q:WT/TPR/S411R1.pdf&Open=True (дата обращения: 27.01.2022).

⁵ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года №12.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (дата обращения: 27.01.2022).

положительного эффекта для развития национальной экономики Киргизии. Нужны новые методы и инструменты. Их готовы предложить международные финансовые организации. В частности, по этому направлению проводят работу Международный валютный фонд и Азиатский банк развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Helbling T., Mody A., Sahay R.* Debt Accumulation in the CIS-7 Countries: Bad Luck, Bad Policies, or Bad Advice? // IMF Working Paper WP/04/93. 2004.
- Dalio R.* A Template For Understanding Big Debt Crises. Westport: Glendinning Pl, 2018.
- Calderón C., Fuentes J. R.* Government Debt and Economic Growth. // IDB Working Paper Series No. IDB-WP-424. 2013.
- Ahlborn M., Schweickert R.* Public debt and economic growth: Economic systems matter, // Center for European, Governance and Economic Development Research (cege), Göttingen, 2016.
- Kumar M. S., Woo J.* Public Debt and Growth // IMF Working Paper wp/10/174. 2010.
- Biglaiser G., McGauvran R.J.* The effects of debt restructurings on income inequality in the developing world // European Journal of International Relations, 2021. Vol.: 27 (3). PP.: 808-829.
- Beyer A. C.* International Political Psychology. Palgrave Macmillan, London. 2017.
- Kupatadze A.* 'Transitions After Transitions': Coloured Revolutions And Organized Crime In Georgia, Ukraine And Kyrgyzstan. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews (UK), 2010.
- Engvall J.* The State as Investment Market: An Analytical Framework for Interpreting Politics and Bureaucracy in Kyrgyzstan. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the Uppsala Universitet (Sweden). 2011.
- Rodríguez-Pose A.* The Revenge of the Places that Don't Matter (and What to Do About It) // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. Vol. 11(1). PP. 189–209.
- Cörvers F., Mayhew K.* Regional inequalities: causes and cures // Oxford Review Economic Policy. 2021. Vol. 37(1). PP. 1–16.
- Gammadigbe V.* Is Regional Trade Integration a Growth and Convergence Engine in Africa? // IMF Working Paper WP/21/19. 2019.
- Дегусарова В.С., Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.* Кыргызская Республика и ЕАЭС // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 8(61). С. 78–84.
- Морозкина А.К.* Страны ЕАЭС в системе содействия международному развитию // НИФИ. Финансовый журнал. 2019. №1(47). С. 88–100.
- Зиядуллаев Н.С.* Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы в период турбулентности // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. №5. С. 3–18.

REFERENCES

- Helbling T., Mody A., Sahay R.* Debt Accumulation in the CIS-7 Countries: Bad Luck, Bad Policies, or Bad Advice? // IMF Working Paper WP/04/93. 2004.
- Dalio R.* A Template For Understanding Big Debt Crises. Westport: Glendinning Pl, 2018.
- Calderón C., Fuentes J. R.* Government Debt and Economic Growth. // IDB Working Paper Series No. IDB-WP-424. 2013.
- Ahlborn M., Schweickert R.* Public debt and economic growth: Economic systems matter, // Center for European, Governance and Economic Development Research (cege), Göttingen, 2016.
- Kumar M. S., Woo J.* Public Debt and Growth // IMF Working Paper wp/10/174. 2010.
- Biglaiser G., McGauvran R.J.* The effects of debt restructurings on income inequality in the developing world // European Journal of International Relations, 2021. Vol.: 27 (3). PP.: 808-829.
- Beyer A. C.* International Political Psychology. Palgrave Macmillan, London. 2017.
- Kupatadze A.* 'Transitions After Transitions': Coloured Revolutions And Organized Crime In Georgia, Ukraine And Kyrgyzstan. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews (UK), 2010.

- Engvall J. The State as Investment Market: An Analytical Framework for Interpreting Politics and Bureaucracy in Kyrgyzstan. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the Uppsala Universitet (Sweden). 2011.
- Rodríguez-Pose A. The Revenge of the Places that Don't Matter (and What to Do About It) // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. Vol. 11(1). PP. 189–209.
- Cörvers F., Mayhew K. Regional inequalities: causes and cures // Oxford Review Economic Policy. 2021. Vol. 37(1). PP. 1–16.
- Gammadigbe V. Is Regional Trade Integration a Growth and Convergence Engine in Africa? // IMF Working Paper WP/21/19. 2019.
- Degusarova V.S, Martynov V.L., Sazonova I.E. Kyrgyzskaya Respublika i EAES // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. № 8(61). S. 78–84.
- Morozkina A.K. Strany EAES v sisteme sodejstviya mezhdunarodnomu razvitiyu // NIFI. Finansovyj zhurnal. 2019. №1(47). S. 88–100.
- Ziyadullaev N.C. Formirovanie Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: riski i shansy v period turbulentnosti // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2015. №5. S. 3–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Романчук Екатерина Сергеевна, Ekaterina S. Romanchuk, Junior младший научный сотрудник Центра Researcher at the Center for Post-Soviet Studies постсоветских исследований Института of the Institute of Economics of the Russian экономики Российской академии наук; Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail Москва, Россия. E-mail: address: kate.romanchuk@ya.ru. kate.romanchuk@ya.ru.

Российские военные базы на территории Киргизской Республики

К. М. Одибоев

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
odiboev.komron@yandex.ru*

Д. В. Калмык

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
darya.kalmyk@bk.ru*

Аннотация. История России тесно связана доверительными союзническими отношениями с Киргизией, в том числе и в военной сфере. Основы этого сотрудничества заложены в создании международного Договора о коллективной безопасности, предшественника ОДКБ, который гарантировал условия для совместного развития военно-политического союзничества. На протяжении всех последующих лет сотрудничество двух государств набирало обороты. Введение миротворческих сил Содружества на территорию Таджикистана, учреждение аппарата военного атташе при посольстве Российской Федерации в Киргизской Республике, формирование механизма общей оборонной политики – благотворно отразилось на сотрудничестве стран региона. Российско-киргизские отношения имеют долгосрочный стратегический характер и подкреплены договорно-правовой базой. Военно-техническое сотрудничество основывается на взаимовыгодных условиях, таких, как участие российских и киргизских военнослужащих в совместных, международных военных и антитеррористических учениях, а также на поставке военной техники и укреплении границ, с одной стороны, и разрешение на размещение военных баз, с другой. В статье рассматриваются объемы и особенности размещения российских военных баз на территории Киргизии. Также в работе затрагиваются особенности российско-киргизских отношений и взаимовыгодных условий, касающихся наличия упомянутых объектов в Киргизской Республике. В соответствии с этим в статье указывается объем российской военной поддержки, арендные выплаты за эксплуатацию, а со стороны Киргизии привилегии в использовании баз и размещения военных сил. Данное взаимодействие не только является плодотворным для обеих сторон, но и помогает противостоять новым террористическим угрозам, решать задачи предупредительного характера, также обеспечивает национальную безопасность государств. Сотрудничество только продолжает наращивать свою активность и эффективность в рамках Содружества Независимых Государств и Организации договора о коллективной безопасности. Работа обосновывает и раскрывает мотивы, стратегию и условия двусторонних отношений, обращаясь к договорно-правовой базе, историческим событиям и анализу. Целью исследования является выявления особенностей нахождения российских военных баз на территории Киргизской Республики. Данная работа направлена на изучение основ российско-киргизского военного сотрудничества и оценки взаимного вклада стран в безопасность региона. Статья базируется на принципах историзма и достоверности.

Ключевые слова: военная база, ОДКБ, военные силы, Россия, Киргизия, сотрудничество, стратегия.

Для цитирования: Одибоев К. М., Калмык Д. В. Российские военные базы на территории Киргизской Республики. Постсоветские исследования. 2022;2(5):200-205.

Russian military bases in Kyrgyz Republic

Komron M. Odiboev

RUDN University, Moscow, Russian Federation
odiboev.komron@yandex.ru

Darya V. Kalmyk

RUDN University, Moscow, Russian Federation
darya.kalmyk@bk.ru

Abstract: Russia's history is closely linked by trusting allied relations with Kyrgyzstan, including in the military sphere. The foundations of this cooperation were laid in the creation of the international Collective Security Treaty, the predecessor of the CSTO. It guaranteed conditions for the joint development of military-political alliance. Throughout the development of the two states, their cooperation has been gaining momentum. That is, the Commonwealth's peacekeeping forces on Tajikistan's territory, the establishment of a military attaché's office at the Russian Embassy in the Kyrgyz Republic, and the formation of a common defense policy mechanism have had a beneficial and mutually beneficial effect on the countries' cooperation. Russian-Kyrgyz relations have a long-term strategic nature and are supported by a legal and contractual framework. Military-technical cooperation is based on mutually beneficial conditions, such as the participation of Russian and Kyrgyz military personnel in joint, international military and anti-terrorist exercises, as well as the supply of military equipment and border strengthening on the one hand and permission to station military bases on the other. The paper examines the scope and specifics of the deployment of Russian military bases on the territory of Kyrgyzstan. The paper also touches on the specifics of Russian-Kyrgyz relations and the mutually beneficial conditions regarding the presence of the aforementioned facilities in the Kyrgyz Republic. In line with this, the paper points out the amount of Russian military support, lease payments for the operation, and, on the Kyrgyz side, privileges in the use of the bases and the deployment of military forces. Not only has this cooperation been fruitful for both sides, but it also seeks to counter new terrorist threats, solve preventive tasks, and ensure the national security of the states. And cooperation only continues to grow in strength and effectiveness within the Commonwealth of Independent States and the Collective Security Treaty Organization. The paper substantiates and reveals the motives, strategy and conditions of bilateral relations by referring to the treaty legal base, historical events and analysis. The purpose of the study is to identify the features of the location of Russian military bases on the territory of the Kyrgyz Republic. This work is aimed at studying the basics of Russian-Kyrgyz military cooperation and assessing the mutual contribution of countries to the security of the region. The article is based on the principles of historicism and authenticity.

Keywords: military base, CSTO, military forces, Russia, Kyrgyzstan, cooperation, strategy.

For citation: Komron M. Odiboev, Darya V. Kalmyk. Russian military bases in Kyrgyz Republic. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;2(5):200-205. (In Russ.)

История формирования военного сотрудничества

На сегодняшний день для Российской Федерации особое значение в ее внешнеполитической стратегии имеет пространство Содружества Независимых Государств. Это отмечено во многих концептуальных документах России. С момента распада Советского Союза встал вопрос формирования двухсторонних отношений между Москвой и новыми

независимыми государствами постсоветского пространства [Дегтерев, Курылев, 2017].

В силу объективного экономического, инфраструктурного единства, гуманитарной общности и схожести политических культур, равно как и внешнеполитических устремлений крупнейшего актора этого ареала – России – на постсоветском пространстве, в его отдельных субрегионах и функциональных сферах сформировались

элементы интеграционного взаимодействия и военно-политического союза [Торкунов, 2019].

С этого момента начинается создание экономических, политических, культурных и иных двухсторонних отношений. Также встали вопросы безопасности, развития коллективной обороны и экономики. Для защиты российских границ требовалась стабильность в приграничных странах. Кризисы в Таджикистане, Узбекистане и революции в Киргизии требовали внимания российского руководства. А особенность оазисной политики международных отношений в Центральной Азии требовали от Москвы особого подхода к продвижению своей политики [Богатуров, 2020].

Российско-киргизские отношения характеризуются чертами стратегического сотрудничества и являются союзническими [Богатуров, 2018]. Как известно, они также отличаются высокоуровневой связью в рамках ОДКБ, СНГ, ШОС, ЕАЭС и других объединений. Россия и Киргизия являются странами-учредителями ОДКБ [Торкунов, 2017]. Начало военного и военно-технического сотрудничества между странами было положено Договором о сотрудничестве в военной области от 5 июля 1993 года¹.

Известно также, что российские военные базы на территории Киргизии всегда пользовались преимуществом и исключительными правами в эксплуатации, российско-киргизское сотрудничество неизменно наращивало свои возможности в стремлении достичь самого высокого уровня.

В сентябре 2003 года Россия и Киргизия заключили договор, который предполагал размещение в городе Кант Чуйской области, в двадцати километрах от Бишкека, авиационного подразделения Коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ. Данная договоренность предполагала 15 лет сотрудничества с возможностью дальнейшего продления на 5 лет. На данный момент это 999-я авиабаза «Кант», которая входит в состав 2-го командования 5-й армии

военно-воздушных сил и противовоздушной обороны Приволжско-Уральского военного округа России [Старчак, 2014]. Известно, что данная военная база была создана в противовес присутствию США в регионе, которое сама РФ и допустила ради получения антитеррористической поддержки на фоне операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане.

На момент открытия базы она насчитывала 250 российских офицеров и прапорщиков, а также 150 солдат. Из военной техники авиабаза насчитывала пять штурмовиков СУ-25, четыре учебно-тренировочных самолёта Л-39 и два вертолёт Ми-8МТ. А в 2007 году авиабаза «Кант» пополнилась двенадцатью российскими истребителями СУ-27, штурмовиками СУ-25 и военно-транспортной авиацией, а именно АН-26, что повысило оперативность реагирования в кризисных ситуациях.

Примечательно, что Россия ничего не платила за использование военной базы, так как она была создана в рамках ОДКБ, однако, в свою очередь, обязывалась передать Бишкеку вооружения на сумму 3 миллиона долларов и спонсировать реконструкцию аэродрома базы на 79 млн рублей.

Россия также располагала еще четырьмя военными объектами на территории Киргизии, а именно: 954-ой испытательной базой противолодочного вооружения «Кой-Сары» военно-морского флота России, расположенной в городе Каракол, которая 5 июля 1993 года была признана российской собственностью; 338-м узлом связи ВМФ России, находящимся в городе Кара-Балта (обеспечивает связь Главного штаба ВМФ России с подводными лодками и надводными кораблями в Тихом и Индийском океанах, также предполагает радиотехническую разведку); 1-й автоматической сейсмической станцией и 17-й радиосейсмической лабораторией, базирующихся в горных районах Западного Тянь-Шаня в Ичке-Суу и Майлуу-Суу. Они предназначаются для контроля за испытаниями ядерного оружия и

¹ Договор между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о сотрудничестве в военной

области [Электронный ресурс] от 16.02.2022 – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900723>

землетрясениями. За их эксплуатацию Россия также не платит, но сообщает о возможных землетрясениях.

За использование этих баз Россия по договорённостям середины 1990-х годов обязуется выплачивать ежегодно 4,5 млн долларов.

Важно также помнить, что аппарат военного атташе при посольстве Российской Федерации, учреждённый в октябре 1994 года, контролирует деятельность российских организаций военно-политического сотрудничества на территории Киргизии. Примером может послужить как раз работа при поддержке киргизских партнеров российской базы в Канте [Горбунов, 2011].

В 2012 году между Российской Федерацией и Киргизской Республикой было подписано Соглашение о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики¹. Военные базы России, которые ранее находились на территории Киргизии, были преобразованы в Объединенную российскую военную базу, куда вошли четыре военных объекта. В 2017 году, после ратификации сторонами, Соглашение вступило в силу со сроком до 2032 года с продлением на следующие 5 лет. Сегодня на территории Киргизии действует четыре военных объекта.

Военные базы

999-я авиационная база «Кант», расположенная в Чуйской области Киргизии, была образована в рамках двухстороннего Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы в 2003 году сроком на 15 лет. База располагает 13 штурмовиками Су-25СМ, двумя вертолетами Ми-8МТВ и отрядом беспилотников².

954-я испытательная база противолодочного вооружения ВМФ России «Каракол». Данная военная база стала самой высокогорной военной базой российского

флота, была образована в 1943 году для проведения испытаний водолазного снаряжения, подводных аппаратов и торпед. В распоряжении базы находятся корабли и катера, в том числе опытный корабль «Андрей Лежнин» и опытный катер «ОК-443». Данный военный объект сегодня действует на основании трех соглашений: Соглашения между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о порядке использования российских военных объектов на территории Кыргызской Республики и статусе военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в Кыргызской Республике 1993 года; Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики об условиях аренды мест дислокации объектов Военно-Морского Флота Российской Федерации на территории Кыргызской Республики 1997 года и Соглашения между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Кыргызской Республики 2012 года.

338-й узел связи ВМФ России «Марево». Данный узел был образован в 1974 году в г. Кара-Балта, служит для обеспечения связи управления подводными лодками и кораблями. Объект оснащен станцией «Прометей» мощностью 1000 кВт; действует на основании тех же соглашений, что и 954-я испытательная база противолодочного вооружения ВМФ России «Каракол».

Автономный сейсмический пункт образован в г. Майлуу-Суу. Объект существует на основании протокола к Соглашению между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о порядке использования российских военных объектов на территории Кыргызской Республики и статусе военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в Кыргызской Республике 1994 года, Протокола 2002 года о внесении изменений в

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Кыргызской Республики [Электронный ресурс] от 16.02.2022 – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902383846>

² Оружие России. До 2016 года российская авиабаза Кант в Киргизии полностью перевооружится на Су-25СМ [Электронный ресурс] от 16.02.2022 – Режим доступа: <https://www.arms-expo.ru/news/cooperation/do-2016-goda-rossiyskaya-aviabaza-kant-v-kirgizii-polnostyu-perevoorzhitsya-na-su-25sm-/>

Протокол 1994 года и Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики 2012 года. Объект предназначен для получения информации о координатах, времени и силе землетрясений в регионе.

Вывод

Подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что наличие и поддержка российских военных баз на территории Киргизии является важным компонентом государственного сотрудничества двух стран и свидетельствует о тенденции к его расширению. Помимо этого, взаимный интерес к военному сотрудничеству, выражающийся в обеспечении государственной безопасности, упрочении

своих позиций в регионе и противостоянии терроризму, внесении равносильного вклада обоим государствам в эти отношения, благотворно повлиял на формирование и наращивание военного сотрудничества двух стран. Россия и Киргизия вырабатывают эффективные меры безопасности, обеспечивают необходимую подготовку военных кадров и разумно выстраивают стратегию эксплуатации техники и вооружения. Таким образом, это позволило обеим сторонам внести вклад в оборонную сферу, а также наметить цели и задачи военного союзничества, что благотворно сказывается на партнерстве в обеспечении безопасности и двухсторонней выгоде, основывающейся на международных договорах и взаимных интересах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А.Д.* Международные отношения в Центральной Азии. – М.: издательство «Аспект Пресс», 2018. – С. 560.
- Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. – М.: издательство «Аспект Пресс», 2020. – С. 486.
- Горбунов В.В.* Развитие военного сотрудничества Российской Федерации с Киргизской Республикой в 1992–2016 гг. // Вестник Военного университета. – 2011. – с. 94–98.
- Дегтерев Д.А., Курылев К.П.* Внешняя политика стран СНГ//Аспект Пресс. – 2017. – С. 496.
- Ибрагимов А.Г.* Внешнеполитические приоритеты РФ в начале XXI века. Постсоветские исследования.2020;3(1):19–25.
- Рахимов М.А.* Историческая взаимосвязанность и современные тенденции региональных отношений в Центральной Азии. Постсоветские исследования.2021;4(4):333–342.
- Старчак М.В.* Соперничество России и США в сфере военного сотрудничества с Кыргызстаном и прогноз на будущее // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2014. – с. 40–52.
- Торкунов А.В.* Внешняя политика России 1991–2016. – М.: издательство «МГИМО-Университет», 2017. – С. 538.
- Торкунов А.В., Мальгин А.В.* Современные международные отношения. – М.: издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 688.

REFERENCES

- Bogaturov A.D.* Mezhdunarodnye otnosheniya v Central'noj Azii. – М.: izdatel'stvo «Aspekt Press», 2018. – S. 560.
- Bogaturov A.D.* Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii. – М.: izdatel'stvo «Aspekt Press», 2020. – S. 486.
- Gorbunov V.V.* Razvitie voennogo sotrudnichestva Rossijskoj Federacii s Kirgizskoj Respublikoj v 1992–2016 gg. // Vestnik Voennogo universiteta. – 2011. – s. 94–98.
- Degterev D.A., Kurylev K.P.* Vneshnyaya politika stran SNG//Aspekt Press. – 2017. – S. 496.
- Ibragimov A.G.* Vneshnepoliticheskie prioritety RF v nachale XXI veka. Postsovetskie issledovaniya.2020;3(1):19–25.
- Rahimov M.A.* Istoricheskaya vzaimosvyazannost' i sovremennye tendencii regional'nyh otnoshenij v Central'noj Azii. Postsovetskie issledovaniya.2021;4(4):333–342.

Starchak M.V. Sopernichestvo Rossii i SSHA v sfere voennogo sotrudnichestva s Kyrgystanom i prognoz na budushchee // *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnyh issledovanij Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnyh otnoshenij (universiteta) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii.* – 2014. – s. 40–52.

Torkunov A.V. Vneshnyaya politika Rossii 1991–2016. – M.: izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2017. – S. 538.

Torkunov A.V., Malgin A.V. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. – M.: izdatel'stvo «Aspekt Press», 2019. – S. 688.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Одибоев Комрон Мамаджонович, Komron M. Odiboev, Master of магистр в области «Международных International Relations. Moscow, Russia. E-mail: odiboev.komron@yandex.ru odiboev.komron@yandex.ru

Калмык Дарья Владимировна, Darya V. Kalmyk, Master of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: darya.kalmyk@bk.ru darya.kalmyk@bk.ru

Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию

Ю. В. Югай

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

1032162733@rudn.ru

Аннотация. Актуальность выбранной проблематики характеризуется политико-гуманитарной обстановкой, сложившейся на постсоветском пространстве в течение последних трех десятилетий. Трудовая миграция стала реальной формой экономической и политической интеграции стран на постсоветском пространстве, способствуя образованию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включившего Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению, Киргизию. Для стран, в настоящий момент не участвующих в ЕАЭС – Узбекистана и Таджикистана – в целом, миграционные процессы носят схожий характер. Значительная часть мигрантов, будучи трудовыми, возвратными и учебными мигрантами, беженцами, существенно пополняют демографический и трудовой потенциал России. В значительной степени массовом сознании населения государств Центральной Азии сформировались стереотипы поведения, ориентированные на стратегию жизненного успеха исключительно через трудовую миграцию в Россию. Многие молодые и среднего возраста люди в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, частично – Казахстане, и других странах ЕАЭС и СНГ считают за благо поехать на работу за границу, предпочитая это дальнейшему обучению. Дополнительными стимулирующими миграцию факторами являются примеры успешности их родственников, соседей и знакомых, которые работали за границей и смогли купить дом, машину, необходимые вещи и прочее. Расширилась и социальная база трудовой миграции: в миграционные потоки включились новые социально-демографические группы населения (жители сельских районов, небольших населенных пунктов, женщины, молодежь). Таким образом, к началу третьего десятилетия XXI в. в регионе сформировалась Евразийская миграционная подсистема, которая основана на социально-экономических связях между странами бывшего СССР и широком распространении русского языка как основного средства общения. При выборе направления миграции за границу жители многих стран ориентируются на Россию, потому что знание русского языка и понимание менталитета российского населения существенно повышает их шансы на трудоустройство именно там. Большинство трудовых мигрантов в РФ устраиваются на работу через социальные сети, родственные контакты, частных посредников и пр. Впрочем, стоит отметить, что роль государственных структур и частных агентств занятости в трудоустройстве мигрантов остается крайне низкой. В рамках предлагаемой статьи автор анализирует ключевые культурные, экономические, политические и гуманитарные факторы, определяющие характер миграционных процессов из Центральной Азии в Российскую Федерацию. В работе используется метод статистического анализа, а также методы экономической и политической наук – экономико-структурный анализ и политанализ.

Ключевые слова: ЕАЭС, Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, экономика, миграция.

Для цитирования: Югай Ю. В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию. Постсоветские исследования. 2022;2(5):206-219.

Labor Migration from Central Asian Countries to the Russia

Julia V. Yugai

RUDN University, Moscow, Russia

1032162733@rudn.ru

Abstract. The relevance of the chosen problem is characterized by the political and humanitarian situation that has developed in the post-Soviet space over the past three decades. Labor migration has become a real form of economic and political integration of countries in the post-Soviet space, contributing to the formation of the Eurasian Economic Union (EAEU), which included Russia, Kazakhstan, Belarus, Armenia, Kyrgyzstan. For the countries that are not currently participating in the EAEU – Uzbekistan and Tajikistan – in general, migration processes are of similar nature. A significant part of migrants, being labor, return and educational migrants, refugees, significantly replenish the demographic and labor potential of Russia. To a large extent, the mass consciousness of the population of the Central Asian states has formed stereotypes of behavior focused on the strategy of life success exclusively through labor migration to Russia. Many young and middle-aged people in Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, partly Kazakhstan, and other EAEU and CIS countries consider it good to go to work abroad, preferring it to further education. Additional factors stimulating migration are examples of the success of their relatives, neighbors and acquaintances who worked abroad and were able to buy a house, a car, necessary things and so on. The social base of labor migration has also expanded: new socio-demographic groups of the population (residents of rural areas, small settlements, women, and youth) have joined the migration flows. Thus, by the beginning of the third decade of the XXI century, the Eurasian migration subsystem was formed in the region, which is based on socio-economic ties between the countries of the former USSR and the widespread use of the Russian language as the main means of communication. When choosing the direction of migration abroad, residents of many countries focus on Russia, because knowledge of the Russian language and understanding of the mentality of the Russian population significantly increases their chances of finding employment there. The majority of migrant workers in the Russian Federation get a job through social networks, family contacts, private intermediaries, etc. However, it is worth noting that the role of state structures and private employment agencies in the employment of migrants remains extremely low. In the framework of the proposed article, the author analyzes the key cultural, economic, political and humanitarian factors that determine the nature of migration processes from Central Asia to the Russian Federation. The paper uses the method of statistical analysis, as well as methods of economic and political sciences – economic and structural analysis and political analysis.

Keywords: EAEU, Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, economy, migration.

For citation: Yulia V. Yugai Labor Migration from Central Asian Countries to Russia. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;2(5):206-219. (In Russ.).

Особенности трудовой миграции из Казахстана в Россию

Одним из основных поставщиков трудовых мигрантов в Россию является Казахстан. При этом следует отметить, что ключевыми причинами процесса трудовой миграции в РФ из Казахстана являются:

- наличие между Казахстаном и Россией явной диспропорции по уровню политического, экономического и социального развития. При этом данная диспропорция направлена в пользу выбора мигрантами работы на территории РФ;
- существенное изменение этнической картины Казахстана, ввиду выбытия более 80% славянского населения;
- перенаселенность юга Казахстана по сравнению с севером, ввиду оттока

трудоспособного населения из восточных и северных регионов, что создает диспропорцию в распределении трудовых ресурсов;

- миграция коренного населения Казахстана, что является негативным фактором;

- медленный естественный прирост населения по сравнению с другими странами. Например, в настоящее время в Казахстане проживает 17,5 млн человек. Для сравнения на конец 1991 г. численность населения Казахстана составляла около 16,2 млн. Для сравнения, по итогу 2020 г. в Узбекистане зарегистрировано почти 34 млн против 18,5 млн в 1991 г.;

- резкая потеря квалифицированных кадров. Коренное население, получившее

высшее образование, переезжает в другие государства. Остаются работники со средним уровнем образования [Акмалова 2017: 85-87].

На сегодняшний день практически отсутствуют статистические данные по анализу потока иммигрантов из других государств в Казахстан. Большая часть приезжающих трудовых мигрантов представлена оралманами. Оралманы также являются казахами, проживающими вне территории Казахстана, которые возвращаются на родину по различным социальным программам. Также возвращаются в Казахстан те мигранты, которые не смогли устроиться в другой стране и вынуждены были вернуться. Из Казахстана в Россию выезжает в 5 раз больше людей, чем из России в Казахстан.

Таблица 1 – Миграционные потоки из России в Казахстан и из Казахстана в Россию с 2016 по 2020 гг.

Год	Прибытие мигрантов из Казахстана в РФ		Прибытие мигрантов из РФ в Казахстан	
	Данные РФ	Данные Казахстана	Данные РФ	Данные Казахстана
2016	45 506	26 998	8 843	4 935
2017	51 958	20 839	11 802	4 278
2018	59 142	23 859	18 328	3 711
2019	65 750	25 682	30 983	3 905
2020	69 356	0	32 226	0
Всего за 2016–2020 гг.	1 396 136	1 202 667	283 404	276 427

Совпадает лишь общая картина по миграционному салдо за указанный период:

- Миграционное салдо составляет 1,2 млн. чел. ввиду того, что из РФ в Казахстан выехало около 300 тыс., а из Казахстана в РФ порядка 1,3 млн человек (данные РФ);

- Миграционное салдо составляет 0,9 млн чел. ввиду того, что из России в Казахстан выехало около 250 тыс., а из Казахстана в Россию въехало 1.1 млн человек (данные Казахстана) [Вешкурова 2019: 67].

Данные казахской миграционной службы стали существенно отличаться от российских с 2017 г. Начиная с того периода существенно упростилась процедура

Далее в таблице представлены данные Комитета по статистике под ведомством Министерства национальной экономики Казахстана, а также данные Федеральной службы государственной статистики России, которые находятся в открытом доступе. Следует особо обратить внимание на то, как сильно разнятся данные, предоставленные двумя странами. Это объясняется различиями в методиках учета миграционных потоков и отсутствием уведомлений государственных органов со стороны ряда мигрантов. Зачастую нелегальные мигранты успевают оформить российский паспорт до того, как выясняется, что им запрещено иметь двойное гражданство.

миграции из Казахстана в РФ, в результате был сформирован единый рынок труда.

Рассмотрим вопрос роли, оказываемой на казахский рынок труда подобных объемов миграционных потоков. Например, население, уехавшее из Казахстана в 2018 г. (порядка 207 тыс. человек), можно приравнять к населению всего областного центра Петропавловска или Атырау. При отрицательном миграционном салдо (1 млн. чел.) данный объем мигрантов равен численности Северо-Казахстанской и Атырауской областей вместе взятых или столицы Казахстана Астаны. Таким образом, видно, что это критичные цифры.

Образовательная миграция является одной из ключевых проблем для Казахстана. Большая часть трудоспособной молодежи по завершении обучения остается работать в

России и уже не возвращается в Казахстан. Многие впоследствии забирают туда своих родственников.

Исходя из российских данных, в 2019–2020 гг. на территории РФ находилось порядка 247 000 студентов из других стран. Из них 85% были из государств постсоветского пространства, порядка 40% из них - казахские студенты, что составляет 72 тыс. человек. Фактически каждый 4-й иностранный студент, обучающийся в

России, - казах. Основной причиной стремления казахской молодежи получить российское образование является стоимость обучения и высокое качество.

Также сведения по мигрантам из Казахстана в Россию с небольшими различиями можно получить из статистических данных по миграционной ситуации в РФ, которые сформированы на основании отчетов МВД РФ на конец июня 2019 г.

Таблица 2 – Данные МВД по миграции в РФ из Казахстана за 2019–2020 гг.

№	Показатели	2019 год	Январь-июнь 2020 года
1	Поставлено на миграционный учет	545 676	261 149
2	Снято с миграционного учета	384 921	180 241
	Зарегистрировано по месту жительства	62 457	29 454
4	Принято решений о выдаче РВП	42 145	19 879
5	Проживает по РВП	64 281	57 728
6	Принято решений о выдаче ВНЖ	14 239	6835
7	Проживает по ВНЖ	28 915	31 010
8	Получение гражданства РФ	37 837	20 188

Исходя из приведенных в таблице данных, минимум 95 тыс. казахстанских мигрантов имеют РВП и ВНЖ и в настоящее время проживают на территории РФ. Значительно большее количество трудовых мигрантов из Казахстана приезжают на заработки в Россию на сезонные работы.

Еще одним ключевым фактором стремления мигрантов из Казахстана в Россию является уровень оплаты труда,

который в России в ряде регионов превышает уровень заработной платы в Казахстане более чем в 6 раз по текущему курсу валют. Ниже в таблице приведен анализ уровня заработной платы на территории России и Казахстана за 2020 г. При этом также следует учитывать наполненность социального пакета и гарантий для работников, которые в Казахстане существенно уступают российским.

Таблица 3 – Уровень заработной платы в месяц в РФ и Казахстане в 2020 г.¹

Регионы Казахстана	Зарплата, тыс. рублей	Регион России	Зарплата, тыс. рублей
Астана	39,82	Москва	66,88
Алма-Ата	35,19	Санкт-Петербург	45,43
Актюбинская область	22,65	Оренбургская область	26,07

¹ Управление Федеральной миграционной службы. URL для перехода: <https://ufmsrf.ru/> (дата обращения 20.04.2021 г.)

Западно-Казахстанская область	25,87	Самарская область	27,06
Кустанайская область	20,50	Челябинская область	26,62
Павлодарская область	23,87	Омская область	28,82
Северо-Казахстанская область	18,38	Тюменская область	50,16
Восточно-Казахстанская область	22,70	Республика Алтай	24,86
В среднем по стране	27,45	В среднем по стране	36,20

По текущим прогнозам, процесс миграции из Казахстана в Россию будет прогрессировать. Это обусловлено тем, что при естественном приросте порядка 300 тыс. чел. развитие экономики не позволяет обеспечивать увеличивающееся население рабочими местами. На сегодняшний день изменений в количестве рабочих мест в Казахстане практически нет, показатели находятся на уровне 2002 г. Программы, которые предусматривают открытие новых рабочих мест, еще крайне далеки от реализации. Таким образом, российский рынок труда является спасением для трудоспособного населения Казахстана.

Следует отметить, что в настоящее время Россия и Казахстан, как и США и Канада, имеют значительный отрезок общей государственной границы, единое экономическое пространство и общий рынок труда. Дисбаланс населения и рабочих мест регулируется исключительно за счет этих критериев. Тем не менее, исходя из новых требований, данным рынком могут воспользоваться исключительно мигранты, владеющие русским языком. Пока что русскоговорящего населения в Казахстане порядка 92%. Однако данная ситуация стремительно меняется.

Регулирование процесса трудовой миграции из Узбекистана

На сегодняшний день между РФ и Узбекистаном заключен ряд договоров по миграционному учету на уровне Многофункционального миграционного

центра города Москвы (ГБУ «Миграционный центр»), ФГУП «ПВС» (Федеральное государственное унитарное предприятие «Паспортно-визовый сервис») при МВД РФ и Агентства по внешней миграции Узбекистана.

Целью подписания данных договоров является организация и упрощение выезда трудовых мигрантов из Узбекистана и въезда на территорию РФ.

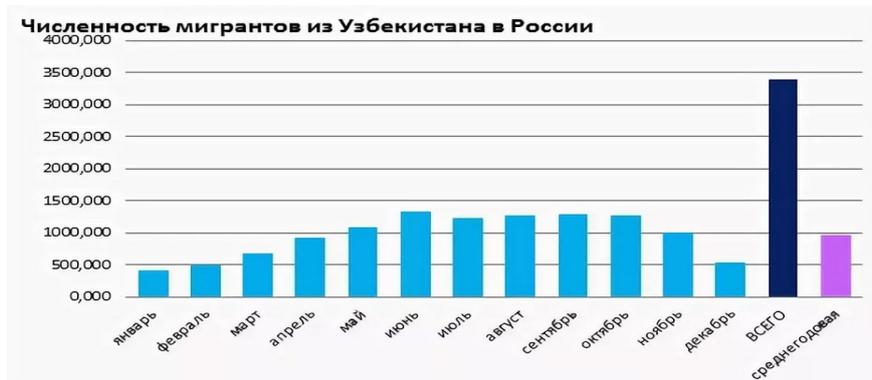
Данные документы позволяют Узбекистану и РФ регулировать процесс трудовой миграции. Открываются миграционные центры и фронт-офисы, которые помогают трудовым мигрантам в оформлении документов, процедуре их регистрации, получении разрешения на осуществление трудовой деятельности на территории России, в том числе в получении части услуг на территории республики до выезда в Россию [Леонидова 2017: 188].

На сегодняшний день на территории Российской Федерации трудятся порядка 1,8 млн официально зарегистрированных мигрантов из Узбекистана. Это примерно на 11% превышает показатель 2019 года, что, в свою очередь, составляет примерно 630 тыс. человек. В настоящее время в Ташкенте идут переговоры по вопросам экстремизма и терроризма, а также перерегулирования потоков трудовой миграции.

Тем не менее, поток трудовых мигрантов из Узбекистана в РФ существенно сократился с 2018 г. на 3–3,4 млн человек, что обусловлено, в первую очередь, ужесточением миграционного

законодательства Российской Федерации, а также возникновением серьезного экономического кризиса в условиях пандемии

Рисунок 4. Численность мигрантов (официально зарегистрированных) из Узбекистана в Россию за 2020 г.

Источник: Сайт Управления Федеральной миграционной службы

Между РФ и Узбекистаном действует безвизовый режим. При этом Узбекистан не является государством-участником ЕАЭС. Трудовые мигранты из Узбекистана при въезде на территорию РФ обязаны оплачивать патент на пребывание и работу. Стоимость патента определяется органами власти регионального уровня. Также мигранты в обязательном порядке должны сдавать экзамены по правовым дисциплинам, истории России и русскому языку. Без оформления визы срок работы на территории РФ для мигрантов из Узбекистана на основании патента составляет 180 дней. Это максимальный срок пребывания на территории РФ в пределах 1 года. Превысившие этот срок мигранты автоматически становятся нелегалами, что лишает их права работать в России на 3, 5 или 10 лет в зависимости от тяжести нарушения. Самым «злостным» нарушителем въезд в РФ закрывается пожизненно. В Таджикистане, например, таких граждан сегодня насчитывается около 5 тысяч.

Соглашение об «оргнаборе» граждан Узбекистана для работы в России предусматривает определенный порядок взаимодействия госструктур, которые должны управлять миграционными потоками. Действовать этот механизм должен следующим образом: Министерство труда и социальной защиты РФ вместе с Федеральной службой по труду и занятости размещают в специальной информационно-аналитической системе данные о

работодателях, существующих у них вакансиях, характере работы, размере заработной платы, требованиям к квалификации работников и т. п. В задачи Министерства образования и науки РФ входит информирование соответствующих ведомств Узбекистана о требованиях и порядке сдачи экзамена по русскому языку, истории и законодательству для трудовых мигрантов. МВД РФ осуществляет оформление и выдачу разрешений на ведение трудовой деятельности [Рыбаковский, Рязанцев 2005].

Со своей стороны, Агентство по вопросам внешней трудовой миграции при Министерстве труда Узбекистана информирует население о возможностях и порядке трудоустройства на территории РФ, осуществляет подбор кандидатов, взаимодействует с работодателями и организациями, проводящими необходимые экзамены, согласует проекты трудовых договоров, организует обучение, медицинское освидетельствование и проезд кандидатов до места назначения, а также их возвращение в случае необходимости. Министерство здравоохранения Узбекистана берет на себя обязанность по проверке претендентов на предмет наличия у них опасных заболеваний, а Министерство внутренних дел должно проверять их нахождение в межгосударственном, международном розыске и на наличие судимости. При этом в России осуществляется повторное

медосвидетельствование мигрантов [Методология и методы 2017: 140].

Работодатель обязан обеспечить мигрантам проживание «в соответствии с необходимыми санитарно-гигиеническими и иными нормами», гарантировать нормальные условия труда, включая технику безопасности на рабочих местах, а также зарплату не ниже минимального уровня, установленного законодательством РФ. Для участия в системе «оргнабора» нанимающие мигрантов компании должны заключить договор о сотрудничестве с организацией, направляющей их в Россию. Взаимодействие работодателей с Агентством по внешней трудовой миграции Узбекистана регулируется отдельным договором. Несомненным плюсом для мигрантов является официальное трудоустройство, гарантированные трудовым договором зарплата и медобслуживание. Если работодатель не сумел трудоустроить мигранта, он оплачивает ему возвращение на родину и выплачивает компенсацию. На работодателя также ложатся расходы в случае смерти мигранта или его увечья на производстве.

В конечном итоге предусмотренная соглашением схема получается слишком сложной и запутанной для обеих сторон – как для работодателей, так и мигрантов. Первым необходимо заключать массу соглашений с различными госструктурами, вдобавок они принимают на себя целый блок социальных и финансовых обязательств, тогда как по действующей сегодня «патентной системе» все эти вопросы являются проблемами самих мигрантов. Поэтому для большей части потенциальных работодателей участие в организованном найме рабочей силы «по месту проживания» лишено смысла. Мигранты же в этой системе лишаются «свободы маневра» и вынуждены соглашаться на те условия, которые им предлагают работодатели на родине. При этом их потенциальный заработок снижается за счет уплаты налогов, медстраховки и других расходов, избежать которых есть соблазн, если изначально ориентироваться на нелегальную миграцию. Поэтому они предпочитают искать работу

путем задействования традиционных «кланово-общинных структур», ориентируясь на те связи и возможности, которые предоставляют им национальные диаспоры.

Опыт Киргизии, где подобную схему уже пытались использовать, показал ее низкую эффективность. В ходе международной видеоконференции по трудовой миграции, проведенной 28 апреля этого года Ярославским и Ошским университетами, были озвучены данные о том, что мигранты системой «оргнабора» интересуются слабо. Вместо этого они предпочитают использовать привычные для себя диаспоральные связи, где их права нередко вообще ничем и никем не гарантированы. Не исключено, что проблема заключается в чрезмерной сложности и забюрократченности системы «оргнабора» мигрантов, что в итоге делает ее непопулярной [Бойков 2017: 156].

Соглашение о взаимном учреждении компетентных органов по миграции преследует более конкретную цель – предотвратить проникновение вместе с мигрантами на территорию обеих стран участников экстремистских организаций, представляющих угрозу для национальной безопасности.

Документ должен обеспечить сотрудничество «компетентных органов» России и Узбекистана в сфере миграции, включая сбор, изучение и анализ информации по трудовой миграции, которая, как следует из соглашения, может представлять оперативную ценность. Аккредитованы эти структуры, входящие в состав МВД, будут при министерствах иностранных дел. Актуальность такого соглашения особенно возросла после апрельского теракта в Санкт-Петербурге, совершенного выходцами из Киргизии, которые, однако, являлись этническими узбеками. Наличие структур, контролирующих миграцию на местах, позволит силовикам работать на опережение.

В целом же оба соглашения, безусловно, представляют определенный шаг вперед и выводят сотрудничество двух стран в сфере миграции на новый уровень. Их

эффективность можно будет определить по мере накопления опыта, который позволит выявить как позитивные, так и негативные моменты практической работы соглашений.

Подведем следующие итоги, с каждым годом количество патентов для мигрантов из Узбекистана и Таджикистана растет, в этом году был оформлен 91% всех патентов. Для сравнения, в 2020 году – 89%, в 2018 году – 86%, в 2017 году – 82%. Большинство временных мигрантов из Узбекистана являются трудовыми мигрантами, свидетельствуют данные Федерации миграции России. За неполный прошлый год, к примеру, в Россию въехали более 3,4 млн граждан Узбекистана, в том числе с рабочими целями – 1 573 791 человек.

Трудовая миграция из Таджикистана в Россию

В 2000-е годы на фоне быстрого экономического роста Россия повторно испытала приток иммигрантов из бывших советских республик, который был особенно значительным в 2016–2019 гг.

По данным ФМС России за период 2017–2020 гг. годовой приток трудовых мигрантов увеличился в 11 раз: с 211 тыс. до 2426 тыс. человек. Официально зарегистрированные мигранты составили в 2017–2020 гг. примерно 3,1% от общей численности занятого населения в России. В отдельных отраслях доля мигрантов была гораздо больше: например, в строительстве – 16%. С учетом экспертных оценок нелегальной миграции (3,2–5,2 млн человек) доля мигрантов может достигать 4,7–7,7% от общей численности занятого населения. Основными странами-поставщиками рабочей силы для России к концу первого десятилетия 21 века стали страны Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия), Украина и Китай. Миграционный поток из Таджикистана в Россию составляет 16% от всей трудовой миграции в РФ¹.

На сегодняшний день в Таджикистане сохраняется низкий уровень доходов и высокая безработица, что подталкивает жителей Таджикистана к выбору миграции

как стратегии на рынке труда. Экономика Таджикистана в значительной степени зависит от денежных переводов мигрантов, которые, согласно Всемирному банку, в 2020 году составляли 31% ВВП. По этому показателю Таджикистан занимает первое место в мире. В случае Таджикистана на жителей действуют сильные выталкивающие силы: из стран СНГ Таджикистан имеет наименьшие ВВП на душу населения и расходы домохозяйств. По данным Агентства по статистике при президенте Республики Таджикистан, во временную трудовую миграцию вовлечено около 11 % всего населения и около 15 % трудоспособного населения.

По данным Всемирного банка, в 2020 году за границей находилось 791 тыс. граждан Таджикистана, что составляло 11% населения страны. Более реалистичны оценки, согласно которым в России живут и работают около 700 тыс. трудящихся-мигрантов из этой республики. По данным ФМС России, на начало августа 2020 года в стране находилось 985 тысяч таджикских граждан; в 2018 году здесь работали около 626 тысяч, в том числе 162 тыс. человек с разрешениями на работу в фирмах и компаниях, и 464 тыс. (по патентам) у физических лиц².

Для лучшей организации эмпирического анализа мы используем простую модель принятия работниками решения о миграции. Понимание того, кто и как принимает решение о миграции, позволяет предсказать успех мигранта на рынке труда принимающей страны. Чем больше запас человеческого капитала у мигранта, тем выше его шансы адаптироваться к новым условиям, а значит - снизить для себя издержки миграции. Важность человеческого капитала для объяснения разрыва в заработной плате между населением принимающей страны и мигрантами – частая тема в литературе.

Более 96% в 2017 г. и 98% в 2019 г. всех мигрантов ехали в Россию. Основной поток мигрантов (около 60%), как правило, направляется в Москву, в Якутск (15%), Санкт-Петербург (около 6%), Екатеринбург

¹ Управление Федеральной миграционной службы. URL для перехода: <https://ufmsrf.ru/> (дата обращения 20.04.2021 г.)

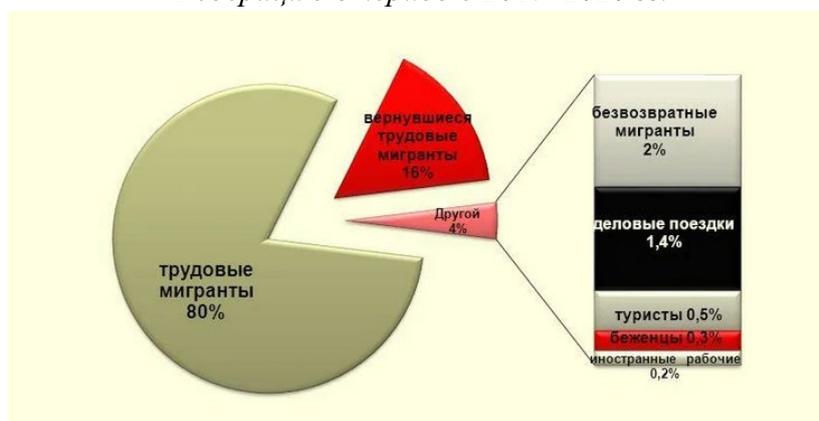
² Там же.

(около 6%), Тюмень (2–3%). В другие города попадает незначительная доля мигрантов из Таджикистана. При этом заработки мигрантов в разных городах в большинстве случаев статистически не различаются. Абсолютные заработки мигрантов в период между раундами исследования возросли. Кризис значительно повлиял на время пребывания мигрантов в России. Если в 2017 году 75% мигрантов через 8 месяцев пребывания еще не вернулись в Таджикистан, то в 2019 году 75% мигрантов вернулись домой уже через 10 месяцев пребывания в России. Заметим, что 64% мигрантов, согласно данным Зайончковской и Тюрюкановой (2020), планировали находиться в России менее года. Также к влиянию кризиса следует

отнести изменение профессионального состава мигрантов. Кризис ударил прежде всего по строительной отрасли, что привело к оттоку работников из этого сектора на конец 2020 года.

Интересно сравнить наши данные по легальному нахождению мигрантов в России с другими исследованиями. Российские данные о регистрации мигрантов на 2017 г. свидетельствуют о том, что 63% имели регистрацию, это значительно ниже, чем в 2020 г., когда доля зарегистрированных мигрантов составляла 79%. Это говорит либо о значительном отличии мигрантов из Таджикистана от мигрантов из других стран СНГ, либо о некоторой смещенности выборки в сторону легальных мигрантов.

Рисунок 5. Качественный состав трудовой миграции из Таджикистана в Российскую Федерацию в период с 2017–2020 гг.

Источник: Сайт Управления Федеральной миграционной службы

Среди таджикских трудовых мигрантов можно выделить две группы. Первая – это сезонные работники. Их поток возрастает весной и летом, когда они едут в Россию на работу в сельском хозяйстве и строительстве. Осенью они возвращаются домой. По примерным оценкам в некоторых регионах России на таджиков приходится порядка 75–80% сезонных мигрантов. Вторая группа таджикских мигрантов – это те, которые достаточно долго находятся и работают в России, но при этом не имеют легального статуса. Многие работают как легально, так и без официального оформления в самых разных отраслях российской экономики: сфере обслуживания, жилищно-коммунальном хозяйстве, в транспортном секторе и т.д.

Среди трудовых мигрантов из Таджикистана преобладают мужчины. Однако в последнее время происходит феминизации миграции. Возрастной состав зависит от сфер занятости. Например, среди строителей больше всего молодежи. Найм производится на самые тяжелые работы, требующие выносливости, физической силы, хорошего здоровья. Среди сельскохозяйственных работников больше людей среднего возраста.

В 2020 г., по данным ФМС, таджикские трудящиеся-мигранты в России были заняты преимущественно в строительстве (44%), в торговле (14%), в промышленности (11%), в сфере обслуживания (5%), в сельском хозяйстве (4%), в транспортном секторе (3%). В 2019 году, по данным службы, таджикские трудящиеся-мигранты в России

были заняты преимущественно в сфере услуг (42%) и строительстве (29%). Однако статистику существенно изменили 18% трудящихся-мигрантов, информация о занятости которых отсутствовала [Бормотова 2019: 203].

По данным выборочного исследования Росстата об использовании труда мигрантов, в 2020 году в России в «домашней экономике» работали 250,7 тыс. и у частных предпринимателей – 145,6 тыс. таджикских трудящихся-мигрантов.

Мигранты, занятые у частных предпринимателей, имели достаточно диверсифицированную структуру отраслевой занятости: четверть работала в торговле (24%), пятая часть – в строительстве (20%), шестая часть – в сельском хозяйстве (12%), десятая – в коммунальном хозяйстве (10%), 8% – в транспортном секторе¹.

Условия труда и жизни таджикских трудящихся-мигрантов в России на протяжении многих лет остаются плохими: большинство живет в подвалах, вагончиках, нежилых помещениях. Некоторые не имеют необходимых документов на пребывание и работу в России. Известны случаи, когда таджикские мигранты становились жертвами трудовой эксплуатации и торговли людьми.

Однако, несмотря на жизненные и профессиональные трудности, многие хотели бы остаться и остаются в России на постоянной основе. Например, в ходе опроса, проведенного учеными Центра демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, так говорили около 48% респондентов. Подтверждает это и статистика. В 2017–2020 гг. около 145 тыс. таджикских граждан стали гражданами Российской Федерации. Многие из них смогли получить российское гражданство как второе, сохранив национальный паспорт.

Что же касается наличия разрешений на работу, данные 2017 года, включающие всех мигрантов, дают цифру несколько ниже

данных за 2020 г.: 55% против 63%. Однако сравнивать эти цифры было бы неверно, поскольку вторая цифра получена по данным опроса, проводившегося в 2020 году, когда миграционные квоты были значительно урезаны. Кроме того, начиная с 2018 года ужесточились правила выдачи разрешений на работу, а в 2021 году практически полностью приостановлен поток мигрантов из Таджикистана в Россию. На данный момент на уровне правительства РФ ведутся переговоры о возобновлении возможности для мигрантов из Таджикистана работать на территории Российской Федерации.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в настоящее время Таджикистан является второй после Узбекистана страной, обеспечивающей Россию трудовыми мигрантами. Согласно данным переписи населения 2020 года, в РФ находились 87 тыс. граждан Таджикистана. 31,5 тыс. граждан этой республики находились в России с целью работы или учебы, в том числе 30,5 тыс. – трудоспособного возраста. Безусловно, это – заниженная цифра, которая охватывала только мигрантов, находившихся в стране более года.

Проблема трудовой миграции из Киргизии

Между Россией, Киргизией и другими странами заключен договор ЕАЭС, благодаря которому в отношении мигрантов из Кыргызстана действует упрощенное миграционное законодательство и увеличенные сроки регистрации. Тем не менее они должны своевременно становиться на миграционный учет, дабы избежать штрафов и выдворения из РФ.

Стандартный срок пребывания граждан Киргизии в России без миграционного учета составляет 30 дней, а с таковым в общей сложности 90 суток. Если мигрант хочет находиться в РФ дольше, ему придется оформлять РВП – без этого он не сможет официально трудоустроиться.

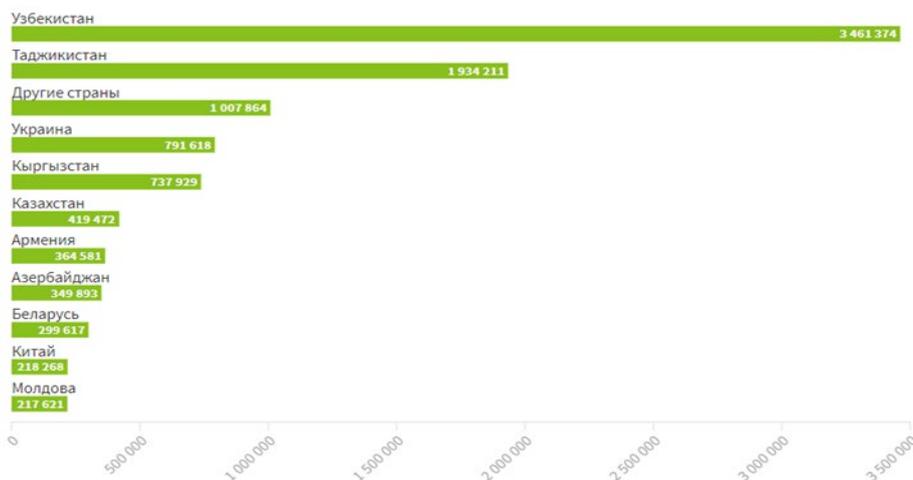
В связи с пандемией и ограничениями, связанными с работой и поездками, в 2020 году в России зарегистрировано на 318 тыс. меньше кыргызстанцев, чем в 2019-м. Такие данные приводит МВД РФ.

¹ Управление Федеральной миграционной службы. URL для перехода: <https://ufmsrf.ru/> (дата обращения 20.04.2021 г.)

Больше всего в 2020 году в России зарегистрировано граждан Узбекистана – почти 3,5 млн человек. Далее граждане Таджикистана (1,9 млн) и Украины (792 тыс.). Граждан Кыргызстана в минувшем году в РФ зарегистрировано 738 тыс. человек.

Кыргызстанцы в настоящее время занимают четвертое место среди граждан других стран, зарегистрированных в Российской Федерации в качестве трудовых мигрантов:

Рисунок 6. Число граждан иностранных государств, поставленных на миграционный учет в РФ в 2020 г.

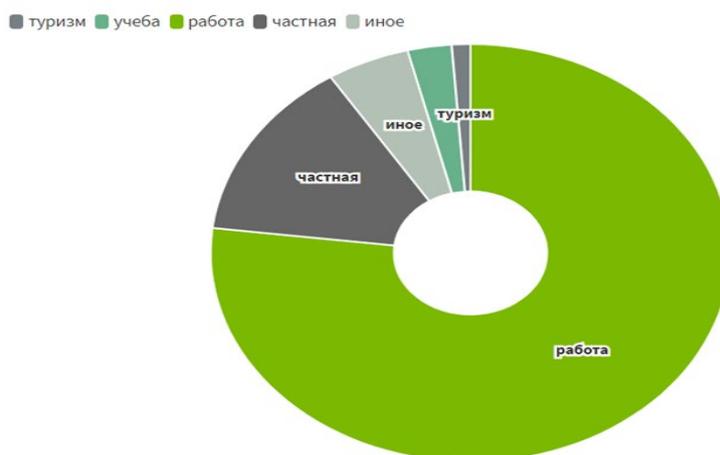
Источник: Сайт Управления Федеральной миграционной службы.

Для сравнения, в 2019 году на миграционном учете состояли более 1 млн кыргызстанцев. А в 2020 году на миграционный учет в Российской Федерации поставлено на 318 тыс. кыргызстанцев меньше, чем в 2019 г

впервые 98% кыргызстанцев регистрируются в России по месту пребывания, и только 2% – по месту жительства. Восемь из десяти впервые прибывающих в Россию кыргызстанцев приезжают на работу.

Почти 34% прибывших в Россию кыргызстанцев прошли регистрацию

Рисунок 7. Первичный миграционный учет кыргызстанцев в Российской Федерации в 2020 г

Самые востребованные регионы России для работы среди трудовых мигрантов из Кыргызстана – Москва и Санкт-Петербург. Почти 60% впервые приезжающих в страну иностранцев работают там. В топ-5 самых популярных регионов для работы также

входят Московская область, Краснодарский край и Свердловская область.

12 тыс. трудовых мигрантов из Киргизии в 2020 году получили российские паспорта.

В республике Кыргызстан проживает около 5,8 млн человек, при этом:

- Численность занятого населения – 2,2 млн человек;

- Среднемесячная заработная плата в Киргизии составляет около 12.000 сом, или примерно 12.000 руб.;

- Уровень общей безработицы в Киргизии оценивается в 8,3 процента – трудоустроиться в республике не могут около 205 тыс. человек.

Таким образом, после вступления Кыргызстана в ЕАЭС его граждане перестали считаться мигрантами и в трудовых отношениях фактически были приравнены к гражданам страны пребывания, а срок их временного нахождения определяется исключительно «производственной необходимостью», или трудовым договором. По статистике на сегодняшний день Киргизия занимает третье место по числу въезжающих в Россию

трудовых мигрантов, уступая Узбекистану и Таджикистану.

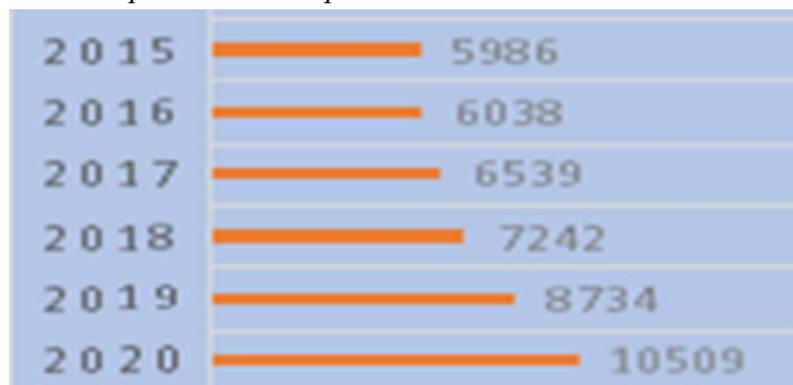
Особенности регулирования трудовой миграции из Туркменистана в Россию

Государственный комитет по статистике Туркменистана и Государственная миграционная служба Туркменистана никогда не публиковали статистику по внешней или внутренней миграции населения.

Некоторая информация о миграциях в/из Туркменистана фигурирует в публикациях статистических ведомств некоторых государств, в которые въезжают/выезжают в/из Туркменистана.

Согласно данным Росстата, в 2015–2017 гг. из Туркменистана в Российскую Федерацию прибыло 213 491 мигрантов. Пик пришелся на 2020 г. С 2017 по 2020 г. из Туркменистана прибыло 110 153 мигранта, в том числе в 2019 г. – 20 186 чел., в 2020 г. – 22 840 чел.

Рисунок 8. Количество прибывших мигрантов в РФ по данным Росстата в 2015–2020 гг.

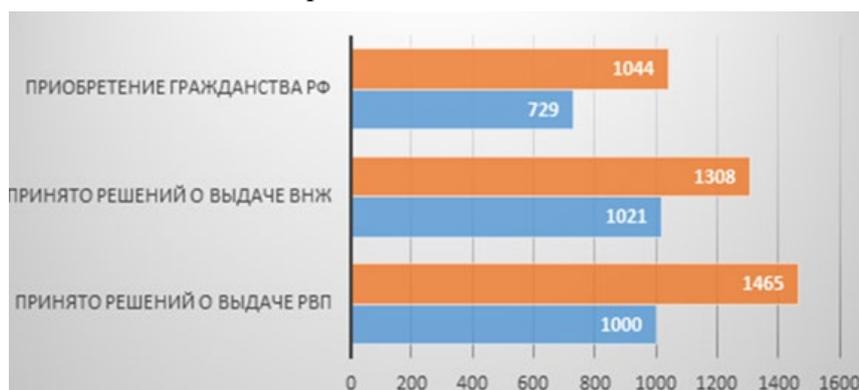

Источник: Сайт Управления Федеральной миграционной службы

В последующие годы миграционный отток из Туркменистана ослабевает. С 2020 по 2021 гг. в Россию прибыло всего 48 324 мигранта из Туркменистана. Начиная с 2017 года приток мигрантов вновь имеет положительную динамику. С 2017 по 2018 гг. в Россию из Туркменистана прибыло 55 014 мигрантов. Число прибывших в 2020 году в сравнении с 2015 годом увеличилось в 4,6 раза до 10 509 человек.

По открытым данным ФСБ России с 2017 по 2020 гг. РФ посетило 461 608 граждан Туркменистана. Цели визита: частная – 212 136 чел., туризм – 157 188 чел., деловая – 78 880 чел., обслуживающий персонал – 11 268 чел., транзитный проезд – 1 837 чел., прочее – 299 чел.

Рисунок 9. Выдача и приобретение гражданами Туркменистана РВП, ВНЖ и гражданства в период с 2018 по 2020 гг.

Источник: Сайт Управления Федеральной миграционной службы.

В 2019 году отделениями Управления по вопросам миграции МВД РФ на миграционный учет было поставлено 74 225 граждан Туркменистана, в 2020 г. – 98 000, в том числе по месту пребывания 71 866 и 94 871 соответственно и по месту жительства 2 359 и 3 129 соответственно. В 2019 г. вынесено 1000 решений о выдаче РВП, в 2020 г. – 1 465 ВНЖ 1 021 и 1 308 решений о приобретении гражданства РФ – 729 и 1 044 решений соответственно.

В 2020 году в Туркменистан из России прибыло 5 861 чел., из Турции – 4 001 чел., Украины – 3014 чел., Беларуси – 1 185 чел. Большинство прибывших – студенты. В общей сложности из Казахстана в Туркменистан с 2017 по 2020 г. г. убыло 247 человек, из Беларуси (2017 – 2020 г. г.) – 3 261 человек (абсолютное большинство учтенных - студенты), из Украины (2017 - 2020 г. г.) – 9 557 человек (абсолютное большинство учтенных - студенты), из Таджикистана (2017 - 2020 г. г.) – 17 чел.,

Киргизии (2017 - 2020 г. г.) – 9 чел., Молдовы – 15 чел., Азербайджана (2017 - 2019 г.г.) – 2 852 чел., России (2017 - 2020 г. г.) – 36 438 чел. (большинство учтенных - студенты) [Самраилова, Вешкурова 2019: 56].

На протяжении 27 лет независимости у Туркменистана отрицательное сальдо внешней миграции. Из этого следует, что трудовая миграция граждан независимой Туркмении (в отличие от жителей Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) в РФ всегда была незначительной — в 2019 году только 7 тысяч граждан этой страны получили разрешение на работу в России. В дальнейшем число трудовых мигрантов из Туркмении (в основном нефтяников) сократилось до 500 человек в 2020 году. На сегодняшний день жители Туркменистана практически не видят перспектив заработка в России и их отток сместился в сторону Турции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акмалова А.А. Социальная работа с мигрантами и беженцами. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 85-87
- Бойков В.Э. Социальные аспекты миграции населения / В.Э. Бойков – М.: СОЦИС, 2017. № 6. С. 156.
- Бормотова Т.М. Роль прогнозирования в управлении миграционными процессами. Рязань: Закон и право, 2019. №11. С. 203.
- Вешкурова А.Б. Россия как центр притяжения рабочей силы. СПб.: Труд и социальные отношения. 2019. №25. С. 67.
- Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А. Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 315-327.
- Леонидова Т.И. Содержание миграционной функции государства: теоретические аспекты. М.: Миграционное право, 2017. № 8. С. 188.

Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное уч. пособие / Под ред. Зайончковской Ж., Молодиковой И., Мукомеля В. М.: Центр миграционных исследований, 2017. С. 140.

Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Международная миграция в Российской Федерации. М., 2005.

Самраилова Е.К., Вешкурова, А.Б. Современное состояние и тенденции развития миграции (на примере РФ и Казахстана). СПб.: Труд и социальные отношения. 2019. № 8. С. 56.

REFERENCES

Akmalova A.A. Social'naya rabota s migrantami i bezhencami. М.: INFRA-M, 2017. С. 85-87

Bojkov V.E. Social'nye aspekty migracii naseleniya / V.E. Bojkov – М.: SOCIS, 2017. № 6. С. 156.

Bormotova T.M. Rol' prognozirovaniya v upravlenii migracionnymi processami. Ryazan': Zakon i pravo, 2019. №11. С. 203.

Veshкурова А.В. Rossiya kak centr prityazheniya rabochej sily. SPb.: Trud i social'nye otnosheniya. 2019. №25. С. 67.

Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Hotivrishvili A.A. Migracionnye potoki iz Central'noj Azii v strany Evropejskogo soyuza // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Т. 18. № 2. S. 315-327.

Leonidova T.I. Soderzhanie migracionnoj funkcii gosudarstva: teoreticheskie aspekty. М.: Migracionnoe pravo, 2017. № 8. С. 188.

Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное уч. пособие / Под ред. Зайончковской Ж., Молодиковой И., Мукомеля В. М.: Центр миграционных исследований, 2017. С. 140.

Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Международная миграция в Российской Федерации. М., 2005.

Самраилова Е.К., Вешкурова, А.Б. Современное состояние и тенденции развития миграции (на примере РФ и Казахстана). СПб.: Труд и социальные отношения. 2019. № 8. С. 56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Югай Юлия Вячеславовна, магистр в области «Международных отношений», Москва, Россия. E-mail address: kate.romanchuk@ya.ru.
Yulia V. Yugai, Master of International Relations, Moscow, Russia. E-mail: kate.romanchuk@ya.ru.

**ПРОБА ПЕРА
FIRST STEPS**

Научная статья / Research article

Терроризм в Российской Федерации в 2002–2020 гг.

О. Е. Дементьева

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032202536@rudn.ru*

Д. Э. Моргоева

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032201416@rudn.ru*

А. В. Нестеров

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032202644@rudn.ru*

Аннотация. Начиная с 1990-х гг., проблема терроризма встала на первое место не только для России, но и для всего мира, приняв глобальный, общемировой характер. Терроризм – одно из самых негативных явлений современного общества, наносящий ущерб всему человечеству. Он угрожает безопасности государств и ведет к дестабилизации общественной жизни, приводит к людским потерям, разрушает духовные ценности, разжигает ненависть внутри мирового сообщества. Поэтому выявление и искоренение экстремизма и его крайней формы – терроризма, является первоочередной задачей любого государства. В данной статье рассмотрены вопросы детерминации понятия «терроризм», описанию основных террористических актов, осуществленных чеченскими боевиками в 2000-х гг., а также изучена российская политика, направленная против терроризма в период с 2002 по 2020 гг. Рамки исследования обусловлены всплеском террористической активности в 2002 г., начавшейся с теракта в московском театре на Дубровке во время спектакля «Норд-Ост», причиной которого были русско-чеченские войны в 1994-1996 гг. и 1999-2009 гг. Инциденты, порождённые чеченскими кампаниями, дали России опыт и стимул развивать антитеррористическую безопасность в стране, этот процесс был рассмотрен нами в периоде с 2002 по 2020 гг. Отдельное внимание было уделено деятельности Национального антитеррористического комитета и мерам российского руководства, предпринимаемым для ведения борьбы с террористами, также было рассмотрено российское законодательство, направленное на антитеррористическую борьбу, и прослежена эффективность предпринимаемых мер по обеспечению антитеррористической безопасности за последние несколько десятилетий в России, в том числе отдельно была взята на рассмотрение работа российских властей по обеспечению безопасности во время Чемпионата мира по футболу 2018 г., а также указаны перспективы и основные приоритеты антитеррористической политики России.

Ключевые слова: Россия, терроризм, Национальный Антитеррористический Комитет, антитеррористическое сотрудничество, антитеррористическая безопасность.

Для цитирования: Дементьева О. Е., Моргоева Д. Э., Нестеров А. В. Терроризм в Российской Федерации в 2002–2020 гг. Постсоветские исследования. 2022;2(5):220-231.

Terrorism in the Russian Federation in 2002-2020

Oksana E. Dementieva

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: 1032202536@rudn.ru*

Dzerassa E. Morgoeva

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: 1032201416@rudn.ru*

Alexey V. Nesterov

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: 1032202644@rudn.ru*

Abstract. Since the 1990s, the problem of terrorism has taken on a global scale by coming to the forefront for not only the Russian Federation, but for the whole world. Terrorism is one of the most negative phenomena of modern society, detrimental to all mankind. It threatens the states' security and leads to the destabilization of public life, provokes human losses, destroys spiritual values and incites hatred within the world community. The identification and elimination of extremism and its extreme form – terrorism, is a priority of any country. This article is devoted to the examination of the conceptual definition of "terrorism", the description of the main terrorist acts carried out by Chechen militants in the 2000s, and the study of the Russian policy against terrorism in the period from 2002 to 2020. The scope of the study is determined by the surge in terrorist activity in 2002, which was set in motion by the terrorist attack at the Dubrovka theater in Moscow during the show "Nord-Ost", the reason behind the attack being the Russian-Chechen wars in 1994-1996 and 1999-2009. The incidents arising from the Chechen campaigns have provided an incentive for the Russian Federation to develop an anti-terrorist agenda in the country, the process of which is reviewed in the article in the period from 2002 to 2020. Utmost attention was drawn to the activities of the National Anti-Terrorist Committee and the measures undertaken by the Russian government to abolish terrorism. The anti-terrorist legislation and the effectiveness of the measures taken to ensure anti-terrorist security over the last few decades in Russia were reviewed as well. In addition, the issue of security during the FIFA World Cup 2018 including the prospects and main priorities of the anti-terrorist policy of the Russia have been scrutinized.

Key words: Russia, terrorism, The National Anti-Terrorist Committee, anti-terrorist cooperation, anti-terrorist security.

For citation: Oksana E. Dementieva, Dzerassa E. Morgoeva, Alexey V. Nesterov Terrorism in the Russian Federation in 2002-2020. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies.* 2022;2(5):220-231. (In Russ.)

Начиная с 1990-х гг., проблема терроризма встала на первое место не только для Российской Федерации, но и для всего мира, приняв глобальный, общемировой характер.

Актуальность данного исследования объясняется тем, что в XXI веке такое явление, как терроризм, стало одним из самых негативных феноменов современного общества, наносящим ущерб всему человечеству. Терроризм угрожает безопасности государств и ведет к дестабилизации общественной жизни, приводит к людским потерям, разрушает духовные ценности, разжигает ненависть внутри мирового сообщества. Поэтому его выявление и искоренение – первоочередная задача любого государства.

Целью данного исследования является оценка деятельности Российских властей в антитеррористическом направлении в период с 2002 по 2020 гг. Рамки исследования обусловлены всплеском террористической активности в 2002 г., начавшимся с теракта в московском театре на Дубровке, первопричиной которого были русско-чеченские войны. Инциденты, порождённые чеченскими кампаниями, дали Российской Федерации опыт и стимул развивать антитеррористическую безопасность в стране, этот процесс и рассматривается в данной статье.

Методологическая основа данной статьи базируется на принципах системности, историзма, объективности, последовательности, а также целостности. В ходе исследования были применены

различные методы, среди которых сравнительный и контент-анализ, синтез и анализ, индукция и дедукция.

Теоретическая база данной работы зиждется на основных идеях политического реализма, а также взглядах и научных выводах представителей исторических и политических наук различных стран, в частности России, Китая, Индии, Франции и Израиля.

Проблематика определения понятия «терроризм»

Существует множество определений понятия «терроризм», однако общепринятой, четкой и исчерпывающей дефиниции до сих пор не было разработано. Во многом из-за того, что терроризм представляет собой сложное, многомерное явление, посягающее на те или иные охраняемые законом сферы жизнедеятельности людей различными способами, что также затрудняет выработку его отличительных признаков. Помимо правовых, терроризм затрагивает целый ряд других проблем – психологических, исторических, технологических и т. д.

Существует мнение, что причины сложности определения терроризма в основном носят скорее политический, чем теоретический характер. Считается, что терроризм означает морально неправильное действие. В результате отвергаются любые определения, подразумевающие, что акции, группы или политика, поддерживаемые одними, являются проявлениями терроризма. Таким образом, готовность назвать определенные действия террористическими зависит от того, кто их рассматривает и кто предпринимает эти действия [Nathanson 2010:12].

Терроризм на сегодняшний день стал глобальной проблемой и регулярно рассматривается как угроза международной безопасности наряду с такими негативными явлениями, как торговля людьми и всплеск радикализма, которые часто связаны между собой [Стивахтис 2021:427].

Цель террористов – сообщества, недовольные социально-экономическим

положением, активная часть политической оппозиции, сепаратисты, радикальные религиозные группировки. Но самым уязвимым слоем населения является молодежь [Курьлев 2017:740].

Стоит привести определение из национального законодательства: федеральный закон РФ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Согласно статье 3 «Закона о борьбе с терроризмом» КНР, принятым Национальным народным конгрессом в конце 2015 г., терроризм - это призывы и действия, которые ведут к применению насилия, саботажа, запугивания и других методов, с целями создания социальной паники, угрозы общественной безопасности, посягательства на личную собственность или принуждения государственного аппарата и международных организаций для достижения политических, идеологических и других целей¹.

Восьмой доклад о терроризме в Индии от 2008 г. определяет терроризм как эквивалент военного преступления в мирное время. В то же время рабочей дефиницией терроризма в индийском правительстве является принятое на Западе и в ООН определение, разработанное в 1988 г. А. Шмидом и А. Джонгманом, суть которого заключается в следующем: «терроризм – это вызывающий тревогу метод повторяющихся насильственных действий, используемый подпольными/полуподпольными отдельными лицами, группами или государственными субъектами по особым, криминальным или политическим причинам, в результате чего непосредственные цели насилия не являются основными. Непосредственные жертвы насилия, как

¹ 中华人民共和国反恐怖主义法 / 法律图书馆. URL: http://m.law-lib.com/law/law_view.asp?id=629436 (дата обращения: 05. 05. 2021).

правило, выбираются случайным образом (потенциальные цели) или выборочно (репрезентативные или символические) из целевой группы населения и служат генераторами сообщений. Процессы коммуникации, основанные на угрозах и насилии, между террористической организацией, жертвами и основными целями используются для манипулирования основной целью (аудиторией) для превращения ее в объект для террора, для выдвижения требований или для привлечения внимания, в зависимости от того, что, в первую очередь, преследуется: устрашение, принуждение или пропаганда» [Schmid & Jongman 1988:700].

Немного отличается определение терроризма во Франции. В самой часто подвергающейся террористическим атакам европейской стране существует следующая дефиниция в словаре Ларусс: «Терроризм – это совокупность актов насилия (нападения, захват заложников и т. д.), совершаемых организацией или отдельным лицом с целью создания небезопасной обстановки, шантажа правительства, удовлетворения ненависти к сообществу, стране, системе»¹.

В Израиле террористический акт определяется как «действие, движимое политическими, религиозными или идеологическими мотивами; осуществляемое с целью внушения общественности страха или беспокойства или принуждения правительства Израиля или другого правительства к определенным действиям; фактическое действие или реальная угроза причинения серьезного вреда» [Schanzer 2019:54]. Примечательно, что в законодательных и научных кругах есть отдельное определение Израиля, есть отдельное определение термина «палестинский терроризм», который означает палестинские акты насилия на низком уровне, совершаемые в политических целях с намерением причинить ущерб, вызвать страх и гнев в израильском

обществе, и тем самым побудить Израиль к ответным действиям [Hanap Alon 1980:3].

Таким образом, можно отметить, что основная суть определения терроризма имеет схожесть во многих странах, но всё же в деталях есть различия, также список действий, которые можно классифицировать как терроризм, разнится в зависимости от той или иной страны.

Антитеррористическая политика государств

За два десятилетия в России была создана сильнейшая общенациональная система по противодействию терроризму, начало которой положили события сентября 2004 г. в Беслане, после которых президентом России В.В. Путиным 13 сентября 2004 г. было собрано расширенное заседание правительства с участием глав субъектов РФ, в ходе которого, президент России заявил: «Борьба с терроризмом должна стать в полном смысле общенациональным делом, и потому так важно активное участие в ней всех институтов политической системы, всего российского общества»². После принятия федерального закона «О противодействии терроризму» и указа президента РФ «О мерах по противодействию терроризму» – двух главных нормативно-правовых актов, заложивших основу новой государственной системы противодействия терроризму, призванной обеспечить проведение единой государственной политики в области антитеррористической деятельности и защиты основных прав и свобод человека и гражданина, а также национальной безопасности России, был образован специальный орган – Национальный антитеррористический комитет (НАК), в ответственность которого входит нормативно-правовое регулирование деятельности по борьбе с терроризмом на территории страны. На данный момент ведомство возглавляет генерал армии А.В. Бортников [Токбаев 2018: 61].

¹ Larousse Définition: terrorisme / Larousse. URL : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/terrorisme/77478> (дата обращения : 27.02.2022).

² Вступительное слово на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской

Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22592> (дата обращения 07.05.2021).

НАК является вышестоящим органом, который определяет стратегию и отвечает за обеспечение координационной деятельности, а антитеррористический комитет (АТК) реализует все поставленные перед ним задачи на уровне регионов. Под руководством директора ФСБ ведет свою работу Федеральный оперативный штаб (ФОШ), решающий задачи боевого противодействия, организующий контртеррористические операции, а также предупреждающий и выявляющий террористические угрозы. Следует отметить, что изначально НАК должен был обеспечивать лишь координационную функцию для органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях, однако впоследствии расширил сферу своего влияния до организационных и контрольно-надзорных обязанностей в отношении антитеррористической деятельности органов государственной власти.

Согласно Положению о национальном террористическом комитете от 26 декабря 2015 г., все государственные органы и организации обязаны исполнять решения НАК. За нарушение данного требования введена ответственность.

Одним из важнейших документов, направленных на борьбу с терроризмом в РФ, является Концепция противодействия терроризму, утвержденная Президентом России 5 октября 2009 года, она определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в РФ, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной антитеррористической системы¹. Именно этот документ дополнил положения федерального закона «О противодействии терроризму» и сформулировал ключевые подходы России к организации дальнейшей контртеррористической деятельности. В концепции учитывались факторы расширения географии терроризма,

проявление феномена транснациональности МТО, рост уровня организованности террористов и развитие масштабных террористических формирований с модернизирующейся инфраструктурой. Также учитывались амбиции террористов по овладению ядерным вооружением и осознавались их попытки вмешиваться во внутренние дела других государств посредством террористической деятельности.

3 марта 2020 г. первый заместитель руководителя аппарата НАК И.В. Кулягин отметил, что меры, предпринимаемые Комитетом, направлены на снижение уровня террористических угроз и террористической активности, а также на недопущение совершения преступлений террористической направленности. Что касается эффективности этих мер, то данные свидетельствуют о значительном снижении количества террористических преступлений в России: за последние 5 лет сократились в 9 раз².

В 2015 г. ввиду напряженной обстановки, складывающейся вокруг России, глава государства был вынужден утвердить новую стратегию национальной безопасности. Важно понимать, что слово «стратегия» в названии доктринального документа это не пустой звук, его главное предназначение – устремленность в будущее [Белозеров 2016: 14]. В 4 разделе документа «Государственная и общественная безопасность» были раскрыты важнейшие национальные приоритеты России, в том числе по защите государства от террористических угроз, которые, согласно статистическим данным МВД, увеличились почти в два раза в 2014 г. по сравнению с периодом с 2007 по 2013 гг., немаловажным моментом является пункт документа, включающий вопрос важности обеспечения безопасности в информационном пространстве, подчёркивающий актуальность этой проблемы.

¹ Кочои С. М. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: перспективы совершенствования с учетом опыта борьбы против религиозного терроризма. Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т 14, No 1. С. 30–37.

² В НАК заявили о сокращении числа терактов в девять раз за 5 лет // «РБК» // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e5e242c9a79470506f99188> (дата обращения 08.05.2021).

В связи с возрастающей агрессивностью и распространением радикальной пропаганды перед государством встала необходимость организации системной контрпропагандистской работы в масштабах всего государства. Под эгидой НАК были разработаны и реализованы, как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях, пятилетние комплексные планы мероприятий в сфере противодействия идеологии терроризма, действующие с 2008 года¹. Предметное участие в этой работе принимают министерства: науки и высшего образования, просвещения, культуры, цифрового развития, Роскомнадзор, Росмолодежь и другие ведомства. Благодаря реализации данного плана, число преступлений сократилось более чем в 8 раз с 2013 по 2018 гг.² Благодаря деятельности НАК ведется работа с мигрантами, помогающая им адаптироваться и интегрироваться в общество, что, в свою очередь, позитивно сказывается на предотвращении распространения идеологии экстремизма и терроризма [Заляев 2020: 52]. Согласно заявлению И.В. Кулягина, только в 2018 году было закрыто более 64 тысяч интернет-ресурсов террористической и экстремистской направленности³.

На официальном сайте НАК можно найти огромное количество информации о неустанной работе данной организации и о ее успехах. Анализируя большое количество новостей сайта, можно сделать вывод о регулярном проведении антитеррористических учений и операций в различных регионах России. Также НАК проводит круглые столы по вопросам терроризма и экстремизма, организует пресс-конференции и брифинги. 16 июня 2020 г. во

время встречи с В.В. Путиным глава ФСБ А.В. Бортников заявил, что за 10 лет деятельности комитета было предотвращено 698 преступлений террористической направленности, 159 касались терактов. Также глава ФСБ сообщил о выявлении 728 фактов финансирования террористической деятельности за последние 10 лет, все они были предотвращены⁴.

Касательно финансирования терроризма, был принят Федеральный закон N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г., направленный на создание правового механизма противодействия легализации доходов, полученных незаконными способами, которые в свою очередь могут способствовать финансированию терроризма. Данный закон и его модернизация являются необходимыми, так как слабые стороны финансовой системы не только угрожают национальной безопасности страны, позволяя легализовать преступные доходы и финансировать терроризм, но также ставят под сомнение партнерские отношения с другими странами и негативно влияют на международный имидж государства [Скребец 2016:141]. В ответ на предпринимаемые меры правоохранительных органов по блокировке нелегальных счетов, лидеры террористических группировок постоянно ведут поиск новых способов финансирования: используют незарегистрированные НКО, функционирующие под видом благотворительных организаций, усиливают методы конспирации при сборе денежных средств.

¹ Сироткин И. Г. Выступление заместителя Директора ФСБ России — руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета И. Г. Сироткина «Комплексный план противодействия идеологии терроризма как эффективная форма системной профилактики террористических идей» Вестник национального антитеррористического комитета. 2020. No 1(23). С. 12–14.

² Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu->

[net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html](http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html) (дата обращения 08.05.2021).

³ Московский педагогический государственный университет // URL: <http://mpgu.su/novosti/nacionalnyj-antiterroristicheskij-komit-et-otchitalsja-o-predotvrashhenii-20-teraktov/> (дата обращения 08.05.2021).

⁴ Штучная работа // «Российская газета» // URL: <https://rg.ru/2020/06/16/za-10-let-fsb-predotvratila-pochti-700-terroristicheskikh-prestuplenij.html> (дата обращения 08.05.2021).

Нельзя обходить стороной и российское уголовное законодательство, которое рассматривает преступления террористического характера как посягательство на общественную безопасность [Рарог 2017: 156–157]. Перечень статей УК РФ постоянно дополняется и совершенствуется. Зачастую это происходит как ответ страны на произошедшие террористические акты и в процессе выявления проблем криминализации, толкования, квалификации в ходе применения норм права.

Еще одним федеральным законом, направленным на защиту государства от террористических посягательств, является ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ», созданный в ответ на нарастающие угрозы внутри страны, согласно которому главными задачами Российской гвардии являются – участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом; участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции¹.

Россия намерена развивать антитеррористическое сотрудничество в восточном направлении, прежде всего с Китаем в рамках ШОС. Но на этом направлении присутствуют противоречия у сторон: несмотря на наличие Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Китай не слишком заинтересован в антитеррористической деятельности, считая приоритетными экономические вопросы, для России наоборот – проблема терроризма является первоочередной². Развитие восточного направления антитеррористического сотрудничества является крайне важным, так как именно оттуда в подавляющем большинстве в Россию попадают террористы.

КНР является страной, которая не меньше других сталкивается с террористической проблемой и испытывает серьезный ущерб от террористических актов. Одним из самых нестабильных районов Китая является СУАР, где на протяжении долгого времени сохраняется тлеющая нестабильность, подогреваемая такими организациями, как ИГИЛ, Аль-Каида, а также различными движениями, которые активно выступают за независимость Восточного Туркестана. СУАР, являясь чрезвычайно важным геостратегическим регионом, вынуждает правительство Китая предпринимать решительные шаги по искоренению террористической активности не только внутри страны, но и на внешнем направлении³. В связи с нависшей угрозой терроризма в 2009 г. правительство КНР увеличило контртеррористический бюджет СУАР с 241 млн долл. в 2009 г. до 930 млн долларов в 2014 г., что говорит о серьезности подхода к данному вопросу, основная часть средств пошла на создание системы электронной связи «Скайнет», предполагающей размещение огромного количества камер видеонаблюдения.

В 2014 г. в Китае была создана Национальная комиссия по безопасности – первый антитеррористический орган, который возглавил председатель КНР Си Цзиньпин, что означало возведение борьбы с терроризмом на самый высокий уровень⁴. В целях противодействию терроризму Государственный совет КНР в 2019 г. выпустил «Белую книгу» по профессиональной и образовательной подготовке в СУАР, в которой обосновывается необходимость проведения соответствующей политики, а также описываются полученные результаты и опыт властей. В итоге были достигнуты серьезные успехи, благодаря которым устранены условия, способствующие распространению

¹ ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» // URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/40960> (дата обращения 10.05.2021).

² Лузянин С.Г. Пятеро против одного. Приоритеты России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества не совпадают // Независимая газета от 28.09.2004 (дата обращения 15.05.2021).

³ Мавлонова А.С. Влияние внешних факторов на развитие сепаратизма в СУАР КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. No 4. С. 770—780.

⁴ Дейч Т.Л. Позиция Китая в вопросе борьбы с внутренней и внешней террористической угрозой // Конфликтология / nota bene, No 1. 2018. С. 1–11.

терроризма и другой незаконной деятельности, более того, люди, прошедшие специальную подготовку, смогли получить работу и встать на путь исправления¹.

В новой «Белой книге» по национальной обороне Китая (Национальная оборона Китая в новую эру), обнародованной 24 июля 2019 г., отмечается, что необходимо продолжать противостояние тайваньскому и тибетскому сепаратизму, а также нужно ликвидировать все движения, преследующие цель создания Восточного Туркестана. Сообщается, что с 2014 г. Народная вооружённая полиция Китая приняла участие в ликвидации 1588 террористических группировок и аресте свыше 12 тыс. террористов на территории СУАР².

Согласно рейтингу стран по уровню терроризма «Global Terrorism Index», в 2014 г. Китай занимал 25 место, а в 2020 г. переместился на 42 место, что говорит об эффективности предпринимаемых мер по противодействию терроризму. То же самое можно сказать и о России, которая в 2014 г. была на 9 месте, а в 2020 г. переместилась на 39³.

Что касается Индии, то это государство имеет несколько основных очагов терроризма: Джамма, Кашмир, Пенджаб, и имеет длинную историю столкновения с этим явлением, поэтому требует большего внимания мирового сообщества к данной проблеме. Меры предупреждения терроризма содержатся в законодательстве Индии, а точнее в её Конституции. Например, статья 14 гарантирует равное отношение ко всем гражданам страны вне зависимости от религиозного, национального, этнического и других признаков с целью предупреждения радикальных настроений в обществе; статья 16 гарантирует равенство возможностей для всех граждан при приёме на государственные должности и др. В данном

случае Конституция Индии является главным всеобщим законодательным актом по антитеррористической повестке. Поскольку в Индии полномочия между центром и провинциями чётко распределены, то у каждого штата есть свои законодательные документы по противодействию и предупреждению терроризма [Яковлев 2014:402].

Во Франции очень серьёзно подходят к антитеррористическим мерам. Во-первых, по причине того, что в основной массе террористические акты в этом государстве совершаются мигрантами, существует ряд программ для ускоренной интеграции выходцев из Северной Африки и стран Ближнего Востока, что призвано предупредить радикальные настроения. Во-вторых, существует более 20 законодательных актов антитеррористической направленности, действующие на территории Французской Республики, которые регулируют различные аспекты этого явления, но, конечно же, законодательная проработка антитеррористической повестки не даёт 100% защиты от террора. Это западноевропейское государство подвергается атакам террористов намного чаще своих соседей по континенту, поэтому она зачастую становится основным инициатором международных антитеррористических кампаний, основная часть которых, конечно же, приходится на ЕС, например, работа таких органов, как Европол, Евроджаст, FRONTEX и т.д. [Ермакова 2018:76].

Главным направлением антитеррористической деятельности Израиля является противодействие таким организациям, как Палестинский Исламский Джихад и ХАМАС. Основная работа в этом направлении ведется Министерством Обороны Израиля, а на законодательном уровне для этих целей действует «Закон

¹ Панасенко В.Н. Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике // Труды Академии управления МВД России. 2020. No 4 (56). С. 191–197.

² Новая «Белая книга» по национальной обороне Китая // Planet Today [Электронный ресурс]. <https://planet-today.ru/novosti/armiya/armii->

[mira/item/109189-novaya-belaya-kniga-po-natsionalnoj-oborone-kitaya](https://planet-today.ru/novosti/armiya/armii-mira/item/109189-novaya-belaya-kniga-po-natsionalnoj-oborone-kitaya) (дата обращения: 20.07.2020).

³ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2020. [Электронный ресурс]. <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 20.07.2020).

против терроризма» 2016 г. Стоит отметить, что Израиль борется с терроризмом на своей территории не самостоятельно, так как находится в окружении недружественных стран, хотя и обладает достаточной мощью в военной сфере, а привлекает для этой цели своих западных партнёров [Vinson 2008:61]. Израиль в 2017 г. призывал всё мировое сообщество к активизации борьбы против терроризма с трибуны ООН¹.

Все приведённые выше примеры указывают на то, что государства мира подходят по-разному к законодательным и фактическим мерам по предотвращению и предупреждению терроризма, но всё же стоит выделить одну общую тенденцию – это стремление к международному сотрудничеству в данном направлении и восприятие терроризма в качестве глобальной угрозы.

Работа российских властей по обеспечению безопасности во время Чемпионата мира по футболу 2018 г.

Отдельно стоит обратить внимание на Чемпионат мира по футболу, состоявшийся в России в 2018 г. Мировые лидеры были крайне обеспокоены высоким уровнем риска терактов и уведомляли об этом своих граждан, выезжающих в РФ. Повод для беспокойства у них действительно был: пропаганда терроризма на ЧМ-2018 в социальных сетях со стороны ИГИЛ (запрещенная организация в РФ)². Многочисленные угрозы были адресованы как к массам и мировому сообществу, так и конкретным людям – знаменитым футболистам [Soliev 2018: 17]. Повышенное внимание террористической группировки именно к Чемпионату мира по футболу обусловлено тем, что, помимо того, что это массовое зрелище, в ИГИЛ официально

запрещена символика футбольных клубов и просмотр игр, как противоречащих идеологии организации и распространяющих западные ценности.

Поскольку Россия несла ответственность за антитеррористическую безопасность во время Чемпионата, это было полноценно обеспечено. В преддверии мундиала вышел указ президента РФ В.В. Путина о введении дополнительных мер безопасности, таких как ужесточение условий оборота и перевозки различных видов оружия, а также приостановка работы потенциально опасных предприятий, в том числе заводов химической промышленности; под контроль было взято использование некоторых устройств связи, включая рации; особое внимание уделялось и тем, кто въезжал на территорию РФ в период с 14 июня по 15 июля: в пересечении границы было отказано иностранным гражданам, ранее совершавшим правонарушения и находящимся в базах данных Интерпола или национальных футбольных федераций. Все гости мундиала должны были встать на учёт в местных органах МВД, также был усилен контроль и патрулирование Росгвардии. Помимо российских спецслужб, за безопасностью на Чемпионате мира следили и западные коллеги³. Этот опыт ранее применялся на Олимпиаде в Сочи в 2014 г. и Кубке Конфедераций в 2017 г. и является очень ценным и эффективным в области международной антитеррористической безопасности.

Подводя итоги Чемпионата мира 2018 г., выяснилось, что было совершено несколько попыток террористических атак на болельщиков посредством дронов⁴, но они были благополучно предотвращены спецслужбами. Подробности операций не

¹ General Assembly - Sixth Committee - 72nd Session Statement by: Mr. Amit Neumann, Legal Adviser / United Nations. URL: https://www.un.org/en/ga/sixth/72/pdfs/statements/int_terrorism/israel.pdf (дата обращения 27.02.2022).

² Russia World Cup threatened by lone jihadi terror attacks // «CNBC» // URL: <https://www.cnn.com/2018/05/01/russia-world-cup-threatened-by-lone-jihadi-terror-attacks.html> (дата обращения 11.05.2021).

³ Угроза с неба: во время ЧМ-2018 ФСБ предотвратила несколько терактов с использованием дронов //

«Russian RT» // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/571215-championat-mira-terrorizm-bespilotniki> (дата обращения 11.05.2021).

⁴ Russia prevented World Cup drone terror attacks - security chief // «ESPN» // URL: <https://www.espn.com/soccer/fifa-world-cup/story/3692566/russia-prevented-world-cup-drone-terror-attacks-security-chief> (дата обращения 11.05.2021).

разглашаются, но сообщается, что атаки были совершены сетью экстремистских группировок.

Опыт Чемпионата мира дал импульс к развитию уже имеющихся методов противодействия терроризму. Так, например, российские спецслужбы отметили участвовавшие случаи применения беспилотных летательных аппаратов в целях террора, что поставило на повестку дня законодательное регулирование применения и использования дронов.

Стоит отметить, что после Чемпионата мира российские спецслужбы всё чаще стали сотрудничать с западными коллегами по вопросам антитеррористической безопасности. В 2019 г. было предотвращено 33 теракта и раскрыто 78 международных террористических ячеек, некоторые теракты были предотвращены с помощью американских спецслужб¹. В 2020 г. было предотвращено 44 теракта, ликвидировано 50 боевиков и 71 ячейка, а также уничтожены 156 тайников с оружием для террористов².

Оценка антитеррористической деятельности РФ

Для оценки качества работы государственных органов и эффективности антитеррористического законодательства следует проанализировать террористическую активность за период с 2003–2020 гг., для этого были взяты данные федерального казённого учреждения «информационно-аналитического центра» Министерства внутренних дел РФ³. Анализируя статистические данные за 17 лет, можно сделать вывод о том, что с 2003 по 2006 гг. терроризм находился на пике своего развития. Затем наблюдается явная тенденция по снижению и сведению к минимуму вплоть до 2014 г. На протяжении

7 лет, с 2007 года по 2013 г. отмечался стагнационный период. Однако с 2014 года террористическая деятельность возобновилась с новой силой и продолжает держаться на приблизительно одном уровне до настоящего времени, но все же не доходит до показателей начала 2000-х. Таким образом, количество зарегистрированных террористических преступлений в 2020 г., по сравнению с 2004 г., снизилось на 75%, то есть в несколько раз, но террористы начали приспосабливаться к методам, используемым оперативными подразделениями, поэтому сотрудники спецслужб и их руководство должны осознавать данную угрозу и модернизировать методы борьбы с преступниками.

Заключение

Спецслужбы РФ активно развивают антитеррористическую деятельность, совершенствуя методы противодействия терроризму и отслеживая модификации в совершении и подготовке терактов: помимо того, что уже имеется позитивный опыт сотрудничества с западными спецслужбами, планируется развивать антитеррористическую кооперацию и с восточными соседями, через территорию которых террористические группировки попадают в страну. Но особенно перспективным вектором является работа с гражданским обществом, так как пропаганда в медиа и настроения в массах, особенно среди молодёжи, служат «мишенью» для террористов. Данное направление привлекает наибольшее внимание спецслужб, уже подготавливающих новые меры по предотвращению экстремистских настроений в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Международные отношения. 2017. №Том 17, №4. С. 738–748.

¹ Случаи предотвращения терактов в России в 2019 году // «РИА» // URL: <https://ria.ru/20191229/1562998771.html> (дата обращения 11.05.2021).

² В 2020 году в России предотвратили 44 теракта // «ТАСС» // URL:

<https://tass.ru/proisshestiya/11193733> (дата обращения 12.05.2021).

³ Главный информационно-аналитический центр // URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения 12.05.2021).

- Белозёров В.К.* От Стратегии национальной безопасности - к глобальному и перспективному стратегическому проектированию. *Власть*. 2016. С. 10-15.
- Ермакова Э.В.* Борьба с терроризмом в Европе: утопия или упущенная возможность // *Political problems of international relations, global and regional development*. 2018. Том 8. № 1А. С. 69–80.
- Заяев Р.И.* Адаптация и интеграция как механизмы предотвращения распространения идеологии экстремизма и терроризма среди мигрантов *Вестник национального антитеррористического комитета*. 2020. No 1(23). С. 47–52.
- Песцова Д.С.* Опыт привлечения институтов гражданского общества к мероприятиям в сфере профилактики идеологии терроризма на территории Ульяновской области. *Вестник национального антитеррористического комитета*. 2020. No 1(23). С. 39–41.
- Рарог А.И.* Уголовный кодекс России против терроризма // *Lex Russica*. 2017. No 4 (125). С. 155–178.
- Сидненко Г.Ф.* Информационное противодействие терроризму: политологический аспект. Монография, – М.: Изд-во Триумф, Лучшие Книги, 2019–220 с.
- Скребец Е.С.* Борьба с терроризмом в Российской Федерации: концепция и методология. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского *Юридические науки*. – 2016. – Т. 2 (68). No 1. – С. 137–144.
- Стивахтис Я.А.* Средиземноморский регион? Пересмотр теории комплекса региональной безопасности // *Вестник Российского Университета Дружбы Народов*. Серия: Международные отношения. 2021. Том 21, № 3. С. 416–428.
- Токбаев А.А.* Национальный антитеррористический комитет как орган противодействия в борьбе с терроризмом, Пробелы в российском законодательстве. 2018. No 3. С. 61–63.
- Яковлев А.Ю., Яковлев П.Ю.* Правовое обеспечение противодействия терроризму в Индии // *Вестник РУДН*. Серия: Юридические науки. 2014. №4.
- Hanan Alon.* Countering Palestinian Terrorism in Israel: toward a policy analysis of countermeasures; RAND Corporation. 1980. 271 p.
- Nathanson, S.* Terrorism and the Ethics of War. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. pp. 11-23.
- Nodirbek Soliev.* Terrorist Threat to the 2018 World Cup in Russia. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 10, No. 6 (June 2018), pp. 16-21.
- Schanzer J.* Terrorism. *Israel Studies*: Indiana University Press. 2019. Vol.24, No 2. 52–62 pp.
- Schmid A., Jongman A.* Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories and literature: Routledge. 2005. 1st edition. 700 p.
- Vinson M.* An Israeli approach to deterring terrorism: managing persistent conflict through a violent dialogue of military operations: *Prism*. 2015 Vol. 5, No 3. 60–75 pp.

REFERENCES

- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P.* Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshchestva // *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov*. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. №Tom 17, №4. S. 738–748.
- Belozyorov V.K.* Ot Strategii nacional'noj bezopasnosti - k global'nomu i perspektivnomu strategicheskomu proektirovaniyu. *Vlast'*. 2016. S. 10-15.
- Ermakova E.V.* Bor'ba s terrorizmom v Evrope: utopiya ili upushchennaya vozmozhnost' // *Political problems of international relations, global and regional development*. 2018. Tom 8. № 1А. S. 69–80.
- Zalyaev R.I.* Adaptaciya i integraciya kak mekhanizmy predotvrashcheniya rasprostraneniya ideologii ekstremizma i terrorizma sredi migrantov *Vestnik nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*. 2020. No 1(23). S. 47–52.
- Pescova D.S.* Opyt privlecheniya institutov grazhdanskogo obshchestva k meropriyatiyam v sfere profilaktiki ideologii terrorizma na territorii Ul'yanovskoi oblasti. *Vestnik nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*. 2020. No 1(23). S. 39–41.
- Rarog A.I.* Ugolovnyj kodeks Rossii protiv terrorizma // *Lex Russica*. 2017. No 4 (125). S. 155–178.

Дементьева О. Е., Моргоева Д. Э., Нестеров А. В. Терроризм в Российской Федерации в 2002–2020 гг.

Sidnenko G. F. Informacionnoe protivodejstvie terrorizmu: politologicheskij aspekt. Monografiya, – M.: Izd-vo Triumf, Luchshie Knigi, 2019–220 s.

Skrebec E.S. Bor'ba s terrorizmom v Rossijskoj Federacii: koncepciya i metodologiya. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2016. – Т. 2 (68). No 1. – S. 137–144.

Stivahtis Ya.A. Sredizemnomorskij region? Peresmotr teorii kompleksa regional'noj bezopasnosti // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. Tom 21, № 3. S. 416–428.

Tokbaev A.A. Nacional'nyj antiterroristicheskij komitet kak organ protivodejstviya v bor'be s terrorizmom, Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. No 3. S. 61–63.

Yakovlev A.Yu., Yakovlev P.Yu. Pravovoe obespechenie protivodejstviya terrorizmu v Indii // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2014. №4.

Hanan Alon. Countering Palestinian Terrorism in Israel: toward a policy analysis of countermeasures; RAND Corporation. 1980. 271 p.

Nathanson, S. Terrorism and the Ethics of War. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. pp. 11-23.

Nodirbek Soliev. Terrorist Threat to the 2018 World Cup in Russia. Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 10, No. 6 (June 2018), pp. 16-21.

Schanzer J. Terrorism. Israel Studies: Indiana University Press. 2019. Vol.24, No 2. 52–62 pp.

Schmid A., Jongman A. Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories and literature: Routledge. 2005. 1st edition. 700 p.

Vinson M. An Israeli approach to deterring terrorism: managing persistent conflict through a violent dialogue of military operations: Prism. 2015 Vol. 5, No 3. 60–75 pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дементьева Оксана Евгеньевна, Oksana E. Dementieva, Master of магистр в области «Международных отношений», Москва, Россия. E-mail: International Relations, Moscow, Russia. E-mail: 1032202536@rudn.ru
1032202536@rudn.ru

Моргоева Дзерасса Эльбердовна, Dzerassa E. Morgoeva, Master of магистр в области «Международных отношений», Москва, Россия. E-mail: International Relations, Moscow, Russia. E-mail: 1032201416@rudn.ru
1032201416@rudn.ru

Нестеров Алексей Вячеславович, Alexey V. Nesterov, Master of магистр в области «Международных отношений», Москва, Россия. E-mail: International Relations, Moscow, Russia. e-mail: 1032202644@rudn.ru
1032202644@rudn.ru